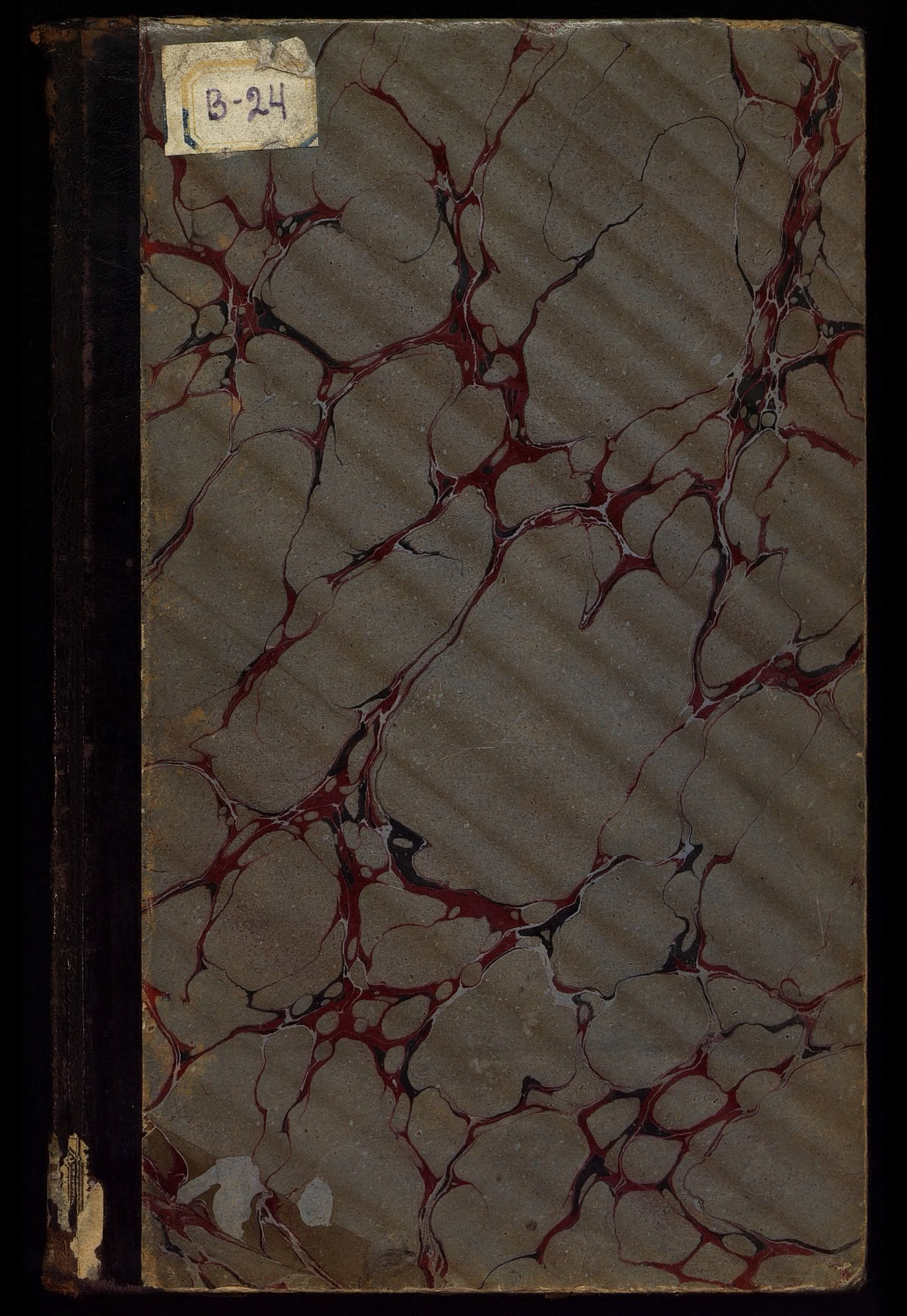
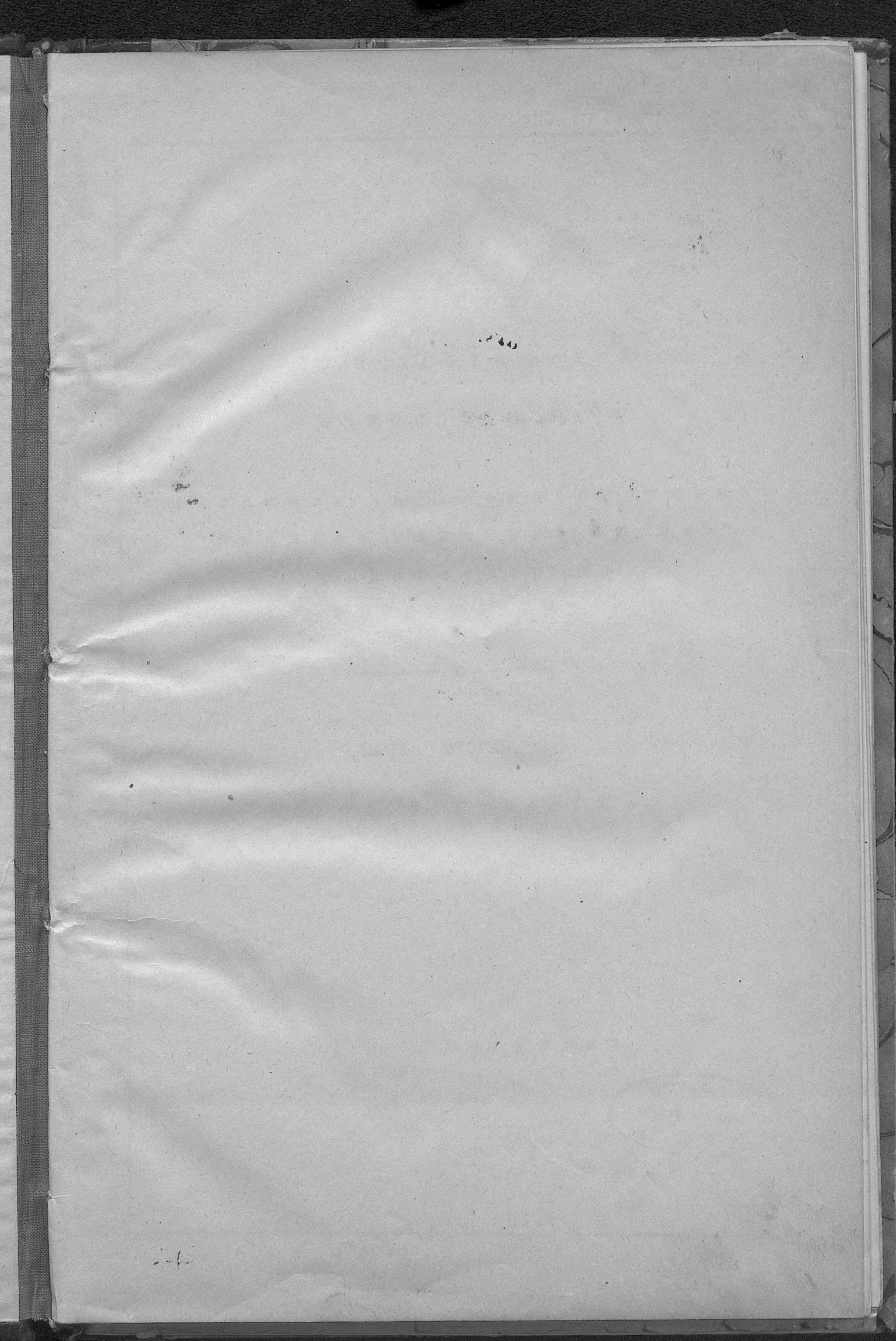
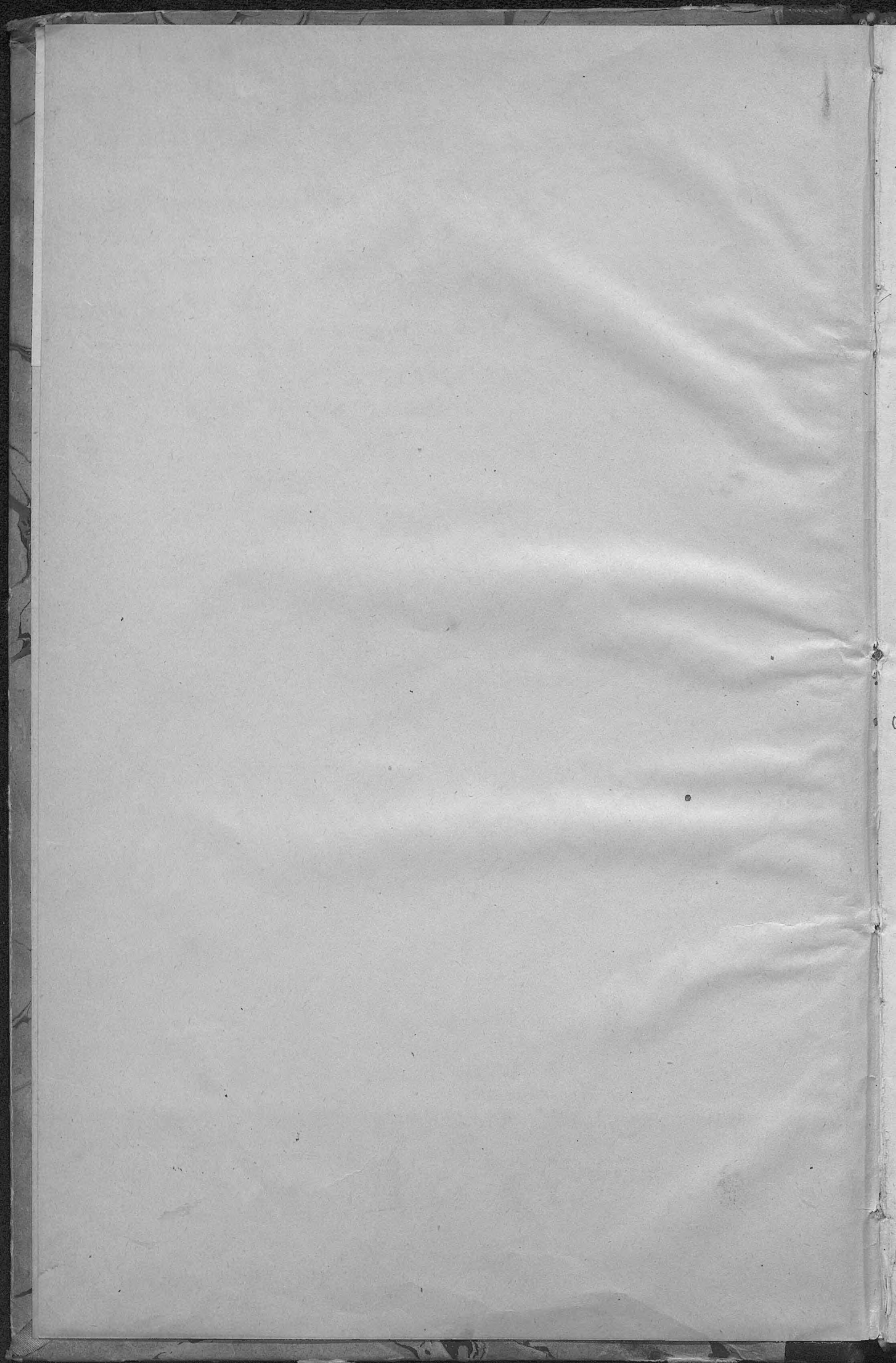

B-24

Не выдается.

1896 г.

+

ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРІИ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ,

Читанния на С.-Петербургскихъ
Высшихъ Женскихъ Курсахъ
Профессоромъ
А. И. ВВЕДЕНСКИМЪ.

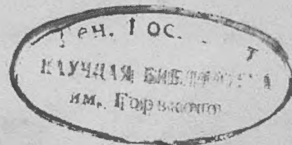
——— x ———

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.

С.-Петербургъ.

1896 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

которое надо прочесть.

Въ этихъ запискахъ часть текста отмѣчена по обоимъ бокамъ чертами. Относительно этой части рекомендуется непремѣнно внимательно и вдумчиво прочесть ее |ибо она значительно разъясняетъ содержаніе остальной части|, и непремѣнно при первомъ же чтеніи записокъ, но не стараться запоминать ее къ экзамену. Вопросы изъ этой |отчеркнутой| части не будутъ предлагаться на экзаменѣ. Но кто ее пропуститъ, не прочитавъ, рискуетъ многаго не понять въ остальной части. То же самое рекомендуется и относительно подстрочныхъ примѣчаній кромѣ тѣхъ, въ которыхъ сдѣлана оговорка, что ихъ надо запомнить. Неизложенные здѣсь отдѣлы философіи Канта |т.е. его практическую и эстетическую философію| приготовить по книгѣ Виндельбанда"Философія Канта" русс. перев. Н. Платоновой. Для болѣе же легкаго пониманія изложенія въ запискахъ |или даже у Виндельбанда| теоретической философіи Канта рекомендуется заучить чуть не наизусть кромѣ отчеркнутыхъ по бокамъ мѣстъ все, что говорится здѣсь до біографіи Канта. Вообще не слѣдуетъ забывать, что нельзя приготовиться къ экзамену по философіи, не заучивая нѣкоторыхъ положеній и нѣкоторыхъ главныхъ связей между ними |т.е. ихъ порядка| : иначе выйдетъ то, что, во первыхъ, отвѣчающій не съумѣетъ найти словъ

Литографія Богданова.Эртелевъ пер. №7.

для выраженія тѣхъ мыслей, которыя онъ должен передать; во вторыхъ при передачѣ чужихъ разсужденій |вслѣдствіе тонкостей какъ въ ходѣ развитія ихъ мыслей, такъ и въ разницѣ съ разсужденіями другихъ мыслителей| приплететъ свои собственныя измышленія по поводу ихъ предмета.

А. Введенскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФИЛОСОФІИ КАНТА.

Во второй половинѣ XVIIIв., если не всѣ, то очень многіе, на континентѣ Европы утратили вѣру въ раціонализмъ. Изъ прежнихъ философскихъ направленій они поэтому могли примкнуть только къ Эмпиризму, будетъ ли онъ проведенъ болѣе или менѣе послѣдовательно, это безразлично. Многіе такъ и дѣлали. Но не могли сдѣлать это всѣ мыслители того времени; ибо какъ разъ къ половинѣ XVIIIв. Юмъ, вѣря въ эмпиризмъ и развивая его до конца, можетъ быть, даже неожиданно для самого себя, вскрылъ передъ своими современниками несостоятельность эмпиризма и тѣмъ долженъ былъ заставить хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ искать новыхъ путей въ развитіи философіи. Для современниковъ Юма стало ясно, что, если идею причинности оправдывать опытомъ, |какъ это требуетъ эмпирическая точка зрѣнія|, то она недостовѣрна, а съ нею недостовѣрна и вся индуктивная сторона эмпирическаго знанія, и лишь описательная часть его сохраняетъ свою достовѣрность. Но такое недовѣріе къ индуктивнымъ выводамъ для многихъ современниковъ Юма психологически невозможно, такъ какъ на ихъ глазахъ быстро развилась почти-что до нынѣшняго своего положенія механика, общая и небесная; въ ней совершились открытія Ньютона, множество ихъ было сдѣлано и Франклиномъ въ области физики, и подготовлялись открытія Лавуазье въ химіи. - А изъ этого выходитъ, что современники Юма скорѣе должны были признать самый эмпиризмъ несостоятельнымъ.

Къ тому же на нихъ могли дѣйствовать еще двѣ другія причины, заставившія ихъ отречься отъ эмпиризма.

Коль скоро скептическій выводъ Юма относительно идеи причинности былъ признанъ вѣрнымъ, то приходилось признать недостовѣрной даже и описательную часть эмпирическаго знанія, ибо она тоже строится при помощи идей причинности. Разъяснить это можно на слѣдующихъ примѣрахъ. Возьмемъ хотя-бы историческое описаніе, -напр. Петра Великаго и его времени. Это описаніе явнымъ образомъ составлено при помощи идеи причинности. Мы узнаемъ, что Петръ жилъ тогда-то, на ряду съ такимъ - то лицомъ, былъ таковъ-то и дѣлалъ то-то, и то-то и т.д., - непрямо изъ опыта, а только по слѣдамъ его существованія, т.е. отъ этихъ слѣдовъ, какъ дѣйствій, мы, при помощи идеи причинности, заключаемъ къ его существованію, и къ характеру его и его времени, какъ къ причинѣ этихъ слѣдовъ. - Возьмемъ описаніе иного рода, -напр., описаніе слона. И здѣсь сказывается вліяніе идеи причинности. Допустимъ даже, что мы видѣли когда-либо слона воочію; но объ его существованіи, видѣ и т.д. мы судимъ по нашимъ воспоминаніямъ о немъ, и отъ нихъ , какъ отъ дѣйствій, заключаемъ къ существованію слона, какъ причинѣ этихъ дѣйствій |т.е. воспоминаній|. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, если Юмъ правъ, то отъ всего эмпирическаго знанія остается достовѣрной только одна наличность факта, только то, что я сейчасъ сознаю себя, какъ воспринимающимъ нѣчто и представленіе о будущемъ и прошломъ, которыхъ нечѣмъ провѣрить; и все, что касается прошедшаго и будущаго, теряетъ такимъ обра-

зомъ свою достовѣрность вслѣдствіе недостовѣрности принципа причинности.

Мало того, если допустить, что принципъ причинности надо провѣрять только опытомъ, то тогда з а к о л е б л е т с я и с а м ы й э м п и р и з м ъ. Онъ утверждаетъ, что все содержаніе нашего знанія слагается подъ вліяніемъ опыта и законовъ ассоціаціи, и слѣдовательно, у ж е в ъ с а м о й с в о е й т е о р і и онъ руководствуется идеей причинности. |Ибо отъ опыта и законовъ ассоціаціи, какъ причины, онъ заключаетъ къ содержанію нашего знанія, какъ дѣйствію.| Если же идея причинности недостовѣрна, то недостовѣренъ и самый эмпиризмъ. Эти два соображенія не были еще высказаны въ прошломъ столѣтіи, но можно думать, что все это могли въ то время почувствовать.

И такъ умы наиболѣе выдающихся мыслителей второй половины XVIII в., ознакомившихся и съ трудами Юма|Умершаго въ 1756г., т.е. какъ разъ въ началѣ этой половины| и съ Nouveaux Essays Лейбница |вышедшими въ 1765г., т.е. тоже въ началѣ половины XVIIIв.|, должны были попасть въ слѣдующее положеніе: они должны были признать, что п р и н ц и п ы э м п и р и ч е с к а г о з н а н і я о п р а в д а н і ю п у т е м ъ о п ы т а н е п о д д а ю т с я. Къ этому вели ихъ, во первыхъ, самъ Юмъ своими выводами, а кромѣ того и Лейбницъ пояснилъ, что опытъ недостаточенъ для оправданія о б щ а г о значенія положеній |и выводныхъ и принципіальныхъ| эмпирическаго знанія, т.е. ихъ значенія для в с я к а г о мѣста и для

всякаго времени. |Все это было объяснено Лейбницемъ въ Nouveaux essays |.

2|. Кромѣ того, по доказательству Юма, они должны были признать, что связь причины съ дѣйствіемъ есть связь синтетическая, а не аналитическая. Къ признанію этого побуждало и то обстоятельство, что во второй половинѣ XVIIIвѣка | ко времени смерти Юма| раціонализмъ неудачно уже испробовалъ возможные способы раціонализированія связи вещей и этимъ обнаружилъ свою несостоятельность.

3|. А признавъ и то, и другое, современники Юма все же, въ силу успѣха астрономіи, физики и химіи, не могли сдѣлаться скептиками, должны были вѣрить въ принципъ причинности и принципъ эмпирическаго знанія вообще.

Можетъ возникнуть сомнѣніе, какъ же все таки могла уцѣлѣть подобная вѣра послѣ изслѣдованія Юма и потери вѣры въ раціонализмъ? Отвѣтъ на это сомнѣніе мы находимъ, присматриваясь къ Канту. Если бы не существовало науки, въ которой никто никогда не сомнѣвался и которая, въ то же время, основывается на синтетическихъ принципахъ, причемъ эти принципы нельзя и пытаться оправдать опытомъ,- то во второй половинѣ XVIII стол. было бы весьма трудно продолжать вѣрить въ синтетическій законъ причинности, узнавъ, что опытъ не въ состояніи оправдать общее значеніе синтетическихъ сужденій. Но существованіе математики облегчало эту задачу. Кантъ указалъ, извѣрившись въ раціонализмѣ и понявъ нераціонализируемость причинной связи, въ то

же время убѣдился, что почти всѣ математическія аксіомы суть синтетическія сужденія, напр., аксіома, что п р я м а я линія есть к р а т ч а й ш е е разстояніе между двумя точками. Вѣдь подлежащее-понятіе прямизны, т.е. к а ч е с т в е н н ы й признакъ, сказуемое - понятіе к о л и ч е с т в е н н о е, краткость; а явное дѣло, что количество въ качествѣ не подразумѣвается. Въ то же время нелѣпо и пытаться оправдать эту аксіому въ опытѣ: ибо для этого надо измѣрять линіи, а перемѣрить в с ѣ безъ исключенія линіи, которыя могли бы пройти между к а к и м и у г о д н о парами точекъ, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ число такихъ точекъ безконечно. Такое свойство математики дѣлаетъ понятнымъ, что , признавъ законъ причинности сужденіемъ синтетическимъ, которое не можетъ быть оправдываемо однимъ лишь опытомъ, можно было все-таки въ него вѣрить, какъ вѣрятъ въ математическія аксіомы. Какъ разъ такое отношеніе къ дѣлу мы и видимъ у Канта, на что онъ самъ указываетъ въ Prolegomenáхъ: по его собственнымъ словамъ, если бы Юмъ замѣтилъ, что математическія аксіомы суть сужденія синтетическія, то онъ тотчасъ пересталъ бы дѣлать изъ своего анализа идеи причинности скептическіе выводы, ибо эта идея оказалась бы въ столь почтенномъ обществѣ |математическихъ аксіомъ|, что скептицизму врядъ-ли осталось бы мѣсто; удары, предназначенные для метафизики, попадали бы и въ математику, отъ чего , по мнѣнію Канта, Юма удержалъ бы его здравый смыслъ.

СУЩНОСТЬ КАНТОВСКОЙ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

То саморазложеніе, котораго эмпиризмъ достигъ въ лицѣ Юма, и то саморазложеніе, которое обнаружилось въ раціонализмѣ ко второй половинѣ XVIIIвѣка, должны были заставить умы того времени |второй половины XVIII в.| искать новый путь философіи. Такой путь былъ найденъ КАНТОМЪ. И этотъ двойной процессъ саморазложенія | эмпиризма и раціонализма| въ связи съ успѣхомъ науки того времени объясняетъ историческое происхожденіе философіи Канта, ибо изъ того, къ чему |т.е. къ какимъ убѣжденіямъ| велъ этотъ процессъ умы XVIII в., становится понятнымъ не только то, что должно было возникнуть новое направленіе философіи, но и то, въ чемъ именно состоитъ его сущность. Именно:

1|. Кантъ вмѣстѣ съ Юмомъ, вмѣстѣ съ Лейбницемъ въ 60-хъ годахъ XVIII ст. долженъ былъ признать и призналъ, что всѣ принципы эмпирическаго знанія и даже математическіе принципы оправданію одного лишь опыта не поддаются и должны быть признаны независимо отъ опыта, во всей ихъ всеобщности. Подобные принципы Кантъ условился называть апріорными.

2|. Всѣ эти принципы безъ исключенія |и законъ причинности, и субстанціональности, и всѣ математическія аксіомы, кромѣ вспомогательныхъ| Кантъ считалъ сужденіями синтетическими. Значитъ поступалъ, какъ Юмъ, но въ болѣе широкомъ видѣ.

3|. Изъ этихъ положеній Кантъ отнюдь не дѣлаетъ, какъ это и слѣдуетъ ожидать, скептическихъ заключеній, будто-бы эти принципы должны быть признаны недостовѣрными. А это значитъ с ч и т а т ь в о з м о ж н ы м ъ о п р а в д а н і е* и х ъ н е з а в и с и м о о т ъ о п ы т а.

4|. А въ зависимости отъ предыдущаго предъ Кантомъ является такой вопросъ: какимъ же образомъ принципы нашего знанія, будучи сужденіями синтетическими, будутъ все-таки имѣть достовѣрное значеніе для всѣхъ предметовъ опыта в с е г д а и в е з д ѣ? д р у г и м и с л о в а м и: п о ч е м у ж е в ъ н и х ъ слѣдуетъ вѣрить? Будь они сужденіями аналитическими, это было бы понятно; но они сужденія синтетическія, да еще всеобщія; а мы сами говоримъ, что однимъ опытомъ нельзя оправдать такія сужденія? - Кантъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ путемъ: онъ доказываетъ, что с о д е р ж а н і е м ъ э т и х ъ п р и н ц и п о в ъ с л у ж а т ъ н е и з б ѣ ж н ы я д л я н а ш е г о с о з н а н і я ф о р м ы, т.е. такія формы или законы дѣятельности сознанія, безъ подчиненія которымъ мы не можемъ сознавать никакого объекта. Сперва объяснимъ, 1 а| что изъ предпринимаемаго имъ доказательства совпаденія содержанія синтетическихъ принциповъ знанія съ неизбѣжными формами сознанія дѣйствительно вытекаетъ ихъ достовѣрность; а потомъ скажемъ вкратцѣ, 2 в| какимъ именно путемъ ведется имъ доказательство этого совпаденія.

I|. Для первой цѣли допустимъ, что наше сознаніе

---

*Но не говоримъ еще объясненіе ихъ происхожденія независимо отъ опыта.

подчинено такимъ законамъ, вслѣдствіе которыхъ оно не можетъ сознавать внѣшнихъ предметовъ иначе, какъ въ формѣ пространственно протяженныхъ тѣлъ, имѣющихъ три измѣренія. Тогда, разумѣется, всякій предметъ внѣшняго опыта будетъ являться намъ не иначе, какъ въ этомъ видѣ, хотя бы самъ по себѣ этотъ предметъ не былъ пространственнымъ, или же имѣлъ другое число измѣреній. Такимъ образомъ синтетическое сужденіе -"всякій внѣшній предметъ есть тѣло, имѣющее три измѣренія" -будетъ имѣть значеніе для всѣхъ предметовъ внѣшняго опыта. Другой примѣръ: допустимъ, что наше сознаніе можетъ сознавать что бы то ни было не иначе, какъ въ той формѣ, чтобы все сознаваемое нами стояло другъ съ другомъ въ причинной связи; тогда "все", что является предметомъ опыта, - будетъ подчинено принципу причинности, хотя онъ представляетъ сужденіе синтетическое и путемъ однаго лишь опыта не можетъ быть оправданъ.

2|. Теперь скажемъ вкратцѣ, какъ именно Кантъ доказывалъ, что содержаніе синтетическихъ принциповъ нашего знанія совпадаетъ съ неизбѣжными для нашего сознанія формами. Для этой цѣли онъ доказываетъ два, слѣдующихъ положенія: а|. что такія неизбѣжныя для сознанія формы существуютъ и в|. что, выраженныя въ видѣ сужденій, онѣ дадутъ сужденія синтетическія, которыми, на основаніи только что изложеннаго, мы и въ правѣ пользоваться, какъ принципами знанія |т.е. эти бу-

дутъ имѣть значеніе для всего того, что является предметомъ опыта|. Самое же доказательство, говоря вкратцѣ, ведется слѣдующимъ путемъ: По мнѣнію Канта есть данныя, заставляющія допускать существованіе подобныхъ формъ. Эти данныя и можно признать безъ всякой помощи метафизики и даже безъ всякаго психологическаго изслѣдованія о хронологическомъ генезисѣ нашихъ идей, ибо эти данныя прошлаго не касаются, а ограничиваются только настоящимъ: Во первыхъ, мы несомнѣнно знаемъ множество явленій, какъ объекты, какъ-бы находящіеся внѣ насъ. Во вторыхъ, если разсматривать составъ этихъ объектовъ, т о м ы н а й - д е м ъ, что они насквозь состоятъ изъ представленій, т.е. изъ элементовъ с у б ъ е к т и в н ы х ъ |А это въ свою очередь доказывается при помощи доказательства, что не только пространство, но даже и время, с у б ъ е к т и в н ы, составляютъ всего только н а ш и п р е д с т а в л е н і я|. Слѣдовательно тотъ фактъ, что кое-что находится въ пространствѣ и во времени, не какъ представленія, а какъ противостоящій намъ объектъ, показываетъ, что въ н а ш е м ъ с о з н а н і и д ѣ й - с т в у е т ъ к а к а я т о н е и з б ѣ ж н а я д л я н е г о ф о р м а |или же цѣлый рядъ формъ|, к о т о - р а я, п р и с о е д и н я я с ь к ъ н а ш е м у п р е д с т а в л е н і ю, з а с т а в л я е т ъ е г о я в л я т ь с я, к а к ъ о б ъ е к т ъ, н а м ъ п р о - т и в о с т о я щ і й. Мы сознаемъ себя не иначе, какъ объектируя нѣкоторыя наши представленія.- Въ содержаніи же любого п р е д с т а в л е н і я еще не подразумѣва-

ется того, что это содержаніе должно сознаваться, какъ объектъ. Значитъ, эта форма, или рядъ формъ, которыя присоединяясь къ содержанію представленія, объектирують его, будучи выражена въ сужденіи |или въ рядѣ сужденій|, будутъ носить синтетическій характеръ, что и требовалось доказать.

5|. А изъ того способа, который Кантъ употребляетъ для оправданія значенія этихъ сужденій, вытекаетъ и ограниченіе ихъ достовѣрности предѣлами опыта. Такъ какъ эти принципы соотвѣтствуютъ формамъ сознанія и именно отъ этого только они и должны быть реализованы въ опытѣ, то понятно, что они будутъ имѣть значеніе лишь въ предѣлахъ того, что сознается нами, т.е. можетъ быть данныхъ опыта, а за предѣлами его ничто еще не обязываетъ ихъ быть реализованными. Слѣдовательно , и примѣненіе ихъ за предѣлами опыта остается еще недостовѣрнымъ.

Таковы всѣ существенные пункты Кантовской философіи. Вся она , конечно, не исчерпывается ими; но всѣ его другіе взгляды такъ или иначе обусловливаются основными, которые только что перечислены. Такъ напр., объявивъ вопросы метафизики,- въ смыслѣ ученія о сверхчувственномъ мірѣ, т.е. о вещахъ въ себѣ, о томъ, что не можетъ быть посредствомъ внутренняго и внѣшняго чувства воспринято въ опытѣ| напр. о душѣ, о Богѣ и т.д.|, непознаваемыми, недоступными для науки, ибо для вещей въ себѣ принципы знанія не имѣютъ обязательнаго значенія, такъ что нечѣмъ оправдать своихъ синтетическихъ сужденій въ этихъ вещахъ, - онъ

долженъ былъ предоставить в ѣ р ѣ рѣшеніе этихъ вопросовъ Онъ такъ и дѣлаетъ; слѣдовательно, этотъ взглядъ есть прямое слѣдствіе его основныхъ взглядовъ, уже перечисленныхъ. Далѣе, выборъ той или другой вѣры| напр. вѣры въ несуществованіе Богаили же въ его существованіе| долженъ быть чѣмъ нибудь м о т и в и р о в а н ъ | хотя и недоказанъ|. Какъ рѣшающій мотивъ въ пользу вѣры въ Бога и въ безсмертіе души, Кантъ выставилъ нравственныя требованія. Приписывать имъ такую роль онъ можетъ только потому, что на это ему даютъ право его основные взгляды|признаніе научной неразрѣшимости вопросовъ метафизики|; слѣдовательно, его взглядъ на значеніе нравственныхъ требованій обусловленъ его основными взглядами ит.д.

Методъ Канта.

Къ 3-му и4-му пунктамъ надо сдѣлать еще одно замѣчаніе: методъ Канта часто понимали, вслѣдствіе поверхностнаго изученія его философіи, такимъ образомъ, будто-бы онъ изъ констатированія апріорныхъ синтетическихъ сужденій, т.е. принциповъ, претендующихъ быть достовѣрными независимо отъ оправданія опытомъ, дѣлаетъ заключеніе относительно того, при какихъ условіяхъ они будутъ достовѣрны, а потомъ изъ факта существованія этихъ сужденій заключаетъ, что эти условія дѣйствительно существуютъ въ человѣческомъ умѣ. Если бы таковъ былъ ходъ заключеній Канта,* то изъ констатированнаго имъ** факта существованія сужденій, которыя претендуютъ служить принципами метафизики сверхчувственнаго,

---

*Въ „Критикѣ чистаго разума."

**Въ томъ же самомъ сочиненіи.

онъ долженъ былъ бы заключить, что и условіе достовѣрности этихъ сужденій тоже присуще человѣческому уму, т.е. не отрицать возможности метафизики, ибо въ противномъ случаѣ съ его стороны было бы полнѣйшимъ произволомъ относиться къ притязаніямъ одной науки| объ опытѣ| иначе, чѣмъ къ притязаніямъ другой| о сверхчувсвенномъ|. Но ходъ заключеній Канта совершенно иной. Онъ констатируетъ апріорныя синтетическія сужденія, не какъ основаніе для доказательства существованія условій ихъ достовѣрности, но какъ объектъ для критики. При изслѣдованіи каждаго рода ихъ онъ разсматриваетъ при какихъ именно условіяхъ они могутъ имѣть право на довѣріе къ нимъ? и затѣмъ спрашиваетъ - выполнены ли эти условія въ человѣческомъ умѣ? И лишь когда этотъ вопросъ рѣшенъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, тогда только произносится приговоръ о правѣ на реальность апріорныхъ синтетическихъ сужденій. Хотя и таковъ его критическій методъ, все таки надо сознаться, что пріемъ этотъ можно лишь вышелушить изъ запутанныхъ разсужденій Канта и что онъ самъ часто не выдерживаетъ его.

Особенности Кантовской философіи.

Изъ главныхъ же пунктовъ, въ которыхъ мы резюмировали сущность философіи Канта, видны и тѣ задачи, какія онъ имѣлъ въ виду, и тѣ особенности, какія отличаютъ его направленіе отъ всѣхъ прежнихъ.

I|. Кантъ стремится построить прежде всего особую науку,- которую можно назвать теоріей познанія,* - а не

систему міровоззрѣнія, - т.е. ученіе о з н а н і и вещей, а не систему знанія о в е щ а х ъ. Задача теоріи познанія |иначе: гносеологіи| с в о д и т с я К а н т о м ъ к ъ с л ѣ д у ю щ е м у: о ц ѣ н и т ь степень достовѣрности принциповъ познанія, условія, при которыхъ они достовѣрны, и въ зависимости отъ этихъ условій, выяснить предѣлы достовѣрнаго знанія вообще, за которыми уже находится область вѣры. И только послѣ рѣшенія этой задачи онъ считаетъ возможнымъ строить систему міровоззрѣнія, и лишь въ тѣхъ предѣлахъ и направленіяхъ, которые допускаются теоріей познанія.-

Итакъ, первая особенность Канта состоитъ въ томъ, что онъ п р е с л ѣ д у е т ъ ц ѣ л и г н о с е о л о г и ч е с к і я.- Впрочемъ, это еще не отличаетъ философіи Канта отъ всѣхъ другихъ системъ, изъ которыхъ иныя и раньше Канта задавались подобной же задачей |Локкъ, Юмъ, даже Декартъ и др.|.

2| Особенность же Канта въ теоріи познанія, отличающая его и отъ Локка, и отъ Юма, и отъ всѣхъ предшествующихъ философовъ, заключается въ томъ, что онъ в о п р о с ъ о д о с т о в ѣ р н о с т и принциповъ познанія ставитъ н е з а в и с и м о о т ъ и з с л ѣ д о в а н і я п с и х о л о г и ч е с к а г о п р о и с х о ж д е н і я п о д о б н ы х ъ и д е й.- А такая своеобразная постановка дала ему возможность рѣшить этотъ вопросъ по своему, вполнѣ

оригинально. Сейчасъ эта особенность будетъ объяснена подробнѣй, а пока отмѣтимъ еще одну, которая тоже отличаетъ Канта и его теорію познанія отъ всѣхъ предшественниковъ.

3| Кантъ въ своей гносеологіи примиряетъ притязанія эмпиризма съ притязаніями раціонализма. Послѣдній утверждаетъ, что существуетъ познаніе, независимое отъ опыта, что есть принципы |напримѣръ законъ достаточнаго основанія|, которые усматриваются однимъ разумомъ, а основываясь на нихъ, считалъ возможнымъ знать и то, что лежитъ за предѣлами опыта. Эмпиризмъ же утверждалъ, что всякое знаніе оправдывается только опытомъ, а поэтому должно ограничиваться только опытомъ. Кантъ же допускаетъ апріорные принципы, т.е. такіе, которые оправдываются независимо отъ опыта |въ чемъ онъ сходенъ съ раціоналистами|, но сферу ихъ пригодности, а съ ними и возможность знанія ограничиваетъ предѣлами опыта |и въ этомъ сходенъ съ эмпиристами|.

Пояснимъ теперь подробнѣй вторую особенность его философіи. До Канта и раціоналисты, и эмпиристы одинаково были увѣрены, что психологическое происхожденіе, генезисъ принциповъ познанія уже указываетъ и на степень ихъ достовѣрности. Различіе же раціоналистическаго и эмпиристическаго направленія сводилось, прежде всего, къ тому, что раціонализмъ объявилъ нѣкоторые принципы прирожденными и, въ силу одного лишь этого, - вполнѣ достовѣрными; а эмпиризмъ ставилъ ихъ возникновеніе въ зависимость отъ одного лишь опыта и потому требовалъ, чтобы они были еще оправданы опытомъ. А когда эмпиристы въ лицѣ Юма поняли, что одинъ

опытъ не въ силахъ оправдать всеобщаго значенія принципа
причинности, то и отказали ему въ таковомъ значеніи. Та-
кимъ образомъ, споръ раціонализма и эмпиризма сводился
къ вопросу о томъ, прирождено ли намъ знаніе какихъ-либо
принциповъ познанія или нѣтъ.

Кантъ же этотъ вопросъ оставилъ въ сторонѣ, замѣтивъ,
что его рѣшеніе не даетъ, на самомъ дѣлѣ, средства для
опредѣленія достовѣрности принциповъ познанія, ибо невѣр-
но то положеніе, которое допускали и раціоналисти , и эм-
пиристи .- Споря между собою, и тѣ, и другіе были проник-
нуты увѣренностью, что, если идея прирождена, то она eo
ipso является вполнѣ достовѣрной. Но подобное утвержденіе
содержитъ въ себѣ ложь: *прирожденость идей
отнюдь не служитъ гарантіей ихъ
достовѣрности*. Если бы мы доказали, справедливо
указываетъ Кантъ, - что нѣкоторыя идеи являются прирожден-
ными, то это ни одного послѣдовательнаго скептика не удер-
жало бы отъ сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. |см. конецъ
§ 27 второго изданія "Критики чистаго разума."| И насколь-
ко Кантъ правъ, объявляя убѣжденіе:" прирожденныя идеи
достовѣрны" - ошибочнымъ, въ этомъ легко его провѣрить пу-
темъ слѣдующаго | хотя и не принадлежащаго ему самому|
разсужденія. Существуетъ наслѣдственное помѣшательство;
и вполнѣ возможно, что оно и у предковъ, и у потомковъ
сопровождается одинаковыми бредовыми идеями, - причемъ
эти идеи, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ,
завѣдомо ложнаго характера. Въ силу же наслѣдственности и
одинаковости, эти идеи для потомковъ должны быть признаны

прирожденными. И если бы справедливъ былъ критерій, гласящій, что прирожденность = достовѣрности, то и безумныя идеи мы должны были бы признать достовѣрными. -Итакъ, Кантъ, отрицая этотъ критерій, совершенно правъ.- Раціоналисты же и эмпиристы дѣлали здѣсь несомнѣнную ошибку.

Въ этомъ и состоитъ характерная особенность и заслуга Канта, что онъ , подмѣтивъ ошибку своихъ предшественниковъ, опредѣляетъ условія достовѣрности принциповъ познанія н е з а в и с и м о о т ъ в о п р о с а о б ъ и х ъ п р о и с х о ж д е н і и и, наконецъ, с т а р а е т с я рѣшить вопросъ о существованіи такихъ условій тоже независимо отъ психологическихъ изслѣдованій относительно хода развитія нашей душевной жизни. По его собственнымъ словамъ, у него вездѣ идетъ рѣчь "не о п р о и с х о ж д е н і и опыта, а объ его составѣ. Первое, продолжаетъ онъ, принадлежитъ эмпирической психологіи, но и въ ней оно никогда не могло бы быть какъ слѣдуетъ развито безъ изслѣдованія с о с т а в а опыта, что составляетъ задачу критики познанія." |Prolegomena, § 21 a|. Такимъ образомъ онъ самъ говоритъ, что онъ занятъ только расчлененіемъ, т.е. анализомъ того, что дано с е й ч а с ъ, какъ наличная дѣйствительность , и никакихъ психологическихъ заключеній о прошломъ нашей душевной дѣятельности не дѣлаетъ.

И нельзя не признать правильности такого стремленія сдѣлать теорію познанія независимой отъ психологіи: всѣ заключенія психологіи основаны на такихъ принципахъ | напримѣръ, на принципѣ причинности|, достовѣрность и предѣлы пригодности которыхъ мы въ теоріи познанія е щ е д о л ж н ы

оцѣнить; слѣдовательно, если теорія познанія будетъ опираться не на одни лишь факты, несомнѣнно существующіе сейчасъ, а на какія-либо теоріи, то она запутается въ кругѣ |circulus in demonstrando|.- Но одно дѣло намѣреніе, а другое - исполненіе, и надо сознаться, что Кантъ, вполнѣ правильно понявъ тотъ характеръ, который должна имѣть критическая теорія познанія, не всегда умѣлъ его выдержать. Оттого и термины у него не всегда употребляются въ томъ значеніи, какое онъ сначала придаетъ имъ.

Апріорность, ея сходство и разница съ прирожденностью.

Ту особенность Канта, что онъ хочетъ сдѣлать свои взгляды вполнѣ независимыми отъ психологіи, надо постоянно имѣть въ виду, чтобы не исказить всего смысла Кантовской философіи. Опасность подобнаго искаженія увеличивается еще тѣмъ, что употребляемый Кантомъ терминъ "апріорный" имѣетъ черту, сходную со значеніемъ слова "прирожденный".*) Но смѣшенія ихъ надо тщательно избѣгать: апріорность не есть прирожденность, а всего только такое оправданіе достовѣрности, которое не зависитъ отъ опыта, - какъ это явствуетъ изъ самой задачи, которую преслѣдуетъ Кантъ | изслѣдовать достовѣр -

*) Въ современной литературѣ |особенно естественно - исторической, напр., физіологической и т.п.| наблюдается очень частое смѣшеніе "апріорности" съ "прирожденностью".

ность принциповъ познанія независимо отъ происхожденія ихъ.- Что" апріорность" не совпадаетъ съ "прирожденностью", видно, помимо всякихъ разсужденій, даже изъ собственныхъ словъ Канта. Вся "Критика чистаго разума" насквозь пропитана убѣжденіемъ, что у насъ должны существовать апріорныя идеи. Въ одномъ же изъ своихъ маленькихъ сочиненій Кантъ, ведя разсужденіе о Критикѣ чистаго разума", говоритъ, что эта послѣдняя никакихъ прирожденныхъ идей знать не хочетъ - въ ея глазахъ всѣ идеи возникли подъ вліяніемъ опыта.- Правда , эта фраза вызвана увлеченіемъ спора,- и можно еще сильно задуматься, не требуетъ ли "Критика чистаго разума", какъ своего логически необходимаго слѣдствія, допущенія прирожденности идей (конечно, не въ готовомъ видѣ, а какъ у Лейбница-въ видѣ задатковъ)*); но здѣсь важно то, что если замѣчается у Канта, наряду съ доказательствомъ апріорности извѣстныхъ идей, утвержденіе возможности ихъ эмпирическаго происхожденія,- то, явное дѣло, что въ его собственныхъ глазахъ "апріорность" не есть "прирожденность". Кантъ, очевидно, требуетъ различенія этихъ понятій. Понятіе апріорности у Канта сводится къ слѣдующему:

I) Апріорность есть такое оправданіе достовѣрности, которое независимо отъ опыта.**) Слѣдовательно, въ виду имѣется не психологическое свойство идей, не ихъ происхожденіе, а ихъ — оправданность.

---

*) Современные комментаторы Канта неодинаково рѣшаютъ этотъ вопросъ.

2| Если же какая - либо идея оправдывается независимо отъ
опыта, то, ясно дѣло, что она, при такомъ способѣ оправда-
нія, получаетъ для даннаго рода опыта| для котораго оправ-
дано ея значеніе| всеобщее и необходимое
значеніе -т.е. будетъ вѣрна неизбѣжно или
необходимо для всѣхъ объектовъ даннаго рода опыта всег-
да и вездѣ.- Опытъ же указываетъ только то, что
было, есть, случалось въ извѣстное время,
въ извѣстныхъ мѣстахъ, а не то, что необходимо
должно случаться для всѣхъ объектовъ даннаго рода,
всегда и вездѣ. Слѣдовательно, второй признакъ
апріорности, это - необходимое и всеобщее значеніе |Noth-
wendigkeit und Allgemeingültigkeit.|
Терминъ, который Кантъ сюда примѣняетъ| Allgemein-
gultigkeit|, чтобы отмѣтить всеобщее значеніе, означаетъ
у него и то, что имѣетъ для всѣхъ объектовъ извѣст-
наго рода, и то, что обладаетъ обязательной силой для
всѣхъ умовъ. Такимъ образомъ, слово это имѣетъ очень
широкое значеніе и выразить его на русскомъ языкѣ приходит-
ся такъ: общезначимость |а прилагательное

**) Эта отличительная черта апріорности и подаетъ
поводъ къ смѣшенію ея съ прирожденностью.
Раціоналисты и эмпиристы всегда думали, что прирож-
денныя идеи, какъ независящія отъ
опыта, этимъ самымъ уже оправданы.
Отъ этого-то сходства тѣхъ и другихъ |апріорныхъ и прирож-
денныхъ идей| онѣ ошибочно и отождествляются нѣкоторыми
лицами, поверхностно смотрящими на дѣло.|

отсюда - о б щ е з н а ч а щ і й|.

Итакъ, вторая черта апріорности идей есть ихъ необходимость и общезначимость. Отличіе апріорности отъ прирожденности необходимо тщательно соблюдать, чтобы не смѣшивать гносеологической задачи Канта съ тѣмъ, чего онъ не предпринималъ |съ психологическимъ разсматриваніемъ происхожденія идей|.-

БІОГРАФІЯ И ХОДЪ ФИЛОСОФСКАГО РАЗВИТІЯ КАНТА.

Все, что уже было говорено до сихъ поръ объ отношеніи философіи Канта къ раціонализму и эмпиризму представляетъ п р а г м а т и ч е с к о е о б ъ я с н е н і е историческаго происхожденія философіи Канта. Но это объясненіе оставляетъ еще невыясненнымъ слѣдующее обстоятельство: почему именно Кантъ, а не какой-либо другой философъ, пришелъ къ построенію новой системы, выступившей на смѣну какъ раціонализма, такъ и эмпиризма, или, по крайней мѣрѣ - какимъ именно путемъ сложилась у него эта система? Чтобы хоть сколько - нибудь освѣтить все это|а это необходимо не только ради полноты нашего знанія и с т о р і и философіи, но также и потому, что подробное объясненіе генезиса оригинальныхъ философскихъ системъ должно содѣйствовать улучшенію ихъ пониманія|, надо разсмотрѣть біографію Канта и прослѣдить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ съ теченіемъ времени мѣнялись его взгляды. На основаніи его біографіи можно дать отчетъ въ томъ, какой ходъ развитія былъ пережитъ самимъ Кантомъ, какъ онъ, усвоивъ въ универ-

ситетѣ старую раціоналистическую точку зрѣнія, постепенно отъ нея отрекся, какія вліянія сказались на немъ при этомъ отреченіи и какъ постепенно окончательно сложилась его собственная философія. Изученіе такого генезиса взглядовъ любого великаго мыслителя и вообще, а въ данномъ случаѣ | такъ какъ Кантъ пришелъ къ совершенно новымъ и своеобразнымъ выводамъ| особенно, поучительно, но по недостатку времени этотъ вопросъ можетъ быть изложенъ лишь въ грубыхъ чертахъ; онъ и его подраздѣленія будутъ лишь намѣчены.

Кантъ, уроженецъ Кенигсберга, сынъ ремесленника, потомокъ шотландскихъ выходцевъ,*) жилъ съ 1724 по 1804 г. 16 - ти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ, намѣреваясь, сперва по желанію матери |женщины очень религіозной, не во внѣшнемъ смыслѣ этого слова, а въ болѣе высшемъ, и имѣвшей большое вліяніе на сына| приготовить себя къ духовному званію. Вліяніе и характеръ матери Канта стоитъ въ очевидной связи съ его этическимъ ригоризмомъ и стремленіемъ обосновать религію на нравственности. Свое первоначальное намѣреніе онъ вскорѣ оставилъ и по окончаніи университетскаго курса твердо рѣшилъ готовиться къ академической| профессорской| дѣятельности. Пока

---

*) Это любопытно въ томъ отношеніи, что въ философіи Канта можно найти черты, не соотвѣтствующія общему характеру нѣмецкой философіи. Замѣтимъ, что и Лейбницъ былъ нечисто нѣмецкаго происхожденія, а принадлежалъ къ онѣмечившимся славянамъ.

же, чтобы накопить себѣ средства для приготовленія къ этому поприщу, онъ принялъ должность домашняго учителя.*) Преподаванiе , конечно, отнимало не мало времени, которое поглощалось сверхъ того и подготовительными работами. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Кантъ очень долго почти ничего не писалъ. Первое сочиненiе его появилось въ 1747г. Послѣдующiя же сочиненiя Канта стали появляться съ 1754г - Въ 55 г. онъ получилъ въ Кенигсбергскомъ университетѣ мѣсто приватъ- доцента, а вслѣдъ затѣмъ въ томъ же году и мѣсто экстраординарнаго профессора. Но такъ какъ это положенiе по германскимъ порядкамъ| экстраординарный не получаетъ жалованья| было недостаточно для матерьяльнаго обезпеченiя Канта, то, для увеличенiя своихъ средствъ, онъ вскорѣ долженъ былъ принять мѣсто библiотекаря при университетѣ, которое и занималъ въ продолженiи 6 лѣтъ. Наконецъ, въ 1770г. его сдѣлали ординарнымъ профессоромъ и съ этого времени его положенiе въ матерьяльномъ отношенiи при его умѣренности становится вполнѣ упроченнымъ. Бiографы Канта обыкновенно отмѣчаютъ, что его личный характеръ вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ его реформы въ философiи:

*) Воспитательныя идеи Канта были очень почтенны. Но, по его словамъ, трудно найти примѣръ, чтобы столь хорошiя педагогическiя теорiи давали худшiе результаты, чѣмъ у него; хотя надо отмѣтить, что это было не совсѣмъ такъ, ибо именно среди воспитанниковъ Канта не только былъ поднятъ вопросъ объ освобожденiи крестьянъ, но это освобожденiе ими и было исполнено въ числѣ первыхъ, кто рѣшился на эту мѣру.

какъ онъ въ точности измѣрилъ всѣ способности разума и подчинилъ его въ метафизикѣ требованiямъ нравственнаго чувства, такъ и самъ онъ въ точности размѣрилъ всю свою жизнь и педантически подчинилъ ее тому, что считалъ своимъ долгомъ. На эту тему разсказывается масса эпизодовъ изъ жизни Канта, какъ онъ отличался педантической аккуратностью въ чтенiи лекцiй, которыхъ у него было очень много, въ распредѣленiи своего времени |сосѣди по его выходу изъ дому чуть не провѣряли часы|, какъ онъ былъ самъ вѣренъ и требовалъ вѣрности даннымъ обѣщанiямъ, какъ мучительно дѣйствовало на него всякое отступленiе отъ его привычекъ и т.д. Но эти разсказы слишкомъ легко запоминаются, чтобы воспроизводить ихъ въ запискахъ. Гораздо важнѣй то обстоятельство, что Кантъ, хотя и не былъ такимъ универсальнымъ генiемъ, какъ Лейбницъ, всетаки обладалъ обширными свѣдѣнiями въ математикѣ, астрономiи, физикѣ, химiи, физической географiи и этнографiи, столь обширными, что онъ нерѣдко читалъ въ Кенигсбергскомъ университетѣ физическую географiю, антропологiю, физику и математику. Занятiя же географiей и этнографiей, особенно чтенiе описанiя путешествiй служили для него отдыхомъ. А когда Европа была перепугана сильнымъ землетрясенiемъ въ Лиссабонѣ, то сограждане Канта обратились не къ кому другому, какъ къ нему съ просьбой разъяснить имъ это явленiе |откуда возникли его статьи о землетрясенiяхъ|. Все это важно въ томъ отношенiи, что именно Кантъ то, извѣрившись въ рацiонализмъ и узнавъ сочиненiя Юма, отнюдь не могъ сдѣлаться скептикомъ, а долженъ былъ отъискивать новые пути въ теорiи познанiя.

Замѣтимъ кстати, что вслѣдствіе богатства его астрономичес- кихъ свѣдѣній, сложилась одна легенда, которую часто повторяютъ даже въ учебникахъ, о существованіи Канто-Лапласовской гипотезѣ міроздания. По этой легендѣ и Кантъ и Лапласъ почти одновременно и независимо другъ отъ друга построили о д и н а к о в у ю гипотезу для механическаго объясненія происхожденія міра. Въ дѣйствительности же оба постороили такія гипотезы, но ни въ чемъ непохожія одна на другую.*)

Обращаясь же къ описанію хода философскаго развитія Канта, отмѣтимъ, что этотъ критикъ правъ и притязаній разума на познаніе, критически отдававшій должное и эмпиризму и раціонализму, - выступаетъ въ роли критическаго судьи уже и въ первомъ сочиненіи 1747 года. Называлось оно "Мысли о правильномъ измѣреніи живыхъ силъ природы" (Gedanken von der wahren Schätzung der lebendigen Kräfte der Natur") и посвящено рѣшенію спора о томъ, какъ измѣрять матерьяльныя силы. Декартъ, исходя изъ своего закона сохраненія количества движенія, утверждалъ, что онѣ должны измѣряться произведеніемъ массы на скорость; а Лейбницъ, обративъ Декартовскій законъ сохраненія количества движенія въ законъ сохраненія живыхъ силъ, утверждалъ, что силы природы должны быть измѣряемы произведеніемъ

---

*) Такъ между ними есть такія отличія: I| По Лапласу, солнце образуется послѣ планетъ изъ остатковъ отдѣлившейся отъ него планетной массы; По Канту - раньше. 2| По Лапласу, планеты отдѣляются отъ солнечной массы; по Канту - образуются самостоятельнр и втягиваются солнцемъ въ его систему.

массы на квадратъ скорости. Кантъ не согласенъ вполнѣ ни съ Декартомъ, ни съ Лейбницемъ. Взамѣнъ того онъ старается примирить эти двѣ точки зрѣнія, огрничивъ каждую изъ нихъ своей особой сферой. Такимъ образомъ онъ уже и здѣсь обнаруживаетъ свою наклонность къ роли критика, наклонность, сказавшуюся впослѣдствіи во всей его философіи съ особенной силой: онъ уже и теперь ищетъ во всякомъ воззрѣніи долю истины, и старается установить надлежащіе предѣлы этой доли.

Въ первыхъ сочиненіяхъ Кантъ держался Лейбнице-Вольфовской философіи. Въ сочиненіяхъ же 60-хъ годовъ замѣчается ясно сказывающаяся перемѣна въ философскомъ направленіи Канта, и начинается второй | переходный | періодъ его дѣятельности, который быстро преобразовался въ третій, послѣднiй - критическій періодъ. Изъ сочиненій же 60-хъ годовъ особенно важны для изученія хода развитія Канта -"Опытъ введенія понятій отрицательныхъ величинъ въ философію", " Единственно возможный доводъ для доказательства существованія Бога", "Разсмотрѣніе отчетливости основныхъ положеній естественной теологіи и морали " и "Грезы духовидца, объясненныя грезами метафизика ". Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, какъ показываетъ уже самое заглавіе, Кантъ приравниваетъ метафизика къ духовидцу Сведенборгу, и изъ этого ясно, что уже въ это время Кантъ относился весьма скептически къ метафизикѣ, какъ къ наукѣ.*) | И во всѣхъ сочиненіяхъ Канта 60-хъ годовъ все сильнѣе и сильнѣе сказывается то

---

*) Нѣтъ надобности знать наизусть этотъ списокъ.

обстоятельство, что Кантъ въ раціонализмъ извѣрился; онъ понялъ, что реальныя отношенія не покрываются логическими |т.е. что реальныя отношенія содержатъ въ себѣ что-то иное, сравнительно съ логическими, что-то такое, что не поддается раціонализированію| и что реальная связь |причины съ дѣйствіемъ| раціонализирована быть не можетъ. Все это начинаетъ ясно сказываться уже въ первомъ изъ названныхъ сочиненій - въ "Опытѣ введенія понятія отрицательныхъ величинъ въ философіи". Въ немъ разсматривается различіе между л о г и ч е с к и м ъ противуположеніемъ |т.е. противорѣчіемъ или простымъ отрицаніемъ| и р е а л ь н о й противоположностью, необъяснимой на чисто логической почвѣ. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что два п р о т и в о р ѣ ч у щ и х ъ понятія |напр., движеніе и недвиженіе| не мыслимы соединенными одновременно въ одномъ и томъ же предметѣ, тогда какъ могутъ одновременно соединяться въ одномъ и томъ же предметѣ двѣ реальныя и даже вполнѣ равныя противоположности и такое соединеніе не будетъ абсурдомъ, уничтожающимъ всякую истину. Напр., мы можемъ допускать одновременныя п р о т и в о п о л о ж н ы я движенія въ одномъ и томъ же тѣлѣ; при этомъ, если движеніе справа налѣво будемъ считать положительнымъ, то движеніе обратное - слѣва направо будетъ отрицательнымъ. И при условіи ихъ равенства, хотя бы + 5 верстъ въ часъ и - 5 верстъ въ часъ, тѣло останется въ покоѣ, а не выйдетъ |какъ при попыткахъ соединить въ одномъ и томъ же тѣлѣ движенія съ недвиженіемъ| абсурдъ, уничтожающій самую возможность существованія тѣла, въ кото-

ромъ соединялись бы эти противоположности. |Причина свое-
образнаго заглавія этого сочиненія довольно ясно видна изъ его содержанія|. Слѣдовательно, реальная противоположность не сводится на одну лишь логическую. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другихъ сочиненіяхъ того же времени онъ убѣждается, I| что с у щ е с т в о в а н і е вещи не можетъ быть извлечено изъ понятія вещи путемъ логическаго анализа этого понятія, |вслѣдствіе чего онъ рано или поздно долженъ прійти въ столкновеніе съ онтологическимъ аргументомъ существованія Бога| и 2| что знанія дѣйствія нельзя извлечь логическимъ анализомъ изъ знанія причины. Все это ясно доказываетъ, что Кантъ въ 60-хъ годахъ въ раціонализмѣ изверился. А извѣрившись въ немъ, Кантъ въ 60-хъ годахъ невольно начинаетъ сперва приближаться въ своихъ воззрѣніяхъ къ воззрѣніямъ эмпиристовъ. И это сближеніе составляетъ характерную черту его сочиненій за этотъ періодъ. Къ этому же времени относится сближеніе его моральныхъ воззрѣній съ взглядами Руссо.

Какъ же ближайшимъ образомъ произошелъ у Канта этотъ поворотъ въ сторону эмпиризма ?Несомнѣнно , что въ 60-хъ годахъ Кантъ изучалъ труды англійскихъ эмпиристовъ, особенно сочиненія Юма, и что переворотъ въ его воззрѣніяхъ стоитъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ. Но можно поставить такой вопросъ: сначала ли, вполнѣ самостоятельно, совершился переворотъ въ воззрѣніяхъ Канта и потомъ, уже отдѣлавшись самостоятельно отъ раціонализма, и именно вслѣдствіе этого, онъ обратился къ изученію эмпиризма, чтобы найти новыя руководящія точки зрѣнія, которыя замѣнили бы ему поки-

даемыя имъ раціоналистическія; или же, наоборотъ, онъ сначала изучалъ творенія англійскихъ эмпиристовъ, а уже потомъ, подъ вліяніемъ этого изученія произошелъ переворотъ въ его воззрѣніяхъ ? Отвѣтъ на такой вопросъ очень труденъ, ибо есть данныя и для перваго , и для второго предположенія; въ пользу перваго предположенія говоритъ то обстоятельство, что доводы, приводимые Кантомъ въ опроверженіе раціонализма, совершенно новы, оригинальны и у англійскихъ эмпиристовъ не существуютъ. Въ пользу же второго предположенія свидѣтельствуетъ самъ Кантъ, говоря, что Давидъ Юмъ пробудилъ его отъ догматическаго сна , и тѣмъ какъ-бы признаетъ прямую зависимость переворота въ своихъ воззрѣніяхъ отъ знакомства съ сочиненіями Юма. Въ виду сложности этого вопроса мы его только намѣчаемъ, а не будемъ рѣшать. Несомнѣнно, что въ 60-хъ годахъ мышленіе Канта вступило во второй, скоро прошедшій, эмпиристическій періодъ, характеризующійся I| невѣріемъ въ раціонализмъ и 2| крайне подозрительнымъ отношеніемъ къ метафизикѣ, которой въ "Грезахъ духовидца" онъ дѣлаетъ горячіе упреки за обманъ, въ который она вводитъ насъ.

Какъ возможный вопросъ психологическаго генезиса можно отмѣтить еще вопросъ о томъ, въ какое именно время появились у Канта первые проблески новаго, критическаго направленія. Но такъ какъ этотъ вопросъ очень растяжимъ, ибо понятіе "первыхъ проблесковъ" каждый толкуетъ по своему, то мы не станемъ рѣшать его, а отмѣтимъ только, что не подлежитъ сомнѣнію, что въ 70-хъ годахъ это по-

вое направленіе было уже ясно выражено; именно: въ своей диссертаціи 70 года*) " О формѣ и принципахъ чувственнаго и умопостигаемаго міра " | De mundi sensibiles atque intelligibilis forma et principiis " | Кантъ изложилъ свое, совершенно новое и своеобразное, именно характеризующее его критическій періодъ, ученіе о пространствѣ и времени; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Кантъ возвратился къ прежде имъ забракованному положенію, что метафизика возможна; а всѣмъ этимъ показалъ, что въ это время новое направленіе у него уже было, но еще не вполнѣ созрѣло. Поворотъ же въ пользу метафизики можно объяснить тѣмъ, что въ 1765 году вышли въ свѣтъ Лейбницевскіе Nouveaux Essays и что Кантъ подъ ихъ вліяніемъ сталъ 1| удаляться отъ эмпиризма, 2| началъ выработывать свою собственную критическую точку зрѣнія | Виндельбандъ даже относитъ возникновеніе критицизма какъ разъ къ 1766г; но это, конечно, слишкомъ смѣлая гипотеза|; но, находясь еще подъ вліяніемъ Лейбница, онъ не успѣлъ развить свою новую точку зрѣнія до конца. Доказательство же вліянія Лейбница на Канта см. въ примѣчаніи на стран. 37.

Послѣ этого Кантъ замолчалъ на одиннадцать лѣтъ. Все это время онъ обдумывалъ свой важнѣйшій для критической философіи трудъ, который наконецъ изложилъ въ весьма короткій срокъ | 5 -6 мѣсяцевъ| и выпустилъ въ 1781 году въ

*|. Написанной на полученіе должности ординарнаго профессора.

свѣтъ подъ названіемъ " Критики чистаго разума " | Kritik der reinen Vernunft |. За этимъ трудомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ: 1| "Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей появиться въ качествѣ науки. Это сочиненіе назначено имъ для разъясненія*) "Критики чистаго разума " и для подготовки къ ея чтенію и заключаетъ изложеніе принциповъ ея въ болѣе популярной формѣ. 2| Второе, значительно отличающееся отъ перваго, изданіе "Критики чистаго разума", 1787г. 3| " Критику практическаго разума", въ которой разбираются принципы нравственности .**) 4| "Критику способности сужденія" |Kritik d. Urtheilskraft|, разбирающую принципы эстетики и 5| "Религію въ границахъ одного разума", посвященную философіи религіи.- Такимъ образомъ въ "Критикѣ чистаго разума" и "Пролегоменахъ" Кантъ изложилъ свою гносеологію , въ "Критикѣ практическаго разума" - - свою этику, а въ "Критикѣ способности сужденія" - свою эстетику.

Важнѣйшіе термины, введенные КАНТОМЪ.

Можетъ возникнуть вопросъ, почему Кантъ назвалъ всѣ эти три сочиненія - "Критиками"? Отвѣтъ очень простъ: онъ назвалъ ихъ "Критиками" потому, что въ каждомъ изъ нихъ

---

*) А не для исправленія ея, какъ ошибочно думаетъ г. Каринскій въ своемъ сочиненіи" Самоочевидныя истины".

**) Къ этому труду примыкаютъ два добавочныхъ, именно: "Основы для метафизики нравовъ" и "Метафизика нравовъ".

дѣйствительно ведется о ц ѣ н к а т.е. к р и т и к а сужденій, претендующихъ на то, чтобы быть принципами или нашего знанія |"Критика чистаго разума"|, или же принципами для обсужденія нравственнаго достоинства нашихъ поступковъ |" Критика практическаго разума"|, или, наконецъ, принципами для обсужденія эстетическаго достоинства различныхъ вещей и произведеній |"Крит. способ. сужд."|. Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что Кантъ всю свою философію назвалъ к р и т и ч е с к о ю,*) такъ какъ она прежде всего задается провѣркой принциповъ нашего знанія, оцѣнкой ихъ познавательнаго значенія. По той же причинѣ Кантъ свою философію, какъ критическую, противуполагалъ всѣмъ остальнымъ философскимъ системамъ, объединяя ихъ терминомъ "д о г м а т и з м ъ, "д о г м а т и ч е с к і я". Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться: Кантъ только иногда понималъ подъ словомъ "догматизмъ" в с ѣ направленія философской мысли, бывшія до него; ч а щ е, и даже гораздо чаще, онъ называетъ догматизмомъ - только раціонализмъ, а эмпиризмъ въ этихъ случаяхъ уже отдѣляетъ отъ него подъ именемъ с к е п т и ц и з м а. Этимъ онъ какъ-бы показываетъ,что раціонализмъ считаетъ догматизмомъ *par excellence*.

Весь свой м е т о д ъ изслѣдованія въ "Критикѣ чистаго разума" и въ "*Prolegomena*" къ, а въ зависи-

---

*) Это названіе исторически закрѣпилось за Кантовской философіей, такъ что въ исторіи философіи слово "критическій" равно слову "кантіанскій".

мости отъ него и всю свою теорію позна-нія Кантъ называетъ трансцендентальны-ми; а его современники и всю философію, построенную въ духѣ Канта, стали называть трансцендентальной. Что значитъ такое названіе на языкѣ Канта ? Для отвѣта отмѣтимъ сперва слѣдующее: Легко замѣтить, что всѣ три "Критики", а также и "Пролегомены" имѣютъ дѣло съ такими сужденіями, которыя надо или забраковывать, отрицать всѣ ихъ претензіи на значеніе принциповъ той или другой нашей дѣятельности, или счесть ихъ апріорными, признавая ихъ достовѣрность независимо отъ оправданія опытомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ разсужденіи о нравственной оцѣнкѣ поступковъ сразу видно, что опытъ не даетъ принциповъ для подобной оцѣнки, ибо опытъ показываетъ лишь какъ эти поступки существуютъ, а не какъ они должны существовать, какими имъ слѣдуетъ быть, а потому - опытъ ничего не говоритъ и не можетъ сказать о томъ, нравственны ли поступки, или нѣтъ. Значитъ принципы нравственности должны быть либо забракованы, либо признаны независимо отъ опыта, т.е. апріорными. Совершенно тотъ же способъ разсужденія примѣнимъ и по отношенію къ эстетическимъ принципамъ: опытъ даетъ намъ лишь фактъ, но не можетъ научить насъ судить о томъ, красивъ онъ или нѣтъ; оцѣнка красоты производится независимо отъ поученій опыта, значитъ она должна быть оправдаема помимо его поученія; а, слѣдовательно, - эстетическіе принципы должны быть или мнимыми, не имѣющими общеобязательнаго значенія, или апріорными. Что касается до принциповъ знанія |гносеологическихъ|, то

вѣдь они претендуютъ на о б щ н о с т ь и н е о б х о д и м о с т ь их̆ъ значенія. А развѣ они могутъ быть оправданы о пы томъ во всей их̆ъ в с е о б щ н о с т и и н е о б х о д и м о с т и, для всякаго мѣста и для всякаго времени ? Явное дѣло, что не могутъ, а потому и они должны быть апріорными, т.е. оправдываться независимо отъ опыта.*)

Такимъ образомъ, всѣ три "Критики" имѣютъ дѣло съ сужденіями апріорными, а вопросъ объ их̆ъ достовѣрности рѣшается н е з а в и с и м о отъ опыта, онъ н е э м п и р и ч е с к і й. К а н т ъ н а з ы в а е т ъ и з с л ѣ д о в а н і е а п р і о р н о с т и и т о г о, к а к ъ а п р і о р н о е м о ж е т ъ и м ѣ т ь о б я з а т е л ь н о е з н а ч е н і е д л я о п ы т а (а отъ этого и всю свою т е о р і ю п о з н а н і я) т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м ъ. Современники же Канта расширили употребленіе этого слова, часто перенося его и на изслѣдованіе всякой апріорности, будетъ ли это апріорность принциповъ познанія или чего другого (этических̆ъ принциповъ); и нерѣдко они подъ трансцендентальной философіей подразу-

---

*) Кантъ не останавливается на доказательствѣ того, что опытъ не можетъ оправдать всеобщности и необходимости какого-либо сужденія; очевидно онъ считалъ это положеніе Лейбница, развитое послѣднимъ въ "Nouveaux Essays", достаточно извѣстнымъ и вполнѣ доказаннымъ. Отсюда видно, что возникновеніе критицизма обусловлено было и этимъ сочиненіемъ.

Запомнить это примѣчаніе.

мѣвали всю Кантовскую философію.

Этотъ терминъ не слѣдуетъ смѣшивать съ трансцендентнымъ. Подъ трансцендентнымъ Кантъ подразумѣваетъ только то, что относится къ вещамъ въ себѣ, къ бытію, какъ оно существуетъ внѣ нашего сознанія, внѣ того, какъ оно сознается нами въ опытѣ. Поэтому трансцендентное изслѣдованіе тоже, что изслѣдованіе о сверхчувственномъ мірѣ. Трансцендентальному изслѣдованію противуполагается - эмпирическое, трансцендентному - имманентное. А такъ какъ имманентное совпадаетъ съ эмпирическимъ, то ихъ и смѣшиваютъ между собой. Даже и самъ Кантъ иногда смѣшиваетъ эти два понятія, причемъ трансцендентальный употребляетъ вмѣсто трансцендентный |обратнаго смѣшенія, трансцендентный вмѣсто трансцендентальный, Кантъ никогда не дѣлаетъ.

И вообще надо замѣтить про Канта, что вся его терминологія очень своеобразна и плохо выдержана: онъ ввелъ такую массу новыхъ терминовъ, что самъ съ трудомъ разбирался въ наплывѣ новыхъ словъ, почему иногда и сбивался. Кромѣ того , и самыя мысли были слишкомъ новы и потому Кантъ не могъ съ ними сразу сладить. Въ новыхъ идеяхъ вообще трудно разобраться всякому человѣку, для Канта же это было особенно тяжело, вопервыхъ потому, что ему въ то время шелъ уже шестой десятокъ, а вовторыхъ, потому, что натура Канта была такова, что всякое нарушеніе привычной обстановки, а ужъ тѣмъ паче, отступленіе отъ привычной мысли было очень труд-

но для Канта и тяжело отзывалось на всемъ ходѣ его мыслей задерживая ихъ и сбивая.*)

КАНТОВСКАЯ ТЕОРІЯ ПОЗНАНІЯ.
Постановка критическаго вопроса и его подраздѣленія.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній можно перйти къ самому изложенію философіи Канта. Такъ какъ ва..нѣйшую часть этой философіи составляетъ теорія познанія и все остальное опирается на выводы, сдѣланные въ ней, то мы прежде всего и обратимся къ тѣмъ сочиненіямъ Канта, въ которыхъ изложена его гносеологія: къ "Критикѣ чистаго разума" и "Пролегоменамъ".

Вопросъ, рѣшеніемъ котораго занимаются оба эти сочиненія, касается нашего знанія. А каждый шагъ въ расширеніи нашего знанія составляетъ возникновеніе новаго сужденія.

---

*) Это лучше всего подтверждается нѣкоторыми случаями изъ жизни Канта. Въ извѣстные часы дня Кантъ размышлялъ и при этомъ направлялъ свой взоръ на верхушку ближайшей башни, которая была видна изъ его окна. На сосѣднемъ дворѣ росъ тополь и наконецъ выросъ настолько, что заслонилъ верхушку башни; подобное нарушеніе привычнаго вида было такъ непріятно Канту, что онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока тополя не подрубили. Другой примѣръ: Кантъ прочелъ какъ-то очень дурно лекцію, потому что у студента, съ которымъ онъ, будто-бы, бесѣдовалъ во время чтенія (такова была манера Канта), на сюртукѣ не хватало одной пуговицы.

Знаніе состоитъ изъ сужденій. Присматриваясь къ своимъ сужденіямъ, мы сразу замѣчаемъ двѣ группы ихъ: о д н и с у ж д е н і я п о л у ч а ю т с я п у т е м ъ л о г и ч е с к а г о а н а л и з а п о д л е ж а щ а г о; и они нашего знанія не расширяютъ, ибо въ с к а з у е м о м ъ н е г о в о р я т ъ н и ч е г о т а к о г о, ч е г о б ы м ы н е з н а л и, м ы с л я п о н я т і е п о д л е ж а щ а г о. Все значеніе такихъ сужденій сводится лишь къ тому, что они въ болѣе я с н о й и о т ч е т л и в о й формѣ высказываютъ то, что мы уже знали. Это суть сужденія а н а л и т и ч е с к і я; и ихъ роль въ знаніи та, что они суть сужденія р а з ъ я с н я ю щ і я, а не расширяющія знаніе. На ряду съ ними существуетъ другая группа -сужденій с и н т е т и ч е с к и х ъ, в ъ к о т о р ы х ъ с к а з у е м о е в ы с к а з ы в а е т ъ |въ положительной или отрицательной формѣ| о п о д л е ж а щ е м ъ НѢЧТО НОВОЕ, намъ дотолѣ неизвѣстное; такимъ образомъ, э т и с у ж д е н і я р а с ш и р я ю т ъ н а ш е з н а н і е. Кантъ поясняетъ все это слѣдующими двумя примѣрами: I| "всѣ тѣла протяженны" есть сужденіе аналитическое, о н о н е с о о б щ а е т ъ н а м ъ н и ч е г о н о в а г о о п о д л е ж а щ е м ъ, ибо въ понятіи т ѣ л а уже подразумѣвается понятіе п р о т я ж е н н о с т и. 2| "Всѣ тѣла т я ж е л ы" есть сужденіе синтетическое, такъ какъ понятіе тяжести не заключается въ понятіи тѣла и даже долгое время не признавали того, что в с ѣ тѣла тяжелы, думая*),

*) Подъ вліяніемъ Аристотеля

что есть тѣла, имѣющія стремленіе о т ъ центра земли. Это второе сужденіе даетъ намъ такое знаніе, которымъ мы еще не владѣли, мысля одно подлежащее.

На эти разсужденія Канта о различіи сужденій синтетическихъ и аналитическихъ можно возразить и нерѣдко возражаютъ, что о д н о и т о ж е сужденіе для одного человѣка имѣетъ характеръ синтетическаго, для другого - аналитическаго, въ зависимости отъ того, насколько каждый владѣетъ понятіемъ подлежащаго, - и, мало того, даже у одного и того же человѣка сужденіе можетъ быть сначала синтетическимъ, потомъ аналитическимъ въ силу привычки или въ зависимости отъ степени развитія даннаго лица; напр., сужденіе "у человѣка есть нервная система" будетъ для незнакомаго съ естествознаніемъ - сужденіемъ синтетическимъ, но когда это лицо уже привыкнетъ къ естественно-научному понятію человѣка, то это же сужденіе станетъ для него сужденіемъ аналитическимъ. Выходитъ, какъ-будто нѣтъ важной разницы между синтетическими и аналитическими сужденіями. Э т и у к а з а н і я н е м о г у т ъ с ч и т а т ь с я в о з р а ж е н і я м и К а н т у. Н е г о в о р я у ж е о т о м ъ, ч т о у к а ж д а г о ч е л о в ѣ к а в ъ к а ж д ы й м о м е н т ъ, н е с о м н ѣ н н о, е с т ь и с и н т е т и ч е с к і я, и а н а л и т и ч е с к і я с у ж д е н і я, мы укажемъ только на то, з а ч ѣ м ъ Кантъ ведетъ свои разсужденія объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ ? Лишь затѣмъ, чтобы поставить вопросъ объ оправданіи сужденій синтетическихъ, ибо безспорно, что

синтетическія сужденія по самому существу своему требуютъ оправданія и путь для этогооправданія будетъ независимъ отъ степени нашей привычки къ понятію подлежащаго | къ составу его содержанія|. А потому оба указанныя замѣчанія для Кантовской теоріи познанія не могутъ имѣть значенія. Пусть для меня сужденіе:" каждый человѣкъ имѣетъ нервную систему" уже сдѣлалось аналитическимъ; но для оправданія этого сужденія я не въ правѣ ссылаться на то, что будто-бы въ понятіи человѣка уже подразумѣвается обладаніе нервной системой. Слѣдовательно съ этой г н о с е о л о г и ч е с к о й |а не психологической, разсматривающей нащи привычки| точки зрѣнія | съ точки зрѣнія оправданія| это сужденіе все-таки синтетическое. С и н т е т и ч е с к і я с у ж д е н і я с ъ г н о с е о л о г и ч е с к о й т о ч к и з р ѣ н і я с у т ь т а к і я с у ж д е н і я, д л я о п р а в д а н і я к о т о р ы х ъ н е д о с т а т о ч н о р а з ъ я с н е н і я|т.е. анализа| п о д л е ж а щ а г о, а н а д о в ы й т и з а п р е д ѣ л ы п о д л е ж а щ а г о.

Итакъ, синтетическія сужденія расширяютъ наше знаніе. Но для этого они должны быть д о с т о в ѣ р н ы т.е. оправданы. Сужденія аналитическія оправдываются сами собой, поэтому ихъ достовѣрность не подлежитъ никакому сомнѣнію и они безспорны даже въ томъ случаѣ, если нѣтъ предмета, соотвѣтствующаго понятію подлежащаго.*) Аналитическія сужде-

*) Напримѣръ, Зевсъ есть богъ, управляющій громомъ - сужденіе безспорное,| хотя Зевса и не существуетъ|, ибо это сужденіе аналитическое.

нія получаются путемъ с р а в н е н і я двухъ п о н я т і я. они высказываютъ только тотъ фактъ, что въ подлежащемъ подразумѣвается присутствіе или отсутствіе того содержанія, которое мыслится въ сказуемомъ. Въ нихъ мы не выходимъ за предѣлы содержанія понятій. Синтетическое же сужденіе не можетъ быть добыто путемъ одного лишь с р а в н е н і я содержанія двухъ понятій; слѣдовательно, оно выводитъ насъ за предѣлы составныхъ понятій, а потому нуждается въ оправданіи, которое опиралось бы на что-нибудь, лежащее внѣ этихъ понятій, на что-нибудь треье, что связываетъ подлежащее со сказуемымъ и оправдываетъ эту связь |синтезъ.|

Что же такое будетъ это третье ? На что должно опираться для оправданія синтеза, мыслимаго въ синтетическихъ сужденіяхъ ?- Во-первыхъ можно опираться на опытъ, ибо часто онъ способенъ показать, что возможно соединить данное сказуемое съ даннымъ подлежащимъ. Условимся называть вмѣстѣ съ Кантомъ такія сужденія, оправданіе которыхъ опирается на опытъ, а п о с т е р і о р н ы м и. Апостеріорныя сужденія будутъ, конечно, всегда сужденіями синтетическими, ибо для оправданія аналитическихъ сужденій никто не станетъ обращаться къ опыту. Но могутъ ли быть сужденія ч и с т о апостеріорныя,| т.е. такія, которыя оправдываются только опытомъ| сужденіями о б щ и м и ? Вещь, извѣстная |и Юму, и Лейбницу|, что однимъ лишь опытомъ въ его чистомъ видѣ могутъ быть оправданы л и ш ь ч а с т н ы я сужденія, а н е о б щ і я, ибо опытъ неспособенъ оправдать данное сужденіе для всякаго мѣста и для всякаго времени. Со-

вершенно такъ же опытъ можетъ дать только указанiе на то, что было, есть, с л у ч а е т с я, а не на то, что н е о б х о д и м о или неизбѣжно, т.е. опытъ, самъ по себѣ, можетъ оправдать только ч а с т н ы я и с л у ч а й н ы я сужденiя.*) А между тѣмъ среди синтетическихъ сужденiй есть и сужденiя, претендующiя на общее и необходимое значенiе |къ нимъ принадлежатъ и тѣ, которыя претендуютъ играть роль принциповъ нашего познанiя| . Таковы: I| сужденiя математическiя; почти всякое математическое сужденiе есть сужденiе необходимое и общее; и въ то же время синтетическое. Такова, напр., въ геометрiи аксiома, на которыя опираются всѣ теоремы: прямая линiя есть кратчайшее разстоянiе между двумя точками. Несомнѣнно, что теоремы можно выводить изъ этой аксiомы только при условiи ея о б щ н о с т и, т.е. чтобы она имѣла значенiе для каждой пары точекъ. Въ то же время связь сказуемаго съ подлежащемъ въ ней мыслится, какъ неизбѣжная или необходимая. Слѣдовательно, это сужденiе необходимое. И наконецъ, оно - сужденiе синтетическое. | Объ этомъ см. выше стран. 42.

Въ ариѳметикѣ тоже чувствуютъ подобныя же, т.е. необходимыя, общiя, синтетическiя сужденiя, таково сужденiе: 7+5= =12. Оно, конечно, общее |ибо высказывается по отношенiю ко

---

*) Эту мысль Кантъ считаетъ саму собой понятной, и не доказываетъ, а только указываетъ ее; вѣроятно при этомъ онъ имѣетъ въ виду Nouveaux Essays Лейбница, которые въ 1765 г. сдѣлались общеизвѣстными въ Германiи.

всякимъ пяти и ко всякимъ семи, а не только карандашамъ и т.п. Связь подлежащаго со сказуемымъ мыслится, какъ необходимая. И въ то же время это сужденіе синтетическое, ибо въ подлежащемъ высказывается только требованіе сложить 7 и 5, а сколько получится, это еще въ немъ не подразумѣвается.*)

---

*) Этотъ примѣръ Канта мало удаченъ. Вмѣсто него можно предложить другіе примѣры, изъ алгебры: $|a+в| \; |a-в| = a^2 - в^2$ есть сужденіе несомнѣнно синтетическое, ибо подлежащее указываетъ, что извѣстное количество есть результатъ трехъ дѣйствій, а сказуемое, - что то же количество получается отъ другихъ 3-хъ дѣйствій, и вся формула высказываетъ, что первыя 3 дѣйствія надъ данными количествами въ результатѣ дадутъ то же, что и другія 3 дѣйствія, надъ тѣми же количествами. А, разумѣется, вторыя дѣйствія въ первыхъ не подразумѣваются. Другой примѣръ: сумма отъ перестановки слагаемыхъ не мѣняется. Это значитъ, что сложеніе нѣсколькихъ величинъ въ одномъ порядкѣ| слѣва направо| даетъ такой же результатъ, какъ и сложеніе тѣхъ же величинъ въ любомъ порядкѣ |напр., справа налѣво|. Любой другой порядокъ не подразумѣвается въ первомъ; слѣдовательно, эта аксіома есть сужденіе синтетическое. И легко убѣдиться, что при всякихъ попыткахъ вывести ее аналитически черезъ одно лишь расчлененіе понятій, входящихъ въ составъ подлежащаго, мы всегда втихомолку уже ссылаемся на эту аксіому.

Въ случаѣ сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно такъ, Кантъ предлагаетъ взять аналогичный примѣръ съ большими числами, объясняя кажущуюся сомнительность своего примѣра тѣмъ, что мы привыкли къ нему. Оттого то и происходитъ, что когда мы еще только учимся ариѳметикѣ, мы не можемъ заранѣе знать, что получится изъ 5+7, а должны обращаться къ нагляднымъ разъясненіямъ |семи точекъ и пяти точекъ ит.п.| :это необходимо, чтобы было на чемъ опереться въ своемъ синтезѣ. А когда уже привыкнемъ къ сужденію 7+5 =12, то намъ начинаетъ казаться, будто-бы 12 подразумѣваютсявъ 7+5. Если же всѣ эти общія синтетическія сужденія признать недостовѣрными, то придется упразднить и самую математику.

2| Въ Естествознаніи, въ той его части, которую, по аналогіи съ чистой математикой, можно назвать чистымъ естествознаніемъ, также есть сужденія общія и синтетическія. Это - совокупность тѣхъ принциповъ, на которые мы опираемся при обсужденіи данныхъ опыта. Напр., "каждое явленіе природы имѣетъ свою причину" - сужденіе общее синтетическое, да еще мыслится, какъ необходимое.*)

---

*) Кантъ повторяетъ здѣсь мысль Юма |о синтетическомъ характерѣ связи причины съ дѣйствіемъ| , не останавливаясь на доказательствѣ; значитъ онъ считаетъ эту мысль уже достаточно доказанной и извѣстной. А это еще разъ подтверждаетъ, что его философія возникла подъ вліяніемъ Юма .

Запомнить это примѣчаніе и вспомнить, гдѣ это же доказано собственными словами Канта.

3| Къ существованію на ряду съ математикою и естествознаніемъ стремится и метафизика. Очевидно, если она хочетъ р а с ш и р я т ь наше знаніе, - въ ней въ видѣ принциповъ тоже должны быть сужденія синтетическія, необходимыя и общія, ибо иначе на чемъ же она будетъ основывать свои выводы такъ, чтобы они имѣли обязательное значеніе?

А все это возбуждаетъ такой вопросъ: какъ же оправдать необходимыя и общія с и н т е т и ч е с к і я сужденія? Вѣдь такое оправданіе необходимо для оправданія достовѣрности математики, естествознанія и метафизики. Если оно намъ не удастся, то и вся наука рушится. Конечно, мы и безъ всякаго оправданія вѣримъ въ математику и естествознаніе; но за то мы вѣримъ и въ метафизику и тратимъ на нее свои силы. А между тѣмъ эти усилія въ метафизикѣ остаются безплодными: нѣтъ общеобязательной системы метафизики. И ради этого нужно поднять вопросъ объ оправданіи принциповъ знанія: его рѣшеніе поможетъ намъ правильно относиться къ метафизикѣ. Таково значеніе этого вопроса |Pr. § 4, "Критика". Введеніе. III и IV |. Кантъ въ "Критикѣ" формулировалъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: к а к и м ъ о б р а з о м ъ в о з м о ж н ы а п р і о р н ы я с и н т е т и ч е с к і я с у ж д е н і я?

Но, приступая къ чтенію "Критики чистаго разума" |или "Prolegomen'ъ |, посвященной рѣшенію этого вопроса, надо твердо помнить, что спрашивая: "какъ |какимъ образомъ| возможны априорн. синтетич. сужден. и т.д.", Кантъ отнюдь не имѣетъ въ виду рѣшать вопросъ о томъ, к а к ъ в о з н и к л и апріорныя синтетическія

сужденія. Это видно во-первыхъ изъ того, что во время постановки вопроса передъ нимъ все время носится вопросъ объ о п р а в д а н і и этихъ принциповъ, а не объ ихъ происхожденіи; во-вторыхъ изъ того, что свою философію Кантъ противупологаетъ и раціонализму,и эмпиризму, которые заботились именно о рѣшеніи вопроса о происхожденіи нашего знанія, принциповъ науки. Въ-третьихъ, изъ его словъ къ Эбергарду |см. ихъ выше въ объясненіи апріорности|. А съ этими словами стоятъ въ связи начальныя слова "Критики чистаго разума": "Несомнѣнно, что всякое познаніе наше н а ч и н а е т с я о п ы т о м ъ."| Крит.Введ.I|. А это показываетъ еще разъ, что апріорность не означаетъ такого происхожденія, которое было бы непремѣнно уже прирожденностью. Свое рѣшеніе вопроса Кантъ с т р е м и т с я вести вполнѣ независимо отъ психологическаго рѣшенія вопроса о происхожденіи идей; и это надо имѣть въ виду при изученіи Канта. Иное дѣло, насколько это ему удается при новизнѣ его задачи. Но во всякомъ случаѣ его вопросъ:"какъ |какимъ образомъ| возможны апріорныя синт. сужденія" означаетъ: при какихъ условіяхъ они могутъ быть достовѣрны", или же -"что дѣлаетъ ихъ достовѣрными?"А это не означаетъ вопроса о происхожденіи.

Этотъ главный вопросъ распадается у Канта на три вопроса, по числу мыслимыхъ наукъ:

1| Какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ математикѣ?

3| Какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ естествознаніи ?

3| Какъ возможны онѣ въ метафизикѣ?

А такъ какъ отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ и во-просъ о томъ, достовѣрны ли и самыя науки, то эти три во-проса принимаютъ въ Prolegomena'хъ к такую форму:

1| Какъ возможна математика?

2| Какъ возможно естествознаніе?

Относительно в о з м о ж н о с т и этихъ двухъ наукъ не возникаетъ сомнѣній, и поэтому нужно только рѣшить вопросъ, к а к ъ онѣ возможны | т.е. что именно дѣлаетъ ихъ досто-вѣрными |. Но возможность 3-ей науки, метафизики, весьма сомнительна, а поэтому третій вопросъ Кантъ формулируетъ въ Prolegomena'хъ такъ: возможна ли метафизика?*)

Итакъ, передъ нами три вопроса, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ и рѣшеніе вопроса о томъ, въ какихъ предѣлахъ воз-можно достовѣрное знаніе? |этотъ вопросъ былъ уже постав-

*) Въ "Критикѣ", а особенно въ "Пролегоменахъ", все разсуж-деніе ведется Кантомъ такъ, какъ будто конечная цѣль его рѣшить вопросъ о возможности метафизики. Многі комментаторы такъ и понимаютъ дѣло, и утверждаютъ, что все разсужденіе объ апріорныхъ идеяхъ имѣетъ значеніе только с р е д - с т в а для рѣшенія главнаго вопроса о возможности мета-физики. Другіе возражаютъ на это. Не пытаясь рѣшить этотъ споръ, отмѣтимъ только: несомнѣнно , что у Канта все это дѣйствительно имѣетъ такой видъ.

Литографія Богданова. Эртелевъ переулокъ, домъ №7.

Лекціи по Философіи. Часть II-ая. Листъ 4-ый.

ленъ до Канта, но особенность послѣдняго заключается въ способахъ его рѣшенія|.

Рѣшенію этихъ вопросовъ посвящена " Критика чист. раз." а отъ этого зависитъ и ея дѣленіе на части. Вся "Критика чист. раз." дѣлится на три части: введеніе, въ которомъ излагается различіе между аналитическими и синтетическими сужденіями и дѣлается постановка только что указанныхъ вопросовъ. За " введеніемъ" идутъ двѣ главныя части. I| Трансцендентальное ученіе объ элементахъ | подразумѣвается -познанія| и 2| трансцендентальное ученіе о методѣ. |Эта вторая часть для насъ не важна, ибо въ ней только дѣлаются примѣненія на основаніи выводовъ ученіяобъ элементахъ къ вопросу о научномъ методѣ|. Первая часть "Трансцендентальное ученіе объ элементахъ" въ свою очередь дѣлится на двѣ части: I| трансцендентальная эстетика - трактующая о возможности апріорныхъ синтетическихъ сужденій въ математикѣ; 2| трансцендентальная логика, которая обнимаетъ а| трансцендентальную аналитику, рѣшающую вопросы о возможности апріорныхъ синтетическихъ сужденій въ естествознаніи и о возможности метафизики; послѣдній вопросъ въ аналитикѣ рѣшается отрицательно, и потому для объясненія наклонности нашего разума къ построенію метафизики, къ аналитикѣ присоединена в| діалектика, объясняющая изъ свойствъ самаго разума эту наклонность къ метафизикѣ. Она составляетъ вторую часть ученія о трансцендентальной логикѣ. Діалектикой она названа потому, что объясняетъ и критикуетъ кажущееся знаніе.

Это дѣленіе зависитъ отъ естественнаго распаденія главнаго вопроса на подчиненные ему. Слѣдуетъ прибавить, что особенность "Крит. чист. раз." составляетъ масса терминовъ, которые намъ нѣтъ нужды запоминать и которые у Канта явились потому, что онъ въ новыхъ словахъ искалъ средства для закрѣпленія всѣхъ оттѣнковъ своихъ новыхъ мыслей.

Какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ математикѣ? |Трансцендентальная эстетика|.

Прежде, чѣмъ говорить о взглядахъ Канта по вопросу о возможности математики, нужно запомнить ту терминологію, которую онъ употребляетъ и здѣсь и въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. А именно: способность къ воспріятію внѣшняго и внутренняго чувства Кантъ называетъ : чувствительность |Sinnlichkeit *)|. Итакъ, подъ этимъ словомъ Кантъ подразумѣваетъ способность къ чувственнымъ воспріятіямъ, какъ внутреннимъ , такъ и внѣшнимъ |такъ,напр, способность воспріятія цвѣта есть чувствительность въ смыслѣ внѣшняго чувства, способность воспріятія

*) Для передачи этого термина |Sinnlichkeit| въ русской литературѣ обыкновенно употребляютъ другое выраженіе -"чувственность". Но послѣдній терминъ имѣетъ исключительно этическое значеніе | мы говоримъ, напр., "чувственный" человѣкъ - т.е. преданный "чувственности", чувственнымъ наслажденіямъ и т.п.|. Правда, слово "чувствительность" тоже имѣ-

г н ѣ в а -чувствительность въ смыслѣ в н у т р е н н я г о чувства|.

Чувствительность можетъ давать только единичныя представленія. Понятіе же, по терминологіи Канта, содержитъ въ себѣ о д н о л и ш ь о б щ е е. Понятіе на языкѣ Канта есть ничто иное, какъ о б щ е е п р е д с т а в л е н і е. Это надо постоянно имѣть въ виду, чтобы не смѣшивать Кантовского словоупотребленія съ другимъ, позднѣйшимъ |сильно распространеннымъ, но все-таки не общепринятымъ|, при которомъ подъ понятіемъ подразумѣвается абстрактно мыслимая совокупность с у щ е с т в е н н ы х ъ признаковъ, такъ что могутъ быть и общія, и единичныя понятія. На языкѣ же Канта о "единичныхъ понятіяхъ" нельзя и толковать, ибо для него такое соединеніе терминовъ содержитъ въ себѣ явное противорѣчіе.

Вотъ выписка изъ Кантовскихъ лекцій по логикѣ | изданныхъ впервые Jäsche въ 1800г. - §1 общаго ученія объ элементахъ|: "интуиція есть е д и н и ч н о е |подчеркиваніе въ этой цитатѣ принадлежитъ подлиннику| представленіе |repraesentatio singularis |, понятіе - о б щ е е |repraesentatio per notas communes |или р е ф л е к т и в н о е представленіе | repraesentatio discursiva |.....т.е. представленіе того, что состав-

етъ побочное значеніе| легкой возбудимости чувствованій|; но оно въ то же время обозначаетъ и способность къ чувственнымъ воспріятіямъ, такъ какъ по своей этимологіи оно вполнѣ однородно со словомъ "раздражительность", обозначающимъ способности къ воспріятію раздраженій.

ляетъ общее для многихъ объектовъ, слѣдовательно такое представленіе, которое содержится въ различныхъ представленіяхъ Чистѣйшая тавтологія говорить объ общихъ понятіяхъ....Познаніе посредствомъ понятій называется мышленіемъ." Далѣе|тамъ же, 3|:" Понятіе бываетъ или эмпирическимъ или чистымъ,|vel empiricus, vel intellectualis.| Чистымъ понятіемъ служитъ такое понятіе, которое не отвлечено отъ опыта, но даже и по своему содержанію происходитъ отъ разсудка." А вотъ выписка изъ бумагъ Канта:" интуиція |Anschauung |....не составляетъ, конечно , никакого смотрѣнія |Schauen|, но представленіе объ единичномъ, поскольку это единичное не мыслится , а дано для мышленія". (Arch. f. Gesch. d. Phil. B. III стр. 85. Dilth. Aus den Kant's Handschriften).

Противоположностью же| Entgegensetzt , § I Логики| понятіямъ,- представленіямъ общимъ, - является у Канта единичное представленіе, которое Кантъ называетъ Anschauung . Перевести этотъ терминъ на русскій языкъ пытались различно.*) Кантъ подъ словомъ " Anschauung " подразумѣваетъ именно строго единичное представленіе, не подвергшееся никакому обобщенію| какое , напр., получается у насъ, когда мы быстро взглянемъ на предметъ и сейчасъ же отведемъ взоръ|, образовавшееся какъ-бы наглядным путемъ| anschauen значитъ смотрѣть.

*) Напр., воззрѣніе, созерцаніе, наглядное прдставленіе; послѣдній переводъ |принад-

разсматривать и т.п.; по Anschauung можетъ представиться и путемъ слуха|.

Чтобы не удаляться отъ Кантовскаго пониманія и избѣжать недоразумѣній, удобнѣе всего поступить такимъ образомъ: замѣнить терминъ" Anschauung " - равнозначущимъ ему словомъ и н т у и ц і я,*) сходнымъ съ нимъ , какъ посвоему этимологическому составу, такъ и по тому употребленію, какое оно имѣетъ въ латинскомъ языкѣ.

Итакъ, п о н я т і ю соотвѣтствуетъ о б щ е е, и н т у и ц і и - е д и н и ч н о е. Оба же термина - и п о н я т і е |Begriff |, и и н т у и ц і я |Anschauung| Кантъ означаетъ общимъ родовымъ терминомъ - п р е д с т а в л е н і е |Vorstellung |

Ознакомившись съ терминологіей Канта, обратимся къ самому содержанію его изслѣдованія. Чтобы болѣе обстоятельнымъ образомъ изслѣдовать вопросъ о возможности Математики, Кантъ разсматриваетъ, что и какимъ образомъ изучаетъ математика. С т а р и н н ы й , распространенный среди философовъ, взглядъ на математику, былъ тотъ, что она, говоря языкомъ Канта, оперируетъ исключительно надъ п о н я т і я м и - т.е. надъ такими общими представленіями| величинъ пространственныхъ или считаемыхъ|, въ которыхъ находится лишь мыслимое , а не чувственно- представляемое содержа-

---

лежащій Владиславлеву|-всего точнѣе,-но отъ него нельзя образовать прилагательнаго. Терминъ"в оз р ѣ н і е"|не говоря уже о томъ, что онъ навязываетъ намъ мысль о теоріи т.п. чего Кантъ, конечно вовсе не имѣлъ здѣсь въ виду| такъ же,

*) См. слѣд. стр.

ніе. Взглядъ этотъ ясно обнаруживается въ слѣдующемъ, вытекавшемъ изъ него, мнѣніи: математика была бы вѣрна и въ томъ случаѣ, если бы не было никакихъ объектовъ, подходящихъ подъ ея понятія.- Поддержкой же этому взгляду служилъ вообще распространенный предразсудокъ, въ силу котораго всѣ математическія сужденія считались а н а л и т и ч е с к и м и. Дѣйствительно, если математика состоитъ изъ аналитическихъ сужденій, то нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы подходящіе подъ ея понятія объекты гдѣ - нибудь встрѣчались. | Это явствуетъ изъ самаго понятія аналитическаго сужденія, какъ такого, въ которомъ сказуемое получается прямо на основаніи анализа подлежащаго.

Представители стариннаго взгляда, конечно, не могли не замѣтить, что и въ математикѣ мы прибѣгаемъ къ единичнымъ представленіямъ или воспріятіямъ, какъ къ пособіямъ| въ геометріи - къ помощи ч е р т е ж е й или же ч и с т о е д и н и ч н ы х ъ п р е д с т а в л е н і й м а т е м а т и ч е с к и х ъ о б ъ е к т о в ъ,- напр., фигуръ и т.п.; въ ариѳметикѣ - къ счету надъ п р е д м е т а м и|. Но съ точки зрѣнія стариннаго взгляда этотъ пріемъ долженъ былъ объясняться только тѣмъ, что онъ составляетъ лишь полезное а отнюдь н е н е о б х о д и м о е вспомогательное средство |онъ, отсылая насъ къ частнымъ примѣрамъ, лишь облегча-

---

какъ и с о з е р ц а н і е понимается нами , какъ д ѣ я т е л ь н о с т ь; а потому не подходитъ къ мысли Канта.

*) |Примѣчаніе къ пред. 54 стран.| Прилагательное отсюда " и н т у и т и в н ы й."

етъ намъ разсмотрѣніе понятій, какъ это и всегда бываетъ при разсмотрѣніи общаго на конкретныхъ примѣрахъ. Кантъ совсѣмъ иначе освѣтилъ методъ математики.

Старинный взглядъ на методъ математики оказывается, по *мнѣнію Канта*, *несостоятельнымъ*: а именно, при немъ упускали изъ виду, что математическія сужденія суть сужденія *синтетическія*, и, слѣдовательно, объектами математики не могутъ служить одни лишь понятія. Дѣйствительно, если бы вся математика состояла исключительно изъ *аналитическихъ* сужденій, то ей можно было бы имѣть дѣло только съ понятіями,- ибо сказуемое аналитическаго сужденія уже содержится въ понятіи подлежащаго, такъ что незачѣмъ было бы обращаться къ интуиціямъ. Напр., чтобы установить хотя бы такое аналитическое сужденіе: треугольникъ имѣетъ три стороны,- нѣтъ никакой надобности выходить за предѣлы понятія треугольника; слѣдуетъ только его анализировать и выдвинуть признакъ трехсторонности. -Но аналитическія сужденія въ родѣ, цѣлое больше своей части и т.п. играютъ въ математикѣ лишь ничтожную, вспомогательную роль; большая же часть ея сужденій - *синтетическія*, въ которыхъ мы можемъ установить сказуемое не иначе, какъ *выйдя за предѣлы понятія подлежащаго*. Гдѣ же намъ искать указанія на связь этого сказуемаго съ подлежащимъ? Искать это указаніе мы должны въ тѣхъ единичныхъ представленіяхъ, въ тѣхъ интуиціяхъ, которыя подходятъ подъ понятіе подлежащаго: мы должны обра-

тить вниманіе на конкретные случаи, подчиненные этому понятію |Prolegomena, § 2|. Такимъ образомъ, сужденія математики всегда интуитивны - она должна опираться на интуиціи. |Prolegomena, § 7.|. Такъ, напр., чтобы установить теорему, гласящую, что сумма всѣхъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ,- представляющую изъ себя синтетическое сужденіе, мы должны сдѣлать рядъ геометрическихъ построеній, и примѣнить къ нимъ прежде извѣстныя истины |теоремы и аксіомы|. Но путемъ интуиціи мы должны убѣдиться въ осуществимости нашихъ построеній. Если же въ томъ можно убѣдиться на основаніи прежняго знанія, то про него можно повторить только что сказанное и т.д. А ужъ въ аксіомахъ убѣдиться можно только при помощи интуиціи. Такимъ образомъ, единичныя представленія и воспріятія | каковы фигуры и считаемые предметы|, къ какимъ обращается математика, служатъ для нея пособіями вполнѣ неизбѣжными, неустранимыми, безъ которыхъ она оперировать не можетъ.

Оторвать отъ математики интуицію - значитъ оторвать отъ нея всю почву. Итакъ, старинный взглядъ на методъ математики оказывается ложнымъ.*) А коль скоро же первичные объекты

*) Ложностью стариннаго взгляда объясняется и ошибка раціоналистовъ, пытавшихся построить метафизику математическимъ методомъ. Если бы математика, какъ думали они, имѣла дѣло только съ понятіями, то не было бы ничего невозможнаго въ томъ, чтобы перенести ея методъ на метафизику, гдѣ тоже фигурируютъ исключительно понятія. Но, тогда какъ математика находится въ тѣсной, неизбѣжной связи съ интуиціями,

математики - не понятія, а интуиціи, то, слѣдовательно, мы въ ней разсматриваемъ такіе объекты, которые мы же сами и строимъ въ представляемомъ нами пространствѣ и времени.

Примѣчаніе

метафизика имѣетъ дѣло съ такими предметами, которые, |какъ напр., Богъ, душа| по самому понятію своему не могутъ быть интуитивно представляемы, а только мыслимы. Такимъ образомъ, ошибочно понимая самый характеръ математическаго метода, раціоналисты стремились къ недостижимой цѣли |Prolegomena, §7.|.

2| По этому поводу разъяснимъ кстати одно, могущее возникнуть , недоумѣніе. У Канта есть идеалъ науки, до нѣкоторой степени похожій на идеалъ прежнихъ метафизиковъ: а именно, прежде стремились построить метафизику на подобіе математики; для Канта же идеаломъ науки служитъ математическая обработка естествознанія |по образцу той, которую далъ Ньютонъ въ своихъ трудахъ|. Прямо въ этихъ словахъ Кантъ этого взгляда нигдѣ не высказываетъ; но въ "Принципахъ естествознанія" у него находится между прочимъ , такое утвержденіе :" Всякая наука лишь въ той мѣрѣ будетъ строго научна, въ какой къ ней будетъ примѣнена математика". Яснѣе же Кантовскій идеалъ науки обнаруживается чрезъ анализъ всей совокупности его воззрѣній. Этого однако, за недостаткомъ времени, мы предпринять не можемъ. Къ тому же подобная задача уже выполнена Когеномъ |„Kant's Theorie der Erfahrung |, разсмотрѣвшимъ съ этой точки зрѣнія всю "Критику чистаго разума".

Но сходство идеала науки , какимъ онъ является у Канта, съ идеаломъ старинныхъ метафизиковъ еще не даетъ намъ права къ

Легко убѣдиться, что въ математикѣ мы изучаемъ только то, что существуетъ или строится нами самими въ такомъ пространствѣ или въ такомъ времени, которыя представляются нами, т.е. въ представляемомъ нами пространствѣ или въ представляемомъ нами времени. Такъ геометрія изучаемыя ею фигуры конструируетъ въ представленіи пространства; ариѳметика и алгебра опираются на счетъ, который производится путемъ послѣдовательнаго прибавленія единицы къ единицѣ, или группы единицъ - къ группѣ, т.е. происходитъ во времени; но въ томъ, которое представляется нами, т.е. въ нашемъ представленіи времени. - А отсюда рождается вопросъ: какимъ же образомъ то, что мы констатируемъ въ объектахъ, конструированныхъ нами самими, въ нашемъ представленіи пространства и времени, - можетъ имѣть общее и необходимое значеніе для всего опыта, во всякомъ, да еще реальномъ, пространствѣ и во всякомъ, да еще реальномъ, времени? Какимъ образомъ все это можно переносить на природу?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Кантъ предпринимаетъ раз-

ихъ смѣшенію. Разница Канта и прежнихъ философовъ вотъ въ чемъ: а) Кантъ считаетъ идеаломъ науки математическую обработку не метафизики, а естествознанія - т.е. ученія о мірѣ явленій, а не о вещахъ въ себѣ.-

б) Даже и здѣсь, въ примѣненіи математическаго метода къ области явленій, Кантъ отличается отъ прежнихъ философовъ тѣмъ, что самый этотъ методъ понимаетъ иначе.

смотрѣніе нашихъ представленій пространства и времени,- и именно поэтому онъ называетъ эту часть своего изслѣдованія "Трансцендентальной эстетикой". Вѣдь, что такое пространство и время? Пространство есть та форма, въ которую располагаются продукты внѣшняго чувства, форма внѣшняго чувства. Время - форма прежде всего внутренняго чувства, т.е. форма, въ которую располагаются прежде всего |не хронологически "прежде", а логически| продукты внутренняго чувства, ибо мы сознаемъ свой внутренній міръ не иначе, какъ въ формѣ времени, такъ какъ всякое внѣшнее воспріятіе, какъ актъ моего сознанія, принадлежитъ тоже къ состоянію моего внутренняго міра, то во времени же располагаются и всѣ внѣшнія воспріятія, такъ что время поэтому служитъ также общей формой для продуктовъ всѣхъ чувствъ Пространство и время такимъ образомъ связаны съ чувствительностью |Sinnlichkeit|. По гречески акты чувствительности называются такимъ словомъ|αἴσθησις| отъ котораго происходитъ слово эстетика. Взятое въ буквальномъ смыслѣ слово"эстетика" должна бы обозначать о томъ, что относится къ чувственнымъ воспріятіямъ вообще. Въ этомъ смыслѣ и употребляетъ его Кантъ. Мы же со времени Баумгартена привыкли употреблять его, какъ ученіе только о томъ что относится къ чувству прекраснаго. А такъ какъ Кантовское ученіе о пространствѣ и времени даетъ отчетъ въ апріорности |сужденій математики|, то Кантъ называетъ его Трансцендентальной Эстетикой |см. выше

объясненіе слова: трансцендентальный|. Этотъ ненужный терминъ | трансцендентальная эстетика| служитъ нагляднымъ примѣромъ пристрастія Канта къ новымъ терминамъ, пристрастія избавляющаго насъ отъ обязанности упоминать о нихъ, когда они безполезны.

Что такое пространство и время. Четыре аргумента Канта и выводы изъ нихъ.

Перейдемъ теперь къ самому содержанію Трансцендентальной эстетики, т.е. прежде всего къ анализу пространства и времени. Для лучшаго пониманія Канта, заучимъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ онъ въ связи съ общимъ ходомъ его разсужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣй усвоимъ его аргументы.

Относительно пространства и времени Кантъ сперва доказываетъ слѣдующія положенія: I| пространство и время не апостеріорныя понятія; 2| они даже не понятія , а интуиціи; 3| Эти интуиціи апріорны, т.е. имѣютъ всеобщее и необходимое |или неизбѣжное| значеніе| для всѣхъ интуицій: пространство - для всѣхъ интуицій внѣшняго чувства; а время - для всѣхъ интуицій и внѣшняго и внутренняго чувства. Изъ этихъ выводовъ Кантъ дѣлаетъ новые выводы : I| Пространство и время суть необходимыя, а потому и апріорныя, формы чувствительности| пространство - необходимая форма внѣшняго чувства; а время - необходимая форма внутренняго чувства|. 2| Пространство и время суть только представленія, т.е. существуютъ только въ насъ самихъ, какъ наши представленія |интуи-

ціи| . 3| Отъ этого и все то, что мы сознаемъ въ пространствѣ и времени, даже наши душевныя состоянія и ихъ смѣна суть т о л ь к о представленія, а не вещи въ себѣ. Другими словами: 1| въ опытѣ в с е , д а ж е и с а м и х ъ с е б я, мы знаемъ только, какъ явленія, т.е. какъ наши представленія, а не какъ вещь въ себѣ |не такъ смотрѣли на дѣло до Канта относительно внутреннихъ воспріятій|. Раньше всѣ думали, что мы знаемъ себя, какъ вещь въ себѣ. Это оттого, что не знали, что такоевремя, даже и Беркли не зналъ этого. 4| Пространство и время, будучи представленіями, въ тоже время н е о б х о д и м ы я ф о р м ы чувствительности, и поэтому н е о б х о д и м о р е а л и з у ю т с я во всѣхъ ея продуктахъ. 5| Отъ этого реализуется въ ея продуктахъ, т.е. въ опытѣ и всето,что мы констатируемъ, разсматривая представленія пространства и времени, т.е. в с я м а т е м а т и к а. Такимъ образомъ в о з м о ж н о с т ь м а т е м а т и к и |т.е. ея в с е о б щ е е и н е о б х о д и м о е з н а ч е н і е д л я в с ѣ х ъ ф а к т о в ъ о п ы т а| К а н т ъ о б ъ я с н я е т ъ т ѣ м ъ, ч т о м ы в ъ о п ы т ѣ и м ѣ е м ъ д ѣ л о н е с ъ в е щ а м и в ъ с е б ѣ, а с ъ т ѣ м и ж е с а м ы м и п р е д с т а в л е н і я м и п р о с т р а н с т в а и в р е м е н и, в ъ к о т о р ы х ъ м а т е м а т и к а и к о н с т р у и р у е т ъ и з у ч а е м ы я е ю г е о м е т р и ч е с к і я в е л и ч и н ы и ч и с л а.

I| Если даже допустить, что п р о с т р а н с т в о и в р е м я суть п о н я т і я, то все же ни въ какомъ

случаѣ ихъ нельзя признать понятіями э м п и р и ч е с к и м и, абстрагированными|отвлеченными| отъ внѣшняго опыта. Вѣдь, чтобы произвести такое абстрагированіе пространства, надо сперва умѣть представлять себѣ свои внѣшнія ощущенія а| в н ѣ меня самого и в| одно в н ѣ другого|или р я д о м ъ съ другимъ, или въ любомъ р а з с т о я н і и|. А для этого надо, ч т о б ы я у ж е у м ѣ л ъ п р е д с т а в л я т ь с е б ѣ п р о с т р а н с т в о е щ е р а н ь ш е, ч ѣ м ъ п о п р о б у ю а б с т р а г и р о в а т ь е г о о т ъ в н ѣ ш н я г о о п ы т а. Слѣдовательно не представленіе пространства становится возможнымъ вслѣдствіе отвлеченія отъ отношеній, находимыхъ во внѣшнемъ опытѣ, а наоборотъ: эти отношенія во внѣшнемъ опытѣ, а съ ними и самъ внѣшній опытъ| если онъ безъ нихъ невозможенъ| становятся впервые возможными чрезъ посредство представленія пространства. Совершенно также разсуждаетъ Кантъ и относительно времени: чтобы отвлечь понятіе времени, надо уже имѣть представленіе времени. Вѣдь для этого надо уже умѣть представлять себѣ что-либо к а к ъ о д н о в р е м е н н о е и к а к ъ с л ѣ д у ю щ е е д р у г ъ з а д р у г о м ъ: а э т о з н а ч и т ъ у ж е и м ѣ т ь п р е д с т а в л е н і е в р е м е н и. Поэтому нельзя допустить, что пространство и время суть апостеріорныя |эмпирическія| понятія. Они существуютъ у насъ въ готовомъ видѣ |bereit liegen| т.е. независимо отъ всякаго абстрагированія отъ данныхъ опыта. Они обусловливаютъ возможность опыта, а н е о н ъ и х ъ. Сейчасъ Кантъ разсуждалъ, говоря часто прямо о пространствѣ

и времени, а не о представленіяхъ о нихъ. Кромѣ неточности его языка вообще, здѣсь для этого можетъ быть указана и та причина, что по его ученію мы не имѣемъ прямого дѣла ни съ какимъ пространствомъ и временемъ кромѣ тѣхъ, которыя мы представляемъ себѣ.

2| Пространство и время даже не понятія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ два соображенія: а| и пространство и время единичны. Пространство одно и многія отдѣльныя пространства суть только его ограниченія, его части. Время также одно и отдѣльныя времена суть только ограниченныя части одного и того же времени. А то, что относится только къ единичному объекту, есть интуиція; поэтому пространство и время суть интуиціи, а не понятія, т.е. не общія, а чисто единичныя представленія. в| Въ этомъ же убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе отношеній пространства и времени къ ихъ объектамъ; эти отношенія вовсе не похожи на отношенія понятій къ подчиненнымъ имъ единичнымъ представленіямъ. Содержаніе понятія |а понятіе по Канту всегда общее , см. выше| повторяется въ содержаніи подчиненныхъ ему единичныхъ представленій, какъ часть ихъ содержанія, или, какъ говорится въ логикѣ, понятіе содержитъ свои объекты и подчиненныя интуиціи подъ собой. А пространство и время содержатъ отдѣльныя пространства и времена въ себѣ, какъ свои собственныя части, т.е. какъ части, на которыя они подраздѣлены. Характеръ отношеній представленій пространства и времени къ представленіямъ от-

дѣльныхъ пространствъ и временъ не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ отношеній между понятіемъ и подчиненными интуиціями; иными словами, пространство и время не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: они суть и н т у и ц і и.

3| Каковы же эти интуиціи? О н и н е и з б ѣ ж н ы, н е у с т р а н и м ы д л я н а ш е й п о з н а в а т е л ь н о й д ѣ я т е л ь н о с т и. В с е можно отмыслить отъ пространства и времени, мысленно устранить изъ нихъ всѣ вещи и событія, и все-таки мыслить пространство и время*) совершенно абстрактно. Но нельзя поступить обратно: нельзя отъ вещей отмыслить пространство, отъ событій - время. Представленія о пространствѣ и времени для представленія любой вещи и событія необходимы; а потому они суть н е и з б ѣ ж н ы я и л и н е о б х о д и м ы я д л я в с я к а г о а к т а п р е д с т а в л е н і я и н т у и ц і и. А такъ какъ опытъ можетъ указать лишь, что б ы л о и е с т ь, а не то, что н е и з б ѣ ж н о д о л ж н о б ы т ь, и такъ какъ н е о б х о д и м о е потому будетъ а п р і о р н о, то мы и получаемъ такой выводъ: п р о с т р а н с т в о и в р е м я с у т ь и н т у и ц і и н е о б х о д и м ы я, т.е. а п р і о р н ы я.**)

*) Этимъ Кантъ не говоритъ однако, что мы можемъ п р е д с т а в и т ь с е б ѣ п у с т о е п р о с т р а н с т в о и в р е м я. Существованія п р е д с т а в л е н і й пустого пространства и пустого времени онъ не допускаетъ. Но мы

Доказавъ эти выводы, Кантъ дѣлаетъ въ свою очередь изъ нихъ такіе другіе выводы, или же взамѣнъ того прежніе выводы формулируетъ въ такой формѣ, чтобы и новые выводы и прежніе были пригодны для рѣшенія вопросовъ, касающихся нашего знанія. Именно:

I| П р о с т р а н с т в о и в р е м я с у т ь н е и з б ѣ ж н ы я и л и н е о б х о д и м ы я д л я н а ш е г о в н ѣ ш н я г о и в н у т р е н н я г о ч у в с т в а ф о р м ы; а к а к ъ н е о б х о д и м ы я, э т и ф о р м ы а п р і о р н ы. Онѣ, какъ мы видѣли, необходимымъ образомъ присоединяются къ тому, что мы сознаемъ. Слѣдовательно н е н и х ъ обусловливаетъ опытъ, а о н ѣ с а м и о б у с л о в л и в а ю т ъ его. А все то, что обусловливаетъ опытъ и само существуетъ безъ всякой примѣси |чисто| со стороны вліяній опыта, Кантъ называетъ ч и с т ы м ъ. Отсюда, пространство и время суть ч и с т ы я формы нашей способности интуицій.

2| Э т и ф о р м ы, какъ мы видѣли, не понятія, а и н т у и ц і и, т.е. строго единичныя п р е д с т а в л е н і я. Онѣ суть тѣ единичныя представленія, въ которыхъ, какъ въ вмѣстилищахъ, мы размѣщаемъ всѣ воспріятія внѣшняго и внутренняго чувства. Какъ п р е д с т а в л е н і я, они с у б ъ е к т и в н ы и уже заранѣе лежатъ |bereit liegen| еще до м о ж е м ъ м ы с л и т ь о пустомъ пространствѣ и времени.

**) Въ этомъ отличіе субъективности пространства и времени отъ субъективности ощущеній: первыя неизбѣжны и у всѣхъ одинаковы, а каждое ощущеніе случайно и индивидуально |Дальтонизмъ|.

всякаго опыта въ нашей представляющей способности. *)

Далѣе, Канту слѣдовало бы разсуждать такъ: изъ того, что пространство и время наши неизбѣжныя субъективныя представленія, мы не въ правѣ дѣлать заключенія о томъ, что пространство и время существуютъ и въ вещахъ въ себѣ [Ding an sich]. Даже болѣе: такъ какъ пространство и время наши п р е д с т а в л е н і я и существуютъ д л я н а с ъ только какъ э т и представленія, мы можемъ ради удобства [чтобы легче запомнить отсутствіе у насъ всякаго права переносить п р о с т р а н с т в о и в р е м я на вещи въ себѣ], относиться къ вещамъ въ себѣ такъ, к а к ъ б ы въ нихъ навѣрное не было пространства и времени, т.е. мы в ъ п р а в ѣ д о п у с к а т ь, к а к ъ у д о б н у ю д л я н а с ъ ф и к ц і ю, ч т о п р о с т р а н с т в а и в р е м е н и в ъ в е щ а х ъ в ъ с е б ѣ в о в с е н ѣ т ъ.

Вѣдь, если они тамъ и есть, мы въ опытѣ имѣемъ дѣло не съ ними [не съ пространствомъ въ себѣ и не съ временемъ въ себѣ], а только съ представленіями, сознаваемыми нами, такъ что первыя для насъ какъ бы не существуютъ.

Но Кантъ разсуждаетъ совсѣмъ не такъ. Онъ прямо говоритъ: пространство и время субъективны, поэтому ихъ нѣтъ въ вещахъ въ себѣ; д о п у с т и т ь, ч т о п р о с т р а н с т в о и в р е м я с у щ е с т в у ю т ъ с а м и п о

*) Слова "заранѣе лежатъ", разумѣется, имѣютъ не буквальный смыслъ, ибо время только представленіе, и смѣшно говорить, что время лежитъ раньше того то, употребляя слово "раньше" въ буквальномъ смыслѣ. Это "заранѣе" означаетъ "независимо" отъ оправданій со стороны опыта.

с е б ѣ, з н а ч и т ъ - д о п у с т и т ь д в ѣ в е л и ч а й ш и х ъ н е б ы л и ц ы | Undinge |.- Въ этомъ разсужденіи Кантъ сдѣлалъ или очень скороспѣлый выводъ, который слѣдовало бы подтвердить добавочными доказательствами, или же всталъ въ прямое противорѣчіе съ другими выводами своей же теоріи познанія, |въ которыхъ говоритъ, что мы н и ч е г о н е м о ж е м ъ з н а т ь о вещахъ въ себѣ|, потому что сдѣлалъ логическій прыжокъ. Этотъ логическій прыжокъ или скороспѣлость въ разсужденіяхъ Канта долго оставались незамѣченными. Впервые указалъ на него Тренделленбургъ въ своемъ "Логическомъ изслѣдованіи". Свое объясненіе противъ Канта онъ формулируетъ такъ: Кантъ поставилъ дилемму: или пространство и время субъективны, или — они существуютъ сами по себѣ т.е. объективны; |отсюда ложный выводъ: такъ какъ пространство и время несомнѣнно субъективны, то сами по себѣ они не существуютъ|. А слѣдовало ему поставить трилемму: пространство и время или I| с у б ъ е к т и в н ы, или 2| о б ъ е к т и в н ы, или 3| о д н о в р е м е н н о и с у б ъ е к т и в н ы и о б ъ е к т и в н ы; |этотъ третій членъ лишаетъ насъ права рѣшить вопросъ такъ, какъ рѣшаетъ его Кантъ|. Тренделленбургу возражалъ на это Куно Фишеръ; въ спорѣ ихъ приняли участіе и многіе другіе германскіе ученые; возникла обширная литература*) по данному вопросу. Рѣшать спора по существу мы не будемъ, а отмѣтимъ только, что самый фактъ существованія спора указываетъ на

---

*) Она указана у Vaihinger'a въ его "Комментаріи къ "Критикѣ чистаго разума".

то, что Канту слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе сдѣлать свой выводъ. Споръ невозможенъ, если признать такое положеніе: пространство и время существуютъ въ насъ, но существуютъ ли они въ вещахъ въ себѣ - для насъ безразлично, пока мы говоримъ только о томъ что можемъ сознавать, представлять.

Итакъ, пространство и время наши субъективныя интуиціи. Доказать субъективность пространства и времени - для Канта очень важно; поэтому онъ доказываетъ и разъясняетъ ее различными способами, изъ которыхъ наиболѣе удаченъ способъ, изложенный Кантомъ въ письмахъ. Нашъ умъ способенъ оцѣнивать величины только сравнительно; поэтому можно все, т.е. всѣ величины уменьшать пропорціонально и нашъ умъ не замѣтитъ уменьшенія; въ концѣ концовъ можно весь міръ умѣстить въ орѣховую скорлупу и нашъ умъ не замѣтитъ перемѣны.*) Можно даже итти дальше и свести весь міръ къ одному пункту (тогда вещи утратятъ всякую протяженность) и этого умъ не замѣтитъ. Продолжительность времени умъ оцѣниваетъ тоже сравнительно; поэтому, если увеличить пропорціонально скорости всѣхъ событій, т.е. уменьшить въ одинаковое число разъ ихъ продолжительность, то можно какое угодно время умѣстить въ

*) При томъ условіи, что и мы сами уменьшимся настолько же, насколько всѣ другія вещи, а законы дѣятельности нашего ума

одно мгновение и умъ этого не замѣтитъ. Отсюда ясно, что и пространство и время вкладываются въ вещи и событія самимъ же умомъ; ибо, если исчезаютъ и пространство и время, а умъ остается прежнимъ, ему попрежнему все кажется столь же большимъ въ пространствѣ и столь же продолжительнымъ во времени, какъ это было и прежде.

Суть ученія о пространствѣ была не нова, но на ученіе о времени мы встрѣчаемъ лишь очень слабые намеки у Платона, Спинозы и нѣкоторыхъ мистиковъ; всѣ они пытаются поставить Бога внѣ времени и этимъ показываютъ, что для нѣкоторыхъ вещей время необязательно.
Но такой намекъ весьма мало приближается къ Кантовскому ученію о времени. Ученіе это очень важно для критики и изъ него вытекаетъ IY выводъ Канта:

Такъ какъ ученіе Канта о субъективности пространства и времени очень важно, то мы остановимся на немъ, чтобы устранить нѣкоторыя возможныя недоразумѣнія. Какъ понимать субъективность времени? Мысль о томъ, что пространство субъективно, во времена Канта не была уже нова. Ее высказывали уже и Беркли, и Лейбницъ.*) Всякій идеалистъ (какъ эти два мыслителя) болѣе или менѣе охотно признаетъ субъективность пространства въ томъ смыслѣ, что пространство есть продуктъ моего ума и что внѣ меня пространства или совсѣмъ нѣтъ, или,

остаются неизмѣняемыми, т.е. онъ попрежнему судитъ о величинахъ лишь по сравненію ихъ другъ съ другомъ.

*) Лейбницъ считалъ пространство нашимъ неяснымъ и неотчетливымъ понятіемъ.

если оно и есть, то для насъ оно тамъ какъ бы не существуетъ. Готовы даже согласиться и на то, что нашъ внѣшній міръ лишь представляется въ пространствѣ, но что на самомъ дѣлѣ пространства вовсе не существуетъ нигдѣ. Субъективность же времени допускаютъ гораздо труднѣе. Тутъ Канта часто понимаютъ слѣдующимъ образомъ: внѣ нашей душевной жизни нѣтъ времени, нѣтъ смѣны событій (ибо для времени пригодны тѣ же аргументы, какъ и для пространства, съ которыми мы уже согласились); но думаютъ, будто-бы по Канту, внутри насъ, въ нашей душевной жизни, все-таки есть время, ибо мы наблюдаемъ въ себѣ смѣну душевныхъ состояній, напримѣръ, смѣну представленій. Такое пониманіе (которое можно замѣтить въ книгѣ Каринскаго "Объ истинахъ самоочевидныхъ") повидимому даже согласуется съ словами Канта, что и пространство и время находятся внутри насъ. Но въ дѣйствительности Кантъ смотрѣлъ иначе: Онъ говоритъ, что время, какъ и пространство, только какъ наши представленія, а не какъ что-нибудь иное, чѣмъ представленія. А отъ этого они субъективны, т.е. внутри насъ времени такъ же, какъ и внѣ насъ, совсѣмъ нѣтъ. Какъ пространство всего только невольно представляется намъ существующимъ, и поэтому существуетъ внутри насъ только, какъ представленіе, -такъ и время всего только представляется (невольно) намъ существующимъ даже и внутри насъ; а на дѣлѣ оно такъ же мало существуетъ, гдѣ-бы то ни было, какъ и пространство. Поэтому въ главахъ Канта о смѣнѣ душевныхъ

с о с т о я н і й т о л ь к о п р е д с т а в л я е т с я с у щ е с т в у ю щ е й; Что Кантъ такъ именно понимаетъ субъективность времени, видно не только изъ того, что онъ о времени разсуждаетъ точь въ точь такъ, какъ о пространствѣ | а вѣдь смѣшно говорить, что пространства нѣтъ внѣ насъ, а внутри оно существуетъ не только какъ представленіе, но и какъ что-то дѣйствительное|, но изъ многочисленныхъ указаній самого Канта. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ "Критики чистаго разума" Кантъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:" мы м о ж е м ъ с к а з а т ь, что представленія слѣдуютъ одно за другимъ, но это з н а ч и т ъ л и ш ь, ч т о я и х ъ с о з н а ю т а к ъ, к а к ъ б у д т о б ы о н и с л ѣ д у ю т ъ о д н о з а д р у г и м ъ ". Отсюда ясно, что Кантъ не допускаетъ никакой дѣйствительной смѣны душевныхъ явленій, а только неизбѣжное для насъ представленіе такой смѣны. Можно было бы подтвердить это и другими цитатами, но достаточно только что указанной.*)

---

*) Кто интересуется узнать подробнѣе, какъ слѣдуетъ понимать ученіе Канта о субъективности времени, можетъ обратиться къ статьѣ А.И.Введенскаго |въ Вопросахъ Филос. и Психол. № 25.| О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ Комментарій къ Критикѣ Чистаго Раз. по поводу книги Каринскаго. Въ III отдѣлѣ этой статьи и при разборѣ допущеннаго Каринскимъ искаженія Кантовскаго ученія о времени разъяснено многими примѣрами и цитатами изъ Канта, какъ слѣдуетъ понимать послѣднее. Въ статьѣ же "Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій" |Вопросы Фил. и Психол. № 29|, написан-

Итакъ, время, какъ и пространство - только наше субъективное п р е д с т а в л е н і е. Теперь ради лучшаго пониманія Канта, рѣшимъ такой вопросъ: въ какой мѣрѣ обязательно такое ученіе о субъективности времени? Для тѣхъ, которые хотятъ вмѣстѣ съ Кантомъ произвести критику принциповъ нашего познанія независимо отъ всѣхъ метафизическихъ и даже психологическихъ т е о р і й, это ученіе в п о л н ѣ о б я з а т е л ь н о.
При такой оцѣнкѣ принциповъ нашего познанія надо исходить и з ъ ч и с т ѣ й ш и х ъ ф а к т о в ъ и только на нихъ опираться въ своихъ сужденіяхъ.

Въ чистѣйшихъ же фактахъ время дано всегда именно въ видѣ п р е д с т а в л е н і я т.е. въ нихъ оно дано, какъ субъективное. Въ самомъ дѣлѣ, о прошломъ у насъ есть только воспоминанія; а воспоминаніе есть п р е д с т а в л е н і е о прошломъ; поэтому въ области чистѣйшихъ фактовъ время дано о прошломъ въ видѣ представленій. Если же мы скажемъ, что все прошлое б ы л о и въ дѣйствительности, то тогда мы втихомолку уже примѣнимъ къ дѣлу одинъ изъ принциповъ знанія, которое мы взялись и еще должны перва критически оцѣнить, - именно - принципъ причинности. Придется разсуждать такъ: воспоминанія являются не зря, а в с л ѣ д с т в і е, п о п р и ч и н ѣ дѣйствительно бывшихъ событій. Но такъ какъ мы еще не имѣемъ права, разъ

кой въ отвѣтъ на защитительную статью Коринскаго, доказано множествомъ цитатъ и собственными поясненіями Канта, какъ онъ смотрѣлъ на смѣну душевныхъ явленій.

Мы хотимъ оцѣнить всѣ принципы знанія, исходить изъ одного изъ нихъ, то мы обязательно должны согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что прошлое время дано въ области чистѣйшихъ фактовъ только въ видѣ представленія, а приписывать ему дѣйствительность за предѣлами представленія - это значитъ строить теорію при помощи принципа причинности, да еще теорію о томъ, что лежитъ за предѣлами возможнаго опыта, т.е. метафизическую теорію.

О будущемъ и говорить нечего: все будущее дано только въ видѣ представленія , и о томъ, что оно дѣйствительно наступитъ, мы судимъ по принципу причинности. Настоящее же есть лишь мигъ, между прошедшимъ и будущимъ. Поэтому, пока мы не смѣшиваемъ съ фактами теорію, время будетъ неизбѣжно лишь представленіемъ, т.е. будетъ лишь субъективно.-

Правильно все это или нѣтъ, все-таки надо запомнить, что съ точки зрѣнія Канта время |а съ нимъ и всѣ событія во времени| только представленіе, и мы, поэтому, слѣдя за его разсужденіями, должны говорить только о представленіяхъ смѣны событій.-

3| Ученіе о субъективности времени было новостью по отношенію ко всей до-Кантовской философской мысли. Это ученіе все безъ исключенія обращаетъ въ представленія и самымъ новымъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его является то, что мы не только весь внѣшній міръ но даже и нашу душевную жизнь т.е.

самихъ себя знаемъ только какъ представленіе, или явленія въ насъ самихъ, а не какъ вещь въ себѣ.

Все безъ исключенія мы знаемъ въ видѣ явленій. Какъ во внѣшнемъ опытѣ мы узнаемъ міръ, какъ свое представленіе, а не какъ вещь въ себѣ |ибо вещи въ себѣ не въ пространствѣ|, такъ точно и во внутреннемъ опытѣ мы узнаемъ самихъ себя не какъ вещь въ себѣ, а лишь какъ явленія. Относительно первой части этого положенія, касающейся внѣшняго міра, согласиться было легко. Уже до Канта Беркли утверждалъ, что внѣшній міръ есть только наше представленіе; ибо разъ онъ призналъ, что пространство субъективно, то онъ долженъ былъ признать и то, что весь внѣшній міръ мы знаемъ лишь какъ представленіе. Но вторая часть этого положенія, относящаяся ко внутреннему міру, во время Канта была совершенной новостью. До него она никѣмъ не высказывалась, да и послѣ него, многіе и до сихъ поръ ея не въ силахъ понять. Намъ всегда кажется, что мы знаемъ, если не самую сущность, то состоянія нашей душевной жизни, какъ они суть, т.е. какъ вещи въ себѣ. Но если признать, что время есть только наше представленіе |а чтобы слѣдить за Кантомъ, это необходимо, если не признать, то допустить на время|, то изъ этого слѣдуетъ, что и все сознаваемое во времени, т.е. и наши собственныя душевныя состоянія, -сознается не такъ, какъ оно есть въ себѣ, а какъ лишь представляется намъ, ибо само то оно безъ времени.

А вѣдь самихъ себя мы узнаемъ только при посредствѣ внутренняго чувства, которое неизбѣжно все изображаетъ намъ, какъ временную смѣну событій, слѣдовательно, мы знаемъ и себя самихъ только какъ явленіе, такъ какъ вмѣсто дѣйствительной смѣны, мы должны допустить въ насъ только представленіе смѣны.

4| Но все-таки организація нашего сознанія такова, что пространство и время суть н е и з б ѣ ж н ы я формы внѣшняго и внутренняго чувства. Отсюда слѣдуетъ такой в ы в о д ъ Канта: такъ какъ эти формы неизбѣжны, то э т и ф о р м ы с о в с ѣ м и п р и с у щ и м и и м ъ с в о й с т в а м и б у д у т ъ н е и з б ѣ ж н ы д л я о б ъ е к т о в ъ н а ш е г о о п ы т а, именно, пространство для внѣшняго опыта, а время для всякаго опыта. Иными словами, всѣ свойства пространства,| напр. трехмѣрность| будутъ имѣть неизбѣжное значеніе для всѣхъ объектовъ внѣшняго опыта, свойства времени - неизбѣжное значеніе для внутренняго опыта, а через это и для внѣшняго. Но такъ какъ опытъ ограничивается міромъ явленій, то эта н е и з б ѣ ж н о с т ь или р е а л ь н о с т ь не будетъ реальностью для вещей въ себѣ, а будетъ только реальностью лишь въ предѣлахъ опыта, т.е. э м п и р и ч е с к о ю р е а л ь н о с т ь ю. Кантъ формулируетъ этотъ выводъ такъ: "п р о с т р а н с т в о и в р е м я и м ѣ ю т ъ э м п и р и ч е с к у ю р е а л ь н о с т ь, н о т р а н с ц е н д е н т а л ь н у ю*) и д е а л ь н о с т ь"| для вещей въ себѣ.

5| А отсюда Кантъ дѣлаетъ выводъ, ради котораго было

предпринято имъ самое изслѣдованіепространства и времени. Математика возможна, какъ достовѣрная наука и апріорныя синтетическія сужденія въ математикѣ достовѣрны именно потому, что пространство и время, будучи нашими субъективными представленіями, неизбѣжно имѣютъ эмпирическую реальность и всѣ свойства, которыя мы констатируемъ въ своемъ представленіи пространства и времени, имѣютъ также эмпирическую реальность. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, опытъ помѣщается въ томъ самомъ пространствѣ и въ томъ самомъ времени , которыя намъ представляются, такъ какъ извѣстныя намъ пространство и время суть только наши представленія. А по Канту и нѣтъ другого пространства и времени.

Но отсюда прямо вытекаетъ, что достовѣрность математики ограничивается только предѣлами опыта, а за ними сейчасъ же рушится. Такъ по отношенію къ Богу математическіе выводы не приложимы, ибо Богъ не въ предѣлахъ опыта, а потому можетъ и не подчиняться, напримѣръ трехмѣрности пространства или аксіомѣ о прямой линіи. Но въ сферѣ опыта математика одинаково обязательна всюду, и въ Америкѣ такъ же , какъ въ Европѣ, ибо обѣ лежатъ въ нашемъ представленіи пространства, а не сами по себѣ, коль ско-

Примѣчаніе къ 76 ст. *) Слѣдовало бы сказать трансцендентную. Это одинъ изъ примѣровъ колебаній Канта въ употребленіи терминологіи.

ро онѣ лежатъ въ опытѣ.

На этомъ можно покончить изложеніе содержанія Трансцендентальной Эстетики. Къ нему слѣдуетъ прибавить два замѣчанія. I| Каковъ же методъ изслѣдованія Канта? Разсуждаетъ ли онъ такимъ образомъ, что указываетъ существованіе апріорныхъ синтетическихъ сужденій, затѣмъ перечисляетъ условія ихъ достовѣрности и отсюда непосредственно заключаетъ, что такія условія существуютъ? Мы уже сказали, что легко отвергнуть такое пониманіе Кантовскаго метода. Но теперь мы можемъ еще пояснить Кантовскій методъ анализомъ его примѣненія къ цѣлому изслѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Трансцендентальной эстетикѣ Кантъ сначала указываетъ существованіе апріорныхъ синтетическихъ сужденій, затѣмъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какія условія нужны для достовѣрности апріорныхъ синтетическихъ сужденій, и вмѣстѣ съ этимъ доказываетъ с у щ е с т в о в а н і е э т и х ъ у с л о в і й и л и ш ь э т и м ъ о п р а в д ы в а е т ъ достовѣрность математики. Существованіе условій достовѣрности апріорныхъ синтетическихъ сужденій Кантъ доказываетъ тѣмъ, что пространство и время суть только наши представленія.

2 | замѣчаніе. Очень часто повторяется фраза, что "Трансцендентальная эстетика служитъ краеугольнымъ камнемъ Кантовской теоріи познанія". Справедливо ли такое утвержденіе? Совершенно справедливо, потому что по самой сущности философіи Канта такъ и должно быть |см. выше стран. 17|. Вѣдь, изъ нея слѣдуетъ, что для оправданія знанія Кантъ п р е ж д е в с е г о д о л ж е н ъ доказать, что в с е мы знаемъ, какъ свое представленіе| дабы заключить отсюда, что есть

объектирующія формы сознанія| см. выше стран. 17| ; а это то и доказано именно въ Трансцендентальной эстетикѣ. Отсюда понятно, что „Трансцендентальную эстетику" можно справедливо считать краеугольнымъ камнемъ Кантовск. теоріи познанія, а съ ней вмѣстѣ - и всей Кантовской философіи.-

Второй главный вопросъ критики: Какъ возможно достовѣрное естествознаніе? Трансцендентальная аналитика.

Переходимъ къ вопросу, какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ естествознаніи? При рѣшеніи этого вопроса рѣчь должна идти объ оправданіи принциповъ естествознанія , иными словами - о томъ, чтобы доказать, что нѣкоторыя наши сужденія о природѣ имѣютъ всеобщее и необходимое значеніе для составляющихъ ее объектовъ. Кантъ сперва выясняетъ условія, при которыхъ наши сужденія могли бы соотвѣтствовать объектамъ опыта. Соотвѣтствіе между нашими сужденіями и объектами возможно только при существованіи одного изъ слѣдующихъ трехъ условій:-

1| Если мы предположимъ существованіе благого творца, которое и обусловливаетъ согласіе |какъ-бы предъустанавливаетъ гармонію| между объектами и нашими мыслями и дѣлаетъ возможнымъ это согласіе.-| Послѣднюю гипотезу Кантъ высказываетъ съ ироніею| .-

2.| Или въ томъ случаѣ, объекты обусловливаютъ наши мысли, такъ что послѣднія приноравливаются къ объектамъ, т.е. если объекты

предписываютъ законы |принципы| нашему разсудку;

3| Или если, наоборотъ, объекты зависятъ отъ нашихъ мыслей т.е. если разсудокъ обусловливаетъ опытъ и предписываетъ законы |принципы| объектамъ.

Сразу видно, что естествованіе не можетъ быть оправдано ни при первой , ни при второй гипотезѣ, и что обѣ эти гипотезы приводятъ къ скептицизму.

Первая гипотеза требуетъ, чтобы принципы нашего знанія | напр., принципъ причинности| были заложены въ нашей субъективной организаціи, а соотвѣтствіе ихъ съ объектами гарантировалось волей Творца. Для скептика не можетъ быть ничего благопріятнѣе такого положенія; вѣдь, для того, чтобъ скептикъсчелъ его доказаннымъ, надо доказать ему не только существованіе, но и правдивость Творца міра, доказать, что Творецъ не есть духъ лжи и никогда не обманываетъ насъ; а мало того, среди скептиковъ найдутся даже и такіе, которые не станутъ допускать въ себѣ подобныхъ, субъективныхъ предрасположеній, напримѣръ, принужденія мыслить по принципу причинности. И съ ними и спорить будетъ нельзя, ибо развѣ возможно спорить о томъ, что вытекаетъ изъ одной субъективной организаціи?... Поэтому первая гипотеза непригодна для оправданія согласія нашихъ мыслей съ объектами.

Вторая же гипотеза непригодна для этой цѣли потому, что не допускаетъ апріорности: если сами объекты обусловливаютъ наши мысли, то послѣднія возможно оправдать только a posteriori, а тогда нѣтъ мѣста апріорнымъ сужденіямъ.

Остается пригоднымъ для насъ только третье предположеніе и, такимъ образомъ, единственнымъ условіемъ, при которомъ возможна достовѣрность естествознанія, служитъ то, чтобы объекты опыта обусловливались нашими мыслями. |Критика чист. раз. 27| Только если сами объекты зависятъ отъ нашего разсудка, т.е. если нашъ разсудокъ самъ предписываетъ законы природѣ,- возможно оправдать апріорныя синтетическія сужденія въ естествознаніи.-

Но не есть ли такое условіе абсурдъ? Возможно ли, чтобы разсудокъ дѣйствительно предписывалъ законы природѣ и этимъ обусловливалъ самый строй ея? Если возможно, то какъ именно это совершается?-

Докажемъ сперва, что это не только не абсурдъ, не только возможно, но даже необходимо признать, что такъ и есть на дѣлѣ.

Зависимость природы отъ разсудка была бы абсолютно невозможной, если бы природа, т.е. объекты опыта были бы вещами въ себѣ. Но все, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ опытѣ, состоитъ не изъ вещей въ себѣ, а лишь изъ явленій, т.е. изъ представленій, существующихъ лишь въ насъ. |Все это уже сказано въ Трансц. эстетикѣ|. Но мы имѣемъ передъ собой объекты въ опытѣ; слѣдовательно, они суть ничто иное, какъ объектированныя представленія (какой то существующей въ насъ самихъ дѣятельностью), и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы

Литографія Богданова. Эртелевъ пер. №1.
Лекціи по Философіи. Часть 2-ая, листъ 6-ой.

эта дѣятельность была дѣятельностью разсудка.

Но если объекты опыта суть лишь наши объектированныя представленія, то какже они могли сдѣлаться объектами и притомъ такими, что согласуются съ принципами естествознанія? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо прежде всего разсмотрѣть, какъ совершается самое объектированіе нашихъ представленій. Есть ли этотъ процессъ продуктъ чувствительности? Нѣтъ, онъ никоимъ образомъ не можетъ быть продуктомъ чувствительности, ибо продукты чувствительности суть частныя интуиціи, т.е. единичныя представленія и сколько бы ихъ ни прибавлялось другъ къ другу, они сами себя не могутъ заставить объектироваться |Крит. чист. раз. 15|. А такъ какъ объектированныя представленія несомнѣнно существуютъ| ибо мы сознаемъ предметы, какъ себѣ противостоящіе|, то значитъ объектированіе производится д р у г о й с п о с о б н о с т ь ю, к о т о р а я д ѣ й с т в у е т ъ н а р я д у с ъ ч у в с т в и т е л ь н о с т ь ю.

И такая способность въ насъ существуетъ; это способность мышленія или разсудокъ. Существованіе и нечувственный характеръ этой способности подтверждается тѣмъ, что продукты ея дѣятельности вовсе не сходны съ продуктами чувствительности: *) I| Разсудокъ производитъ п о н я т і я, т.е. представленія, въ которыхъ мы имѣемъ знаніе о б щ н о с т и, объ о б щ е м ъ, - ибо понятія суть о б щ і я представленія. Такое знаніе не можетъ быть продуктомъ чувствительности, ибо одна чувствительность не способна постигнуть общности, такъ какъ въ интуиціяхъ общее слито съ единичнымъ, а н а д ъ о б щ и м ъ нѣтъ знака или мѣтки, отличающей это общее

отъ частнаго; и, значитъ, одною чувствительностью общее нельзя отличить отъ единичнаго. Ч у в с т в а д а ю т ъ не понятія, а и н т у и ц і и |строго единичныя представленія|. Поэтому, понятіе - продуктъ дѣятельности разсудка разнородной сравнительно съ чувствительностью. 2| На ряду съ представленіями и понятіями, мы имѣемъ еще сужденія. Они также не могутъ быть порождаемы чувствительностью и являются дѣломъ разсудка. Разсудокъ и есть способность сужденія. Вѣдь, каждое сужденіе есть п о д в е д е н і е разнообразныхъ представленій п о д ъ о д н о о б щ е е представленіе. |Напр., въ сужденіи: всѣ тѣла дѣлимы, разнообразныя представленія тѣлъ подводятся подъ общее представленіе о дѣлимомъ|. Одна чувствительность не можетъ дать намъ такого подведенія представленій подъ общее; а что создаетъ общія представленія - понятія, можетъ это сдѣлать. Да и вообще нельзя указать иного употребленія понятій разсудкомъ, кромѣ какъ то, что онъ посредствомъ нихъ с у д и т ъ. 3| С у ж д е н і е е с т ь о п о с р е д с т в о в а н н о е п р е д с т а в л и в а н і е, представливаніе предметовъ интуицій черезъ понятія. Ч у в с т в а ж е д а ю т ъ л и ш ь н е п о с р е д с т в е н н о е п р е д с т а в л и в а н і е п р е д м е т а. 4| Въ сужденіи мы не просто констатируемъ

*) Примѣчаніе къ Стран. 82. Кантъ, говоря о разницѣ разсудка съ чувствительностью, часто только отмѣчаетъ ее, а не разъясняетъ. Напр., онъ говоритъ, что понятія создаются разсудкомъ; а почему нельзя ихъ приписывать чувствительности, умалчиваетъ. Очевидно, эту разницу онъ считаетъ уже извѣстной чи-

отношеніе понятій со стороны ихъ объемовъ,| какъ думаетъ формальная логика|, а дѣлаемъ гораздо болѣе того, производимъ объединеніе, синтезъ. Сужденіе:"бумага бѣла" - есть объединеніе двухъ представленій, данныхъ чувствительностью|интуиціей|, въ одно цѣлое, объединеніе представленія бѣлизны, подведеннаго подъ понятіе свойства, съ представленіемъ бумаги, подведеннымъ подъ понятіе вещи; и въ этомъ сужденіи мы мыслимъ, что и вещь и ея свойство составляютъ одно цѣлое, чувствительность же сама по себѣ не можетъ дать такого объединенія, ибо она способна давать намъ представленіе лишь порознь, но отнюдь не способна объединять ихъ въ одно объединенное , т.е. внутренне связанное цѣлое. 5| Въ области чувствительности мы оказываемся связанными, пассивными. При посредствѣ чувствъ мы можемъ лишь пассивно воспринимать представленія. Чувствительность есть только воспріимчивость. Въ области же разсудка мы дѣятельны и свободны, ибо разсудокъ активенъ, не воспринимаетъ представленія, а перерабатываетъ ихъ въ понятія, объединяетъ въ сужденіяхъ и т.д. И всѣ эти отличія разсудка отъ чувствительности суть отличія въ функціяхъ, а не въ степени, т.е. отличія качественныя, а не количественныя. Въ этомъ содержится пунктъ рѣзкаго различія меж-

---

тателю и находитъ достаточнымъ только напомнить о ней.

ду Кантомъ и Лейбницемъ, а равно и множествомъ другихъ философовъ. По Лейбницу продукты чувствъ отличаются отъ продуктовъ разсудка лишь тѣмъ, что первые не ясны и не отчетливы, т.е. лишь количественно; у Канта же разница качественная. У него разсудокъ имѣетъ другія функціи, а не образуетъ только высшую степень развитія чувствительности.

Итакъ, разсудокъ неоднороденъ съ чувствительностью и притомъ активенъ, самодѣятеленъ. Онъ то, очевидно, и производитъ объектированіе интуицій, ибо сами себя объектировать онѣ не могутъ; а кромѣ разсудка у насъ нѣтъ другой познавательной способности, которая могла бы для нашего знанія заставить интуиціи явиться, какъ объекты. Значитъ, разсудокъ то и производитъ объектированіе.

Провѣримъ это. Въ этомъ убѣждаютъ насъ дальнѣйшія соображенія.*) Если справедливо то, что сейчасъ было сказано о происхожденіи |въ смыслѣ состава| объектовъ опыта |путемъ дѣятельности разсудка надъ продуктами чувствительности|, тогда все объективное, поскольку оно является намъ въ опытѣ, должно состоять изъ двухъ факторовъ: интуицій |единичныхъ представленій|, производимыхъ чувствительностью, и изъ продукта

*) Надо имѣть въ виду, что хотя въ нихъ и употребляются выраженія: "происхожденіе", "возникновеніе", но, по собственному признанію Канта, рѣчь идетъ все время не о происхожденіи, а о составѣ опыта |Proleg. § 21.a. Выписку изъ этого мѣста Prolegomen'ъ см. выше стр |.

дѣятельности рассудка. Дѣятельность же рассудка состоитъ въ томъ, что онъ подводитъ разнообразное содержаніе подъ понятія. Слѣдовательно, и все объективное въ опытѣ должно оказаться подведеннымъ подъ какое-либо понятіе. А потому и наши сужденія, которыя имѣютъ объективное значеніе, и выражаютъ то, что есть въ объектахъ, а не то, что случайно сталкивается въ нашемъ сознаніи о своемъ субъектѣ, должны состоять изъ двухъ факторовъ: изъ продуктовъ чувствительности и изъ понятій. Безъ послѣднихъ можетъ обойтись только такое сужденіе, которое отнюдь не претендуетъ на объективное значеніе, которое не хочетъ выражать то, что есть въ объектахъ, а имѣетъ значеніе только для одного субъекта, для меня, выражаетъ лишь то, что существуетъ, какъ столкновеніе состояній моего внутренняго чувства, а не то, что есть въ объектахъ.

Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Всѣ наши эмпирическія сужденія могутъ быть раздѣлены [2] на сужденія о воспріятіяхъ (Wahrnehmungsurtheile)*) и [1] сужденія объ опы-

*) На языкѣ Канта слово воспріятіе - сознанное ощущеніе.

т ѣ | Erfahrungsurtheile |. Первыя утверждают только с л у ч а й н у ю с в я з ь в о с п р і я т і й в ъ м о е м ъ с о з н а н і и, путемъ одного лишь ихъ сравненія и связыванія в ъ м о е м ъ л и ч н о м ъ сознаніи, а вторыя - связь въ объектѣ, а черезъ это необходимо утверждают эту связь в ъ с о з н а н і и к а ж д а г о, и въ моемъ собственномъ, т.е. въ сознаніи вообще. | Proleg. § 18 |. И если мы разсмотримъ любое сужденіе объ опытѣ, мы сразу замѣтимъ его двойной составъ: в о с п р і я т і е | т.е. сознанное нами ощущеніе | и п о н я т і е, присоединяемое разсудкомъ. П о э т о м у, н а п р а с н о д у м а ю т ъ, говоритъ Кантъ, б у д т о-б ы о п ы т ъ с о с т о и т ъ т о л ь к о и з ъ м е х а н и ч е с к о й с в я з и в о с п р і я т і й". | Proleg. § 20 |. Возьмемъ, напр., сужденіе:" солнце согрѣваетъ камень". Это сужденіе объ опытѣ, ибо я имъ высказываю то, что есть въ объектѣ, нѣчто необходимое и общезначущее, т.е. то, что н е о б х о д и м о должны признать в с ѣ и к а ж д ы й, да и самъ всегда долженъ признавать это, какъ наблюдаемое нами всѣми, а не какъ то, что с л у ч а й н о имѣетъ мѣсто только въ моемъ сознаніи. И что же? Кромѣ воспріятій, т.е. ощущеній и ихъ часто или рѣдко повторяющейся связи въ моемъ сознаніи, здѣсь мыслится еще р а з с у д о ч н о е понятіе причины, связывающее н е о б х о д и м ы м ъ образомъ | т.е. такимъ образомъ, какого самъ по себѣ опытъ не можетъ указать, изъ чего одного уже слѣдуетъ, что здѣсь понятіе причины - разсудочное | интуицію солнца и интуицію теплоты камня. И только черезъ это понятіе мое сужденіе явля-

ется имѣющимъ о б ъ е к т и в н о е значенiе. Безъ этого же понятiя оно оставалось бы субъективнымъ, т.е. сужденiемъ о болѣе или менѣе частомъ совпаденiи въ м о е м ъ сознанiи воспрiятiй солнца и теплоты камня; и не было бы сужденiемъ объ опытѣ |Пролег. § 20.|. Оно бы не только не было обязательнымъ для другихъ, но даже и для меня не во всякое время имѣло обязательность. - Это служитъ подтвержденiемъ того, что объекты созидаются самими нами, нашимъ разсудкомъ.

Кантъ беретъ указанный примѣръ въ Пролегоменахъ. Въ "Критикѣ же чистаго разума" мы находимъ нѣсколько иной примѣръ. Если взять то, что является намъ |даже не какъ объективное сужденiе, а просто| какъ объектъ, то и оно состоитъ изъ двухъ факторовъ. Элементы его всѣ субъективны; они суть матерiалъ, который дается чувствительностью; а между тѣмъ, мы мыслимъ его какъ предметъ, т.е. подводимъ его подъ понятiе п р е д м е т а. А это понятiе Кантъ выставляетъ, какъ разсудочное |Крит. чист. раз. Переходъ къ трансц. дедукцiи|. Правъ ли Кантъ въ этомъ случаѣ? Конечно, правъ, ибо подъ предметомъ мы мыслимъ то, что находится в н ѣ насъ, д ѣ й с т в у е т ъ на насъ извнѣ, слѣдовательно, не только о б о с о б л е н о отъ насъ, а еще есть п р и ч и н а, дѣйствующая на насъ. Чувствительность же I| не можетъ ничего обособить отъ насъ, ибо всѣ ея продукты субъективны, 2| не можетъ показать ничего, какъ д ѣ й с т в у ю щ е й причины, такъ что понятiе причины всегда разсудочное| это надо имѣть въ виду и для примѣра

нагрѣванія камня солнцемъ.

А если разсудокъ, объектируя представленія, дѣлаетъ это, подводя ихъ подъ какія-то свои понятія, то онъ н е и з б ѣ ж н о реализируетъ въ опытѣ эти понятія. Значитъ, эти понятія управляютъ опытомъ, и вслѣдствіе того т о, ч т о м ы с л и т с я в ъ н и х ъ, и г р а е т ъ р о л ь з а к о н о в ъ п р и р о д ы. Замѣтимъ это.

К а н т ъ п р и д а в а л ъ о ч е н ь б о л ь ш о е з н а ч е н і е э т о м у с в о е м у п о л о ж е н і ю о т о м ъ, ч т о с а м ъ р а з с у д о к ъ п р е д п и с ы в а е т ъ з а к о н ы п р и р о д ы, и н а з ы в а е т ъ е г о К о п е р н и к о в с к о й т о ч к о й з р ѣ н і я, п о л а г а я, ч т о о н о п р о и з в о д и т ъ т а к о й ж е п е р е в о р о т ъ в ъ ф и л о с о ф і и, к а к о й о т к р ы т і е К о п е р н и к а п р о и з в е л о в ъ а с т р о н о м і и. До Коперника полагали, что земля неподвижно стоитъ въ центрѣ, а вокругъ нея движутся всѣ небесныя свѣтила; и отъ законовъ ихъ движенія происходитъ, что мы видимъ ихъ положеніе на небѣ въ такомъ , а не другомъ видѣ; слѣдовательно, сами свѣтила предписывали намъ, гдѣ видѣть ихъ. Коперникъ же предложилъ обратную точку зрѣнія: небесныя свѣтила неподвижны относительно насъ, а мы сами движемся и сами заставляемъ свѣтила казаться въ такихъ, а не другихъ мѣстахъ на небѣ, т.е. м ы предписываемъ имъ ихъ положенія. Точно такъ же до Канта думали, что есть міръ вещей въ себѣ, законы котораго

и предписываютъ разсудку принципы для изученія этихъ вещей; Кантъ же предложилъ какъразъ обратный взглядъ: законы, управляющіе объектами |я в л я ю щ и м и с я намъ, какъ я в л я е т с я движеніе свѣтилъ вокругъ земли|, на самомъ дѣлѣ суть законы самого разсудка, которые онъ предписываетъ нашимъ объектамъ.

И т а к ъ, м ы у б ѣ д и л и с ь, ч т о р а з с у д о к ъ м о ж е т ъ п р е д п и с ы в а т ь з а к о н ы о б ъ е к т а м ъ, т а к ъ к а к ъ о н ъ т о и с о з д а е т ъ о б ъ е к т ы. Въ э т о м ъ и с о с т о и т ъ К о п е р н и к о в с к а я т о ч к а з р ѣ н і я К а н т а.

Но съ точки зрѣнія обыденной, можетъ явиться такое сомнѣніе: какъ можетъ нашъ разсудокъ заставить явленія подчиняться себѣ сообразно со своими понятіями? Положимъ нашъ разсудокъ хочетъ подвести связь явленій А и В подъ понятіе, такъ, чтобы за А всегда слѣдовало В; а вдругъ теченіе событій пойдетъ обратно? Но, дѣлая такое возраженіе, мы забываемъ, что дѣйствительнаго теченія событій во времени нѣтъ, а есть только представляющееся, такъ же какъ и само время есть наше представленіе. И время и теченіе событій во времени являются, правда, объективными, но именно благодаря разсудку; безъ него смѣна событій и теченіе времени не сознавались бы, какъ независящія отъ насъ, какъ бы внѣ данныя, какъ объективныя, - а сознавались бы какъ субъективныя, т.е. какъ исключително мной самимъ представляемыя. Само время| какъ и само пространство| объектируются черезъ синтезъ разсудка. Слѣдовательно, разсудокъ подчиняетъ понятіямъ не теченіе

событій, а лишь представленія объ ихъ теченіи;а представленія всегда могутъ быть подчинены понятіямъ. И если представленіе, чтобы быть сознаннымъ, должно быть подчинено понятію разсудка,|а эта необходимость сейчасъ будетъ показана въ ученіи о трансцендентальномъ самосознаніи|, то, разумѣется, всякое сознаваемое нами представленіе окажется подчиненнымъ разсудку. А вслѣдствіе такого подчиненія интуиціи и будутъ являться намъ, какъ объекты.*)

Трансцендентальная апперцепція.

У насъ остается еще одно сомнѣніе относительно объектированія, а именно: спросимъ себя - что такое объектъ? - Объектъ, по своему понятію, есть то, что вынуждаетъ къ согласію съ нимъ мыслей всѣхъ и каждаго, т.е. дѣлаетъ эти мысли необходимыми и общезначущими|Prolegomena § 18|. Напр., эта бумага потому и есть объектъ, а не моя греза или галлюцинація, что она вынуждаетъ и меня, и всѣхъ людей судить о ней такъ, а не иначе, т.е. дѣлаетъ нѣкоторыя сужденія необходимыми и общезначущими|въ смыслѣ обязательности для всѣхъ умовъ. См. выше объясненіе слова "общезначущій"|. Откуда же возьмется это вынужденіе, если

---

*) Способъ устраненія этого возраженія даетъ возможность объяснить возможность существованія эмпиризма: именно, эмпиризмъ все содержаніе нашего знанія выводитъ изъ опыта. Напримѣръ, идею причинности и другія понятія разсудка. Это выведеніе

мы сами, своимъ разсудкомъ создаемъ объекты?

Кантъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: Если о какомъ-нибудь представленіи и о связи его съ другими представленіями мы в с ѣ и з в н у т р и н а с ъ будемъ в ы н у ж д е н ы судить вполнѣ одинаково, то, разумѣется, это представленіе будетъ играть т а к у ю ж е р о л ь, какъ если бы оно извнѣ вынуждало насъ судить о немъ такъ, а не иначе. Напр., если я и всѣ люди должны имѣть представленіе этой бумаги и ея связи съ другими представленіями |этого стола и т.д.|, то представленіе будетъ я в л я т ь с я намъ |т.е. сознаваться нами|, какъ объектъ |Proleg. ibid.|. Иначе говоря, о б ъ е к т и в н о с т ь и н е о б х о д и м а я о б щ е з н а ч и м о с т ь |д л я в с ѣ х ъ у м о в ъ| т о ж д е с т в е н н ы и л и р а в н ы. То, что въ представленіи н е о б х о д и м о для всѣхъ и каждаго, то я в и т с я мнѣ, какъ объектъ; а также и представленіе, которое необходимымъ и общезначущимъ образомъ подводится подъ опредѣленное понятіе, или синтезируется необходимымъ и общезначущимъ |для всѣхъ и каждаго| образомъ, невольно я в и т с я мнѣ, какъ объектъ.**) А отсюда видно, что если мы найдемъ такой синтезъ,

---

возможно только оттого, что эти понятія влагаются въ опытъ во время объектированія нашимъ разсудкомъ.

**) Для тѣхъ, кто призналъ законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія, этотъ пунктъ внушаетъ основательное подозрѣніе въ томъ, что Кантовское ученіе содержитъ въ себѣ допускаемыя втихомолку м е т а ф и з и ч е с к і я пред-

или такое подведеніе представленій подъ понятія, которое было бы н е и з б ѣ ж н о для всякаго сознанія, обусловливало бы самую возможность сознанія, то этотъ синтезъ придастъ объективный характеръ этимъ представленіямъ, т.е.сдѣлаетъ ихъ такими, какъ если бы они были самостоятельными вещами и извнѣ вынуждали бы насъ сообразно съ этимъ синтезомъ. Тогда и станетъ намъ понятнымъ, откуда берется подобное вынужденіе въ нашихъ объектахъ: оно идетъ не извнѣ, а изъ насъ самихъ, изъ нашего сознанія.

А есть ли такой синтезъ? Кантъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ доказательствомъ существованія основного закона сознанія, который требуетъ неизбѣжнаго подведенія интуицій подъ понятія, внесенія въ нихъ этимъ путемъ опредѣленнаго синтеза, и который |законъ|, разумѣется, исполняется при каждомъ актѣ сознающей дѣятельности. Это доказательство изложено имъ въ видѣ довольно запутанныхъ разсужденій.

Ихъ сущность сводится къ слѣдующему. Все, что я ни представляю себѣ, должно быть связано, объединено въ сознаніи того, что "мыслю" я, - такъ какъ, если бы этого не было, то все равно, что мое представленіе не существовало бы для меня

посылки, ибо признаніе существованія чужого одушевленія въ силу этого закона есть м е т а ф и з и ч е с к о е п о л о ж е н і е. И если такихъ предпосылокъ нельзя устранить изъ Кантовской теоріи безъ нарушенія достовѣрности эмпирическаго знанія, то и его выводъ, гласящій, что оправданіе эмпирическаго знанія исключаетъ возможность оправданія метафизики, долженъ быть замѣненъ другимъ; именно: вѣра въ эмпирическое знаніе

вовсе, - ибо оно или совсѣмъ не могло бы быть или бы еще не было сознано мной| Крит. чист. раз. 16|. Слѣдовательно, всѣ мои представленія должны быть объединены, т.е. связаны въ одно цѣлое|синтезированы| въ мысли о моемъ "я"; причемъ это мое Я должно быть мыслимо, какъ остающееся всегда т о ж д е с т в е н н ы м ъ съ самимъ собой и е д и н ы м ъ :иначе, имѣя множество сторонъ и измѣнчивость, оно не связывало бы представленій въ сознаніи | ibid. |; а оно должно это дѣлать, дабы всѣ представленія сознавались мной, какъ мои. Здѣсь то и находится корень того синтеза, который производитъ объективирование. Дѣйствительно, представленіе о моемъ Я само по себѣ вполнѣ безсодержательно. Единственнымъ его содержаніемъ служитъ только сознаніе того, что "я с у щ е с т в у ю" |Крит. чист. раз. § 17|.И значитъ, сознаніе тождества и единства моего я не можетъ быть сознаніемъ какой-то вещи, а лишь сознаніемъ единства и тождества той объединяющей |синтезирующей| дѣятельности, которая связываетъ въ одно цѣлое разнообразныя представленія . А такъ какъ сознаніе этого тожества и единства неизбѣжно при каждомъ представленіи,- то и самое это синтезированіе будетъ неизбѣжно. -

Но какъ не темны и незапутанны эти разсужденія Канта, все-таки легко уловить ихъ основную мысль. Отнесемся для этого

| а значитъ и оправданіе этого знанія| подразумѣваетъ вѣру въ метафизику |а значитъ и оправданіе ея|. Впрочемъ это еще не значитъ, чтобы эмпирическіе вопросы могли быть рѣшены научнымъ путемъ.

NB. Этого примѣчанія не надо запоминать къ экзамену.

къ этимъ разсужденіямъ только психологически, т.е. будемъ смотрѣть только на то, что хочетъ доказать Кантъ, а не на то, насколько просты и убѣдительны его доказательства. И такъ какъ наша задача прежде всего состоитъ не въ провѣркѣ выводовъ Канта, а въ томъ, чтобы слѣдить въ главныхъ чертахъ за ходомъ его разсужденій, то въ дальнѣйшемъ изложеніи и будемъ считать то, что онъ хочетъ доказать, уже доказаннымъ.*)

Оказывается, что какъ ни запутаны эти разсужденія, изъ нихъ можно извлечь такую мысль. Сознавать что-либо - значитъ относить къ своему Я. А наше Я, взятое само по себѣ, въ его чистомъ видѣ, вполнѣ безсодержательно, пусто; сознаніе о немъ есть только сознаніе о существованіи меня. Слѣдовательно, сознавать его| а потому и относить къ нему что-либо, т.е. сознавать что бы то ни было| можно не иначе, какъ отличая его отъ чего либо, какъ отъ своего не-я, т.е. не иначе, какъ объектируя нѣкоторыя изъ нашихъ интуицій |ибо съ объектами въ себѣ мы не можемъ имѣть дѣло|. Это объектированіе совершается не иначе, какъ путемъ внесенія въ наши интуиціи |нѣкотораго| опредѣленнаго синтеза.

А отсюда слѣдуетъ: I| тѣ понятія, подъ которыя разсудокъ подводитъ интуиціи во время объектированія, будутъ въ нихъ вложены неизбѣжнымъ и общезначущимъ

*) Конечно, согласиться съ Кантомъ въ этомъ пунктѣ можно лишь послѣ провѣрки его доказательства, -но мы этого вопроса поднимать не будемъ, а сошлемся на попытку такой провѣрки въ "Опытѣ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи".

образомъ, т.е. всѣми и каждымъ, и не произвольно 2| и такъ какъ эти понятія будутъ такими, о которыхъ мыслится синтезъ, то и онъ окажется н е и з б ѣ ж н о вносимымъ въ объекты. Слѣдовательно, черезъ все это наши представленія я в я т с я намъ въ такомъ видѣ, какъ если бы они вынуждали насъ судить о нихъ такъ , а не иначе.

Итакъ, Кантъ считаетъ объектированіе дѣйствіемъ какого-то основного закона нашего сознанія, хотя онъ и не произноситъ с л о в а "законъ". Вотъ этотъ то законъ, вызывая объектированіе и дѣйствуя неизбѣжнымъ для нашего сознанія образомъ, можетъ быть считаемъ н е и з б ѣ ж н о й д л я с о з н а н і я о б ъ е к т и р у ю щ е й ф о р м о й с о з н а н і я. Онъ также неизбѣженъ для сознанія, какъ и форма пространства и времени.

Такимъ образомъ Кантъ оправдываетъ достовѣрность математики и естествознанія для опыта тѣмъ, что, по его доказательству, эти принципы служатъ выраженіемъ неизбѣжныхъ формъ сознанія |срав. выше, гдѣ предъугадывалось содержаніе философіи Канта; теперь это предъугадываніе вслѣдствіе согласія съ фактомъ обратилось въ историческое объясненіе этого факта|.

Это сознаніе о безсодержательномъ, но тожественномъ Я - обусловливаетъ существованіе объектовъ, а черезъ это реальность въ опытѣ тѣхъ понятій, подъ которыя подводятся интуиціи во время объектированія, а черезъ это реальность въ опытѣ и тѣхъ синтетическихъ сужденій, въ которыхъ высказывается синтезъ, мыслимый въ этихъ понятіяхъ. Кантъ называетъ это са-

мосознаніе трансцендентальной апперцепціей, или - первоначальнымъ самосознаніемъ, чистымъ, т.е. апріорнымъ самосознаніемъ. И онъ рѣзно отличаетъ его отъ эмпирическаго самосознанія, а единство перваго - отъ единства второго. Разница же заключается въ томъ, что трансцендентальная апперцепція обусловливаетъ возможность опыта, тогда какъ эмпирическое самосознаніе само обусловлено опытомъ, ибо оно образуется изъ того, что доставляется внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ и объединяется внутреннимъ чувствомъ, которое существуетъ лишь послѣ возникновенія объектовъ. Поэтому эмпирическое самосознаніе обладаетъ только относительнымъ единствомъ и тожествомъ, а не абсолютнымъ, какъ трансцендентальное. Это - разница |скажемъ отъ себя, а не со словъ Канта| между сознаніемъ о нашемъ Я и сознаніемъ о своей личности. Личность можетъ мѣняться радикально |въ зависимости отъ опыта, какъ это бываетъ при воспитаніи и даже при болѣзняхъ: она быстро иногда мѣняется на совершенно новую| см. хотя бы "Болѣзни личности" Рибо|; а сознаніе о своемъ Я, какъ условіе возможности всякаго опыта, всегда остается во всѣхъ лицахъ абсолютно неизмѣняемымъ и одинаковымъ. Сознаніе о своемъ Я есть та форма, въ которую укладывается всякая личность, и оно обусловливаетъ возможность образованія какой бы то ни было личности.

Это ученіе породило между комментаторами Канта разногласія. Коль скоро трансцендентальное самосознаніе |иначе - трансцендентальная апперцепція, трансцендентальное Я| независимо отъ опыта, обусловливаетъ его и въ то же время порождаетъ

Литограф Богданова. Эртелевъ пер. №1.
Лекціи по Философіи. Часть 2-ая. Листъ 7-ой.

объектированіе - индивидуальность же наша, т.е. индивидуальное самосознаніе , индивидуальное Я, или личность зависитъ отъ эмпирическихъ условій, т.е. отъ объектовъ, которые впервые порождаются трансцендентальной апперцепціей, - то все это внушаетъ такую мысль:не есть ли трансцендентальная апперцепція - н а д ъ и н д и в и д у а л ь н о е самосознаніе, которое дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ с р а з у и остается въ нихъ в о в с ѣ х ъ нумерически| т.е. по числу своему| о д н и м ъ и т ѣ м ъ ж е |единичнымъ| и неизмѣннымъ| какимъ, напримѣръ, является дѣятельный разумъ у Аристотеля |? - Собственно говоря, въ этомъ предположеніи нѣтъ явной невозможности съ точки зрѣнія Кантовскаго ученія: вѣдь, съ точки зрѣнія Канта, пространства никакого нѣтъ; а то, что мы считаемъ объективнымъ пространствомъ, которое будто-бы не даетъ слиться самосознанію |или Я| одного человѣка съ самосознаніемъ другого, есть лишь п р е д с т а в л е н і е, существующее внутри трансендентальнаго самосознанія. Объективная раздѣльность разныхъ человѣческихъ тѣлъ, какъ и все объективное, порождается трансцендентальной апперцепціей. Раздѣльность личностей тоже порождается трнасцендентальной апперцепціей. А п о р о ж д а я все это, сама она |т.е. трансцендентальноесамосознаніе| м о ж е т ъ и не зависить отъ всего, и поэтому она можетъ присутствовать сразу во всѣхъ личностяхъ, оставаясь во всѣхъ нихъ одной и той же |по числу, а не въ смыслѣ одинаковости|. Вотъ такой то взглядъ и приписываютъ Канту многіе его комментаторы, причемъ одни изъ нихъ, какъ напр., Виндельбандъ - употребляютъ прямо терминъ "надъиндивидуальная

апперцепція",- другіе же , напр., Куно Фишеръ - приписываютъ тѣ же мысли Канту, но употребляютъ другіе термины |въ родѣ общечеловѣческаго самосознанія и т.п.|. Другіе же комментаторы Канта | куда принадлежатъ напр. Лотце, Шопенгауеръ| не согласны съ подобнымъ толкованіемъ понятія трансцендентальной апперцепціи. Первые едва ли не правы, хотя противъ нихъ говоритъ то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ ученіе Канта въ этомъ пунктѣ будетъ сильно отзывать метафизикой, возможность которой онъ отрицаетъ,*) и, кромѣ того, будетъ находиться даже замѣтномъ противорѣчіи съ возможностью вѣры въ и н д и в и - д у а л ь н о е безсмертіе, а Кантъ считалъ возможною подобную вѣру |хотя не знаний безсмертія, а вѣру|. Но мы этотъ споръ оставимъ въ сторонѣ.

Какъ бы то ни было, всѣ должны признать слѣдующее:
I| Трансцендентальное самосознаніе не то же , что внутреннее чувство |которое даетъ то, что составляетъ внутренній опытъ, а не порождаетъ опыта|. Кантъ требуетъ тщательно отличать ихъ другъ отъ друга. 2| Эта трансцендентальная апперцепція п о р о ж д а е т ъ объекты. |Поэтому приписываетъ ей , чтобы отмѣтить въ ней эту сторону, способность п р о д у к т и в н а г о в о о б р а ж е н і я|. 3| Самая дѣятельность раз-

*)И если въ этомъ пунктѣ н е л ь з я устранить примѣси метафизики, то, значитъ оправданіе эмпирическаго знанія предполагаетъ какую-то метафизику. А какъ сдѣлат это устраненіе такъ, чтобы остались о б ъ е к т ы знанія , коль скоро объектъ есть то, что имѣетъ необходимое значеніе для в с ѣ хъ умовъ? Подробнѣе все это будетъ развито въ книгѣ:" Анализъ

судка основывается на ней |Крит. чист. раз. 17|, ибо само сознаніе есть то же, что мышленіе. |Proleg. § 22:"мыслить значитъ соединять представленія въ сознаніи" и"Крит. чис.Раз 10:" Та же самая дѣятельность, которая сообщаетъ въ с у ж д е н і и единство разнообразнымъ представленіямъ, придаетъ также единство и синтезу ихъ въ интуиціи".|. 4| Объектированіе, будучи условіемъ возможности сознанія, порождается нами самими;но вѣдь мы не сознаемъ этого прямо, а узнаемъ это окольнымъ путемъ, посредствомъ философскаго анализа; значитъ, дѣятельность эта есть дѣятельность б е з с о - з н а т е л ь н а я, с л ѣ п а я, -а принципы знанія суть лишь ея отраженія въ разсудкѣ. Такъ Кантъ и думаетъ: "Синтезъ, говоритъ онъ, есть дѣйствіе слѣпой, но необходимой дѣятельности души, безъ которой невозможны никакія познанія; она дѣйствуетъ по большей части безсознательно. Возвести этотъ синтезъ въ понятіе - это уже задача разсудка".|Крит. Чистаго Разума|.

Все сказанное |относительно первоисточника объектированія представленій| изложено Кантомъ въ "Трансцендентальной логикѣ", въ той же части, которая носитъ названіе "Трансцендентальной дедукціи категорій". Подъ словомъ "категорія" здѣсь подразумѣвается объектирующее понятіе|т.е. то, чрезъ подведеніе подъ которое интуиція является объектомъ|, а подъ словомъ дедукція| *) - объясненіе с п о с о б а, какимъ раз-

вѣры въ эмпирическое знаніе". Тамъ будетъ показано, что безъ метафизики знаніе обращается въ иллюзію, хотя это не значитъ, что метафизика доказуема; но знаніе - есть вѣра.

судокъ, при объектированіи, дѣлаетъ нѣкоторыя понятія пригодными для установленія извѣстной связи въ объектахъ. |Крит. §12|, или иначе - объясненіе того, что в о з м о ж н ы нѣкоторыя категоріи |Крит. 26|. Таковы задачи дедукціи, по его собственнымъ словамъ. Значитъ , въ "дедукціи" онъ хочетъ доказать только то, что должны въ опытѣ реализоваться кое-какія категоріи, а какія именно - это еще остается неизвѣстнымъ. И что задача дедукціи не простирается дальше этого, видно еще изъ того, что Кантъ здѣсь отнюдь не затрагиваетъ вопроса, сколько категорій и каковы онѣ по содержанію: онъ ихъ здѣсь отнюдь не перечисляетъ, а только упоминаетъ о двухъ, трехъ, въ видѣ примѣровъ, или по одному разу, или не больше, какъ раза по два, по три.

Правда, м о ж н о подумать съ перваго взгляда, будтобы Кантъ оправдываетъ въ "дедукціи категорій" опредѣленное число категорій опредѣленаго содержанія. И это можно подумать потому, что п е р е д ъ "дедукціей" у него дана таблица категорій.

Прим. къ стр. IOO.

*) Слово "дедукція" заимствовано Кантомъ, по его собственному замѣчанію, не изъ логики, а изъ старинной юридической терминологіи. Поэтому оно отнюдь не означаетъ того, что мы въ логикѣ называемъ дедукціей. И не слѣдуетъ смѣшивать л о г и ч е с к а г о термина "дедукція" съ Кантовскимъ. По словамъ Канта , юристы отличаютъ вопросъ о ф а к т ѣ |quid facti| отъ вопроса о п р а в ѣ |quid juris|, и требуеютъ для послѣдняго особаго доказательства или оправданія. Такимъ образомъ для доказательства, напр., моихъ правъ на владѣніе домомъ недостаточно показать, что я имъ владѣю, а надо выяс-

и выходитъ, будто-бы въ этой таблицѣ указано, сколько ихъ и каковы онѣ по содержанію, а въ дедукціи оправданы в с ѣ п е р е ч и с л е н н ы я |въ таблицѣ| категоріи. Но мы сейчасъ увидимъ, что Кантъ придаетъ этой таблицѣ всего только г и п о т е т и ч е с к о е значеніе. А пока замѣтимъ, что въ дедукціи Кантъ оправдываетъ реальность всего только к а к и х ъ т о категорій, а что именно надо считать за категоріи, въ дедукціи остается неизвѣстнымъ. И что это такъ доказывается кромѣ прежде указанныхъ доводовъ |въ томъ числѣ находятся и собственныя слова Канта о назначеніи "дедукціи"| еще двумя обстоятельствами: I| въ "дедукціи" Кантъ не ссылается на таблицу категорій |и это будетъ вполнѣ понятнодля насъ, когда мы узнаемъ, чт онъ ей придаетъ всего только гипотетическое значеніе|; въ Prolegomen'ахъ отдѣлъ, соотвѣтствующій по своему содержанію"дедукціи" |именно §§ 14 -20 Prol.| изложенъ н е п о с л ѣ таблицы категорій, а п е р е д ъ ней |помѣщенной въ Prolegomenaвъ § 21|.*)

нить мои права на владѣніе , т.е. какъ они мною пріобрѣтены. Это оправданіе правъ и притязаній при помощи объясненія ихъ юристы |по утвержденію Канта| называютъ именемъ дедукціи - и что-то подобное такому выясненію подразумѣваетъ Кантъ, говоря о дедукціи категорій именно выясненія ихъ правъ на реальность въ опытѣ. Это примѣчаніе надо запомнить.

*) Иногда высказываютъ |напр.,Каринскій въ сочиненіи" Объ истинахъ самоочевидныхъ"|недоумѣніе, что Кантъ дважды оправдываетъ категоріи: одинъ разъ въ "дедукціи", а потомъ въ слѣду-

Есть еще другая особенность въ изложенiи "дедукцiи" Prolegomen'ахъ, именно: она тамъ излагается какъ бы безъ ученiя о трансцендентальной апперцепцiи; или, вѣрнѣе, оно и здѣсь есть, но его надо еще найти: до такой степени оно ушло на заднiй планъ. Къ тому же въ Пролегоменахъ даже не употребляется терминъ "трансцендентальная апперцепцiя", - а вмѣсто него является выраженiе "сознанiе вообще". Вотъ это-то понятiе и можно отожествить съ трансцендентальной апперцепцiей, о которой говорится въ Критикѣ. Причина этого пропуска, вѣрнѣе, невниманiя,- такова: по собственному заявленiю Канта |Pr. §4|, главный вопросъ Пролегоменъ есть вопросъ о возможности метафизики. А онъ можетъ быть рѣшенъ и безъ развитiя ученiя о трансцендентальной апперцепцiи. Ибо на основанiи трансцендентальной эстетики и той части дедукцiи, которая предшествуетъ ученiю о трансцендентальной апперцепцiи, сразу видно, что принципы знанiя или совсѣмъ не могутъ быть оправданы, или же изъ способа ихъ оправданiя будетъ вытекать ихъ непримѣнимость къ вещамъ въ себѣ, т.е. къ вопросамъ метафизики. Въ самомъ дѣлѣ если и есть принципы знанiя |т.е. синтетическiя сужденiя, претендующiя на апрiорность, другими словами, на общее и необходимое значенiе| и могутъ быть оправданы, то только путемъ слѣдующихъ разсужденiй: I| всѣ познаваемые нами въ опытѣ объекты суть представленiя;

ющемъ за ней ученiи объ основоположенiяхъ. Наши замѣчанiя о значенiи дедукцiи и о гипотетическомъ значенiи таблицы категорiй устраняютъ это недоумѣнiе.

2| но эти представленія объектированы; 3| слѣдовательно , въ насъ дѣйствуютъ какія то объектирующія формы сознанія; 4| изъ чего вытекаетъ, что принципы эмпирическаго знанія, въ случаѣ, е с л и они служатъ выраженіемъ этихъ формъ сознанія, будутъ имѣть достовѣрное значеніе для опыта.

А отсюда уже безъ всякаго ученія о трансцендентальной апперцепціи видно|- что хотя вопросъ о достовѣрности принциповъ естествознанія для опыта| т.е. вопросъ о согласіи этихъ принциповъ съ объектирующими формами сознанія| еще не рѣшенъ нами, или даже и не можетъ быть рѣшенъ, все-таки за предѣлами опыта приписывать этимъ принципамъ достовѣрное значеніе никоимъ образомъ нельзя, ибо для этого нельзя найти никакихъ оправдывающихъ основаній: вѣдь, объективное значеніе вещей въ себѣ не можетъ зависѣть отъ объектирующихъ формъ сознанія. Слѣдовательно, и безъ ученія о трансц. аперц. намъ уже видно, что метафизика невозможна. Потому то это ученіе и отошло въ Пролегоменахъ на задній планъ. Въ Критикѣ же рѣшается сверхъ того вопросъ о томъ, достовѣрны ли принципы естествознанія,- а для ихъ оправданія необходимо было прибавить ученіе о трансц. апперц., ибо изъ этого то ученія мы и узнаемъ, что трансц. апперц., созидая объекты, вноситъ въ нихъ какой то синтезъ и такимъ образомъ реализуетъ его въ опытѣ. |Вѣдь, всѣ мои представленія, чтобы быть моими, т.е. сознаваться, какъ мои, должны быть объединены, синтезированы въ сознаніи, что"мыслю я"|. А безъ знанія этого обстоятельства нельзя было бы оправдать синтетическихъ принциповъ естествознанія.

Подобное объясненіе пренебреженія къ ученію о трансцендентальной апперцепціи въ Пролегоменахъ подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что слѣдующій за этимъ ученіемъ отдѣлъ "Критики чист. раз." - |Аналитика основоположеній|, - посвященный именно окончательному оправданію принциповъ естествознанія, изложенъ въ Пролегоменахъ до-нельзя кратко, даже большая часть его не излагается вовсе, а только упоминается, какъ уже изложенная въ Крит. чист. раз." Отсюда мы еще разъ убѣждаемся, что все, касающееся оправданія принциповъ естествознанія, считается для Пролегоменъ ненужнымъ, и что, слѣдовательно, отрицаніе возможности метафизики с л ѣ д у е т ъ признать даже въ томъ случаѣ, если Канту не удалось оправдать принциповъ эмпирическаго знанія, если назначенныя имъ для этого оправданія доказательства не достигаютъ своей цѣли.

Т а б л и ц а к а т е г о р і й.

Итакъ, мы узнали, 1| что въ представленія влагается синтезъ чрезъ подведеніе ихъ подъ категоріи и 2| что это дѣлается общезначущимъ и необходимымъ образомъ, вслѣдствіе чего наши интуиціи подвергаются объектированію. Теперь остается посмотрѣть, исполнено ли это условіе, которому должны удовлетворять принципы естествознанія, дабы быть достовѣрными - согласіе этихъ принциповъ съ тѣмъ с и н т е з о м ъ, который влагается при объектированіи разсудкомъ въ объекты. Исполнено лионо? - Влагается этотъ синтезъ тѣмъ путемъ, что разсудокъ подводитъ интуиціи подъ свои понятія, которыя про-

изводятъ опытъ; слѣдовательно, въ немъ необходимо реализуются и, слѣд., априорны. Отсюда видно, что для рѣшенія нашего вопроса можно поступить слѣдующимъ образомъ: 1| найти, т.е. дать полный перечень всѣхъ видовъ объектирующаго синтеза|перечень же этотъ означаетъ то же, что и перечень категорій|; 2| установить соотвѣтствующія имъ сужденія, которыя будутъ реализованы съ такой же необходимостью, какъ и категоріи, и 3| посмотрѣть совпадаетъ ли смыслъ тѣхъ, мыслимый въ категоріяхъ, т.е. эти сужденія - съ тѣмъ, который является въ принципахъ естествознанія? Если да, то принципы естествознанія будутъ оправданы.

Перечень категорій въ "Критикѣ" Кантъ излагаетъ въ отдѣлѣ, который предшествуетъ "Дедукціи" и озаглавленъ "О путеводной нити|Leitfaden| къ открытію | Entdeckung всѣхъ чистыхъ понятій разсудка", т.е. категорій. Здѣсь перечень категорій дѣлается Кантомъ при помощи слѣдующаго, очень смѣлаго и мало убѣдительнаго соображенія|отчего этотъ отдѣлъ подвергается наиболѣе частымъ нападеніямъ со стороны противниковъ Канта|: такъ какъ, думаетъ Кантъ, дѣятельность разсудка обнаруживается въ сужденіяхъ, то въ нихъ должны обнаружиться и объектирующія понятія|т.е. тѣ понятія, чрезъ подведеніе подъ которыя интуиціи становятся объектами|; но они должны обнаружиться не въ эмпирическомъ содержаніи сужденія, а въ томъ, что не зависитъ отъ него, и будетъ при какомъ угодно содержаніи, т.е. въ ихъ логической формѣ. А потому, сколько логическихъ формъ сужденія, столько и

категорій.- |Критика ч. р.ав. § 10|: та же самая дѣятельность, которая сообщаетъ въ сужденіи единство разнообразнымъ представленіямъ, придаетъ также единство и синтезу"...и.т.д.|. И каждая изъ этихъ категорій будетъ ничѣмъ инымъ, какъ представленіемъ о той объединяющей связи| о томъ синтезѣ|, которая вносится нами въ содержаніе сужденія, тѣмъ самымъ, что мы судимъ объ этомъ содержаніи. Руководясь такимъ соображеніемъ, Кантъ считаетъ таблицу логическихъ формъ сужденія путеводною нитью для перечня категорій и излагаетъ таблицу послѣднихъ соотвѣтственно таблицѣ логическихъ формъ сужденій. |См. таблицу логическихъ формъ сужденія на стр. 108|.

Эта таблица составляется Кантомъ такъ, что онъ подыскиваетъ категоріи по соотвѣтствію ихъ содержанія съ той или другой логической формой сужденія. Напр., возьмемъ категорическое сужденіе: бумага бѣла; если мы отвлечемся отъ его эмпирическаго содержанія, а будемъ обращать вниманіе только на его логическую форму, то мы замѣтимъ, что посредствомъ категорической формы мы мыслимъ между подлежащимъ и сказуемымъ |бумагой и бѣлый|, ту же связь, какую мы мыслимъ между субстанціей и акциденціей| принадлежностью|. Другой примѣръ - гипотетическое сужденіе - |напр., если показывается солнце, то становится тепло|; здѣсь, каково бы ни было содержаніе сужденія, мы мыслимъ такую связь между интуиціями, какая соотвѣтствуетъ связи между причиной и дѣйствіемъ, и т.п.

Къ таблицѣ категорій Канта прибавимъ нѣсколько поясненій отъ себя.-

ТАБЛИЦА ЛОГИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ СУЖДЕНІЯ.*)

|т. е. формъ, присущихъ сужденію при какомъ угодно содержаніи.|

I. КОЛИЧЕСТВО.	II. КАЧЕСТВО	III. ОТНОШЕНІЕ.	IУ. МОДАЛЬНОСТЬ.
1 | Общія.	Утвердительныя.	Категорическія.	Проблематическія.
2 | Частныя.	Отрицательныя.	Гипотетическія.	Ассерторическія.
3 | Единичныя.	Безконечныя.	Дисъюнктивныя.	Аподиктическія.
	|S есть non P — душа безсмертна.|		

ТАБЛИЦА КАТЕГОРІЙ.

1 | Цѣльность.	Реальность.	Субстанція и акциденція.	Возможность — невозможность.
2 | Множество.	[illegible] Ограниченіе.	Причина и дѣйствіе.	Существованіе — несуществованіе.
3 | Единство = = множество, мыслимое, какъ единство.	Ограниченiе = = Соединеніе реальности съ отрицаніемъ	Взаимодѣйствіе = = общеніе.	Необходимость — Случайность

*) Поясненіе значенія названій разныхъ формъ сужденій смотрите въ любой логикѣ

1| Часто у Канта соотвѣтствіе содержанія категоріи съ логической формой сужденія замѣняется лишь насильственной аналогіей. Такъ, в з а и м о д ѣ й с т в і е уподоблено тому отношенію между сказуемыми, которое наблюдается въ раздѣлительныхъ сужденіяхъ. Формула раздѣлительныхъ сужденій такова: Х есть или А, или В, или С. Здѣсь, говоритъ Кантъ, сказуемыя, т.е. А, В, С, взаимно о п р е д ѣ л я ю т ъ, о б у с л о в л и в а ю т ъ другъ друга, ибо они такъ связаны, что, допуская одно, какъ вѣрное, нельзя уже допустить никакого изъ остальныхъ |если Х есть А, то оно не В, не С и т.д. Взаимодѣйствіе же вещей, продолжаетъ Кантъ, заключается тоже в о в з а и м н о м ъ о б у с л о в л и в а н і и и о п р е д ѣ л е н і и. Но намъ сразу кидается въ глаза, что въ раздѣлительныхъ сужденіяхъ взаимодѣйствія между сказуемыми нѣтъ; а взаимное обусловливаніе сказуемыхъ раздѣлительныхъ сужденій состоитъ не въ томъ, чтобы они порождали другъ въ другѣ ихъ свойства|какъ это бываетъ при взаимодѣйствіи, а въ томъ, что они и с к л ю ч а ю т ъ другъ друга. Слѣдовательно, здѣсь Кантъ с л а б у ю, в н ѣ ш н ю ю аналогію принимаетъ за соотвѣтствіе.

2| Въ "Ученіи о категоріяхъ" во всей силѣ выступила страсть Канта къ внѣшней стройности, къ архитектоникѣ. Она наблюдается и въ послѣдующихъ трудахъ Канта; но особенно сильно въ "Критикѣ ч. раз.". Сказывается она въ ней уже въ распредѣленіи матеріала "Критики" по образцу, принятому Кантомъ въ его Логикѣ |въ курсѣ лекцій, читанныхъ имъ въ университетѣ и записанныхъ студентами|. И ради архитектоники Кантъ

во что бы то ни стало стремится въ каждой родовой группѣ категорій и формъ сужденія установить три видоизмѣненія |, вслѣдствіе чего онъ, напр., выдумываетъ особый видъ сужденій - безконечныя,- тогда какъ на самомъ дѣлѣ они суть ничто иное, какъ утвердительныя сужденія, въ которыхъ въ качествѣ сказуемаго фигурируетъ отрицательное понятіе| и т.п.*)

Теперь сдѣлаемъ еще кое-какія поясненія къ таблицѣ категорій, но уже отъ лица Канта, а не отъ себя.

1) Основная мысль отдѣла "О путеводной нити и т.д." та, что въ каждомъ объектѣ окажутся реализованными всѣ 4 рода категорій сразу| количество, качество, относительность и модальность - подобно тому, какъ всякое сужденіе будетъ непремѣнно имѣть какое-нибудь количество |будетъ или общимъ, или частнымъ|, и въ то же время какое-нибудь качество и т.д.

2| Эти категоріи производятъ объекты, слѣдовательно, сами отъ опыта не зависятъ, т.е. суть понятія апріорныя или чистыя. |Подъ чистымъ Кантъ подразумѣваетъ освобожденное ото всякой примѣси опыта. Поэтому, сужденія могутъ быть апріорными, но еще не чистыми относительно опыта, если мы судимъ о томъ, что дано намъ апостеріорнымъ путемъ.

*) Такая страсть Канта къ архитектоникѣ обусловлена его національными особенностями,- а именно, его чисто нѣмецкимъ педантизмомъ. Въ нѣмецкой философіи, вплоть до 30-хъ годовъ, или даже 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія|послѣ чего она, достигнувъ высшаго развитія, могла познать свои національныя особенности и избѣгать ихъ тамъ, гдѣ онѣ вредны|, наблюдаются часто тѣ же архитектоническ ія стремленія, -а въ угоду

Понятія же и представленія, разъ они апріорны, всегда чисты.

3| Категоріи суть представленія о той объединяющей связи, которая устанавливается въ содержаніи сужденій посредствомъ самого акта сужденія, - слѣд., въ нихъ мыслится синтезъ. Черезъ невольное, неизбѣжное для сознанія подведенія интуицій подъ категоріи, интуиціи объектируются; а черезъ это категоріи и мыслимый въ нихъ синтезъ реализуются. И вотъ, зная категоріи, мы можемъ сдѣлать п о л н ы й перечень всѣхъ сужденій, которыя будутъ синтетическими, а въ то же время апріорными| ибо не они зависятъ отъ опыта, а онъ отъ нихъ|, т.е. общезначущими и необходимыми, и имѣть д о с т о в ѣ р н о е значеніе, такъ что они то и могутъ служить апріорными синтетическими принципами естествознанія.

Повидимому, Канту остается только перечислить подъ руководствомъ таблицы категорій эти принципы, и, если они окажутся тѣми же самыми, что и принципы естествознанія,- то все и кончено. Но Кантъ смотритъ на дѣло иначе. Вслѣдъ за первой частью "Трансцендентальной аналитикой" |т.е. "Аналитикой понятій", обнимающей "путеводную нить" и"дедукцію"| онъ пишетъ обширный отдѣлъ "Аналитику основоположеній", гдѣ подъ руководствомъ таблицы категорій перечисляетъ эти принципы или основоположенія и каждый изъ нихъ о п р а в д ы в а е т ъ о т д ѣ л ь н о, снабжая его разсужденіемъ, озаглавленнымъ " д о к а з а т е л ь с т в о м ъ"| Beweis |.-

Слѣдовательно, въ глазахъ Канта таблица категорій имѣетъ

имъ насильственныя аналогіи, -какія насъ поражаютъ въ трудахъ Канта.

только гипотетическое значеніе : она служитъ всего только "путеводной нитью", чтобы сдѣлать съ наибольшею вѣроятностью |но еще не достовѣрностью| полный и систематическій перечень принциповъ , и все, что онъ ни говорилъ по поводу нея, онъ еще не считаетъ достаточнымъ для оправданія принциповъ естествознанія. Значитъ Кантъ самъ находилъ, что таблица категорій добыта при помощи такого соображенія | о соотвѣтствіи формъ сужденія категоріямъ| , которому можно довѣриться лишь послѣ добавочнаго доказательства .

За то въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ считалъ таблицу категорій настолько оправданной |доказательствами принциповъ| , что всѣ вопросы разсматривалъ съ точки зрѣнія этой таблицы. Правда, съ перваго взгляда намъ можетъ показаться, что Кантъ считаетъ принципы эмпирическаго знанія уже оправданными въ "Путеводной нити", взятой въ связи съ "Дедукціей", ибо, повидимому, таблица даетъ навѣрника, вѣрный перечень категорій, а "дедукція" оправдываетъ ихъ всѣ сразу. Но мы уже видѣли, что "дедукція" доказываетъ всего только, что должны быть какія то категоріи, а какія именно, остается еще неизвѣстнымъ. Что же касается до таблицы категорій, то ей Кантъ, какъ видимъ, придаетъ исключительно вспомогательное значеніе - именно, она еще сама нуждается въ оправданіи посредствомъ оправданія вытекающихъ изъ нея принциповъ. Догадки эти подтверждаются собственнымъ поведеніемъ Канта, а именно I| тѣмъ, что онъ озаглавилъ отдѣлъ, содержащій перечень категорій, всего только "Путевод-

ной нитью"; 2| Всякій разъ, когда ему приходится характеризовать значеніе этого отдѣла Крит. чист. раз., онъ сильно хвалится тѣмъ, что только ему, при помощи его соображенія о соотвѣтствіи категорій формамъ сужденій, удалось сдѣлать полный, систематическій перечень категорій; но никогда не видно, чтобы онъ считалъ возможнымъ оправданіе при ея помощи принциповъ естествознанія. -

АНАЛИТИКА ОСНОВОПОЛОЖЕНІЙ. ОПРАВДАНІЕ И ОГРАНИЧЕНІЕ ЗНАЧЕНІЯ ПРИНЦИПОВЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Схематизмъ чистаго разума.

Чтобы рѣшить этотъ конечный вопросъ, Кантъ долженъ теперь I| перечислить тѣ принципы, относительно которыхъ можно, основываясь на таблицѣ категорій, подозрѣвать, что они реализуются въ опытѣ, 2| доказать ихъ реальность, 3| посмотрѣть, совпадаютъ ли они съ принципами естествознанія. А подозрѣвать реальность можно у такихъ принциповъ, которые по содержанію соотвѣтствуютъ категоріямъ. Итакъ, прежде всего Канту надо сдѣлать перечень этихъ принциповъ. Но такъ какъ эти послѣдніе реализуются чрезъ категоріи, то, чтобы имѣть возможность перечислять принципы эмпирическаго знанія, опираясь на таблицу категорій, Кантъ долженъ разъяснить новый, возникающій у него вопросъ: какъ именно чистыя понятія, категоріи, могутъ подчинять себѣ явленія? Вѣдь подчинять или подводить можно только однородное| напр., тарелку подъ кругъ,

Литографія Богданова . Эртелевъ переулокъ. №I.
Лекціи по Философіи. Часть 2 ая. Листъ 8-ой.

ибо и то , и другое кругло|. Но какъ явленія, т.е. чувственные продукты подводить подъ категоріи - понятія, т.е. подъ продукты р а з с у д о ч н ы е?

Таковъ смыслъ вопроса Канта; самъ онъ говоритъ здѣсь о б ъ я в л е н і я х ъ, но изъ его отвѣта| да даже и изъ вопроса въ связи съ примѣромъ тарелки| ясно видно, что онъ имѣетъ въ виду только ихъ а п о с т е р і о р н у ю ч а с т ь -т.е. не форму, а м а т е р і а л ъ ощущенія. А потому вопросъ его сводится къ слѣдующему: какъ подведетъ разсудокъ о щ у щ е н і я подъ понятія? -отвѣтъ получается такой: черезъ посредство того, что можетъ быть п р о м е ж у т о ч н ы м ъ-т.е. однороднымъ и съ категоріями, и съ явленіями|т.е. ощущеніями|. Такую роль посредника можетъ играть только в р е м я,-ибо оно апріорно, какъ и категоріи, но, какъ общая форма всей чувствительности, связано со всякимъ явленіемъ| т.е. ощущеніемъ|.*) Слѣдовательно, разсудокъ подведетъ ощущенія подъ свои категоріитѣмъ, что объектируя время, установитъ въ общемъ видѣ, какъ именно явленія должны существовать |какъ являемое | во времени. Время | не время въ себѣ, а представляемое нами| есть п р е д с т а в л е н і е и потому можетъ подчиняться понятіямъ. Итакъ, подчиняя своимъ категоріямъ отношенія времени, разсудокъ заставитъ его | а съ нимъ и всѣ явленія| являться намъ въ подчиненіи категоріямъ, чрезъ это объектируетъ время|| а съ нимъ ощущенія|; и т а к и м ъ о б-

*) Ясно, что подъ явленіемъ подразумѣвается здѣсь у Канта ощущенія, которыя еще не размѣщены во времени: иначе время служило бы связью между категоріями и временемъ же.

разомъ, каждая категорія изобразится во времени. Эти изображенія будутъ заключать въ себѣ существенныя и общія черты всѣхъ объектовъ, а число ихъ будетъ равняться числу категорій. А такъ какъ подобныя изображенія |существенныхъ чертъ| называются схемами, то и весь отдѣлъ Критики ч. раз., посвященный ихъ разсмотрѣнію, Кантъ называетъ "Ученіемъ о схематизмѣ чистаго разума".

Кантъ ставитъ вопросъ: какого рода схемѣ должна соотвѣтствовать каждая категорія - и даетъ слѣдующій перечень этихъ схемъ.

1| Схема категоріи количества есть число, т.е. изображеніе разсудочнаго понятія о количествѣ, какъ рядѣ послѣдовательныхъ прибавленій промежутковъ времени. 2| Схемами категоріи качества служатъ: для реальности - наполненное время; для отрицанія - пустое время; для ограниченія - болѣе или менѣе наполненное время. 3| Схемы категоріи отношенія суть: для субстанціи - постоянное пребываніе во времени; для причинности - послѣдовательность во времени какого-нибудь событія за другимъ, строго опредѣленнымъ; для взаимодѣйствія - единовременное пребываніе во времени. 4| Схемы категоріи модальности: для

возможности - отнесеніе къ какому-нибудь времени вообще; для дѣйствительности - отнесеніе къ строго опредѣленному времени; для необходимости - отнесеніе ко всѣмъ временамъ.

Смыслъ ученія о схематизмѣ чистаго разума таковъ: разсудокъ, объектируя явленія, дѣлаетъ это такъ, что объектируетъ ихъ чрезъ объектированіе времени; а потому устанавливаемый имъ синтезъ является намъ въ качествѣ законовъ, управляющихъ взаимнымъ отношеніемъ явленій во времени |напр., синтезъ, мыслимый въ категоріи причинности, долженъ являться намъ, какъ постоянное слѣдованіе В за А - propter hoc какъ post hoc|.

Спрашивается, зачѣмъ нужно Канту ученіе о схематизмѣ чистаго разума? I| Для того, чтобы изъ категорій вывести принципы эмпирическаго знанія: принципы эти должны быть примѣнены къ объектамъ, являющимся во времени, а потому и сами - касаться времени и быть высказаны соотвѣтствующимъ образомъ |оттого Кантъ, послѣ ученія о схематизмѣ, ипереходитъ сейчасъ же къ "Системѣ основоположеній".|

2| Но есть и другое употребленіе ученія о схематизмѣ: а именно: Кантъ уже теперь при его посредствѣ начинаетъ рѣшать вопросъ о возможности метафизики.

Именно , онъ указываетъ, что если категорiи реализуются чрезъ посредство временныхъ схемъ, то онѣ должны имѣть реальное значенiе во всемъ опытѣ, такъ какъ весь опытъ находится во времени. Но изъ того же самаго обстоятельства, что онѣ реализуются черезъ посредство в р е м е н н ы х ъ схемъ, видно, что имъ подчиняется только то, что является всего лишь продуктомъ моей чувствительности. Взятыя же сами по себѣ, категорiи окажутся чисто разсудочными понятiями, которыя не могутъ имѣть значенiя для вещей въ себѣ, такъ какъ онѣ реализуются чрезъ посредство в р е м е н н ы х ъ схемъ, а вещей въ себѣ время не касается |слѣдовало бы сказать,- можетъ быть, не касается|. Слѣдовательно, заключаетъ Кантъ, временныя схемы реализуютъ категорiи въ явленiяхъ, но въ то же время ограничиваютъ ихъ значенiе одними явленiями.

С и с т е м а о с н о в о п о л о ж е н i й.

Вслѣдъ за "Схематизмомъ чистаго разума" Кантъ излагаетъ "Систему основоположенiй" |т.е. принциповъ эмпирическаго знанiя|.

Основоположенiя, или принципы, въ которыхъ высказывается синтезъ, мыслимый въ категорiяхъ, Кантъ перечисляетъ, руководясь таблицей категорiй, причемъ для каждаго изъ нихъ подыскиваетъ особыя названiя, всегда замысловатыя, именно: 1) основоположенiе категорiи количества называется: а к с i о м а и н т у и ц i и,- 2) категорiи качества - п р е д в а р е н i е|а н т и ц и п а ц i я| в о с п р i я т i й; 3) основоположенiя категорiй отношенiя суть а н а л о г i и о п ы т а,

категоріи модальности - постулаты эмпирическаго мышленія. Но всѣ эти названія и ихъ объясненія мы оставимъ безъ вниманія, а будемъ разсматривать, какъ Кантъ оправдываетъ естествознаніе.

Система всѣхъ основоположеній чистаго разума.

Таблица категорій даетъ возможность сдѣлать съ большой вѣроятностью полный и систематическій перечень всего того, что можно считать за основоположенія чистаго разума, т.е. за тѣ синтетическія сужденія, которыя можно было бы разсматривать, какъ апріорныя сужденія, лежащія въ основѣ достовѣрности естествознанія, какъ его принципы. Ученіе о схематизмѣ объясняетъ намъ, что эти принципы должны быть формулированы въ примѣненіи ко времени, т.е. во временныхъ схемахъ. Такимъ образомъ мы теперь въ состояніи сдѣлать съ большой вѣроятностью полный перечень того, что можно считать за апріорные принципы достовѣрнаго естествознанія. Говоримъ "съ большою вѣроятностью", а не навѣрняка, и"можно считать", ибо очевидно, что самъ Кантъ, снабжая основоположенія особыми доказательствамитѣхъ разсужденій , которыя сопровождаютъ таблицу категорій, еще не считаетъ за достаточныя доказательства реализаціи перечисленныхъ имъ въ этой таблицѣ категорій въ опытѣ, а придаетъ этимъ разсужденіямъ только гипотетическое , вспомогательное значеніе |См. выше поясненія послѣ таблицы|.

Основоположенія должны соотвѣтствовать категоріямъ.

1| Категоріи количества соотвѣтствуетъ такое основоположеніе:" всѣ интуиціи| въ первомъ изданіи"Критики" было сказано - всѣ явленія, взятыя по ихъ интуиціи| суть экстенсивныя величины". Это Кантъ называетъ, при своей страсти къ мудренымъ названіямъ, аксіомой интуиціи.

2| категоріи качества соотвѣтствуетъ "предвареніе |антиципація| воспріятій", гласящее: "во всѣхъ явленіяхъ то реальное, которое составляетъ предметъ, есть интенсивная величина, т.е. имѣетъ степень".

3| Категоріи относительности соотвѣтствуютъ три "аналогіи опыта". Именно: а| категоріи субстанціальности |постоянства|, гласящая: при всякой перемѣнѣ явленій субстанція остается постоянной и общее количество ея не увеличивается въ природѣ и не уменьшается; в| категоріи причинности |послѣдовательности или происхожденія|: всѣ перемѣны свершаются по закону связи причины съ дѣйствіемъ или иначе: все, что совершается |возникаетъ|, предполагаетъ что-нибудь, за чѣмъ оно слѣдуетъ по опредѣленному правилу; с| категорія взаимодѣйствія |одновременности|: всѣ субстанціи, по-сколько онѣ существуютъ вмѣстѣ, находятся въ повсюду проникающемъ взаимодѣйствіи.

4| Категоріи модальности соотвѣтствуютъ три постулата всякаго эмпирическаго мышленія: а| то, что соотвѣтствуетъ формальнымъ условіямъ

опыта | какъ въ отношенiи интуицiй, такъ и понятiй | в о з м о ж н о; - б/ то, что связано съ матерiальными условiями опыта | ощущенiями |, д ѣ й с т в и т е л ь н о | это значитъ, что действительность чего-либо характеризуется тѣмъ, что оно при нѣкоторыхъ условiяхъ воспринимается | ; с | то, связь чего съ дѣйствительнымъ устанавливается общими условiями опыта, н е о б х о д и м о.

Вотъ эти то основоположенiя должны быть доказаны, т.е. надо доказать, что они необходимо реализуются въ опытѣ, а потому и пригодны, чтобы служить принципами при изученiи опыта. А т а к ъ к а к ъ я с н о, ч т о о н и с о в п а д а ю т ъ с ъ п р и н ц и п а м и е с т е с т в о з н а н i я, т о э т и м ъ о п р а в д / i е м ъ б у д е т ъ д о к а з а н а д о с т о в ѣ р н о с т ь е с т е с т в о з н а н i я.

Какъ доказать ихъ? Приступая къ этой задачѣ, Кантъ напоминаетъ | въ главѣ, озаглавленной "Высшее основоположенiе всѣхъ синтетическихъ сужденiй" |, что самъ же опытъ | т.е. то, что интуицiи являются для насъ, какъ объекты | основывается на томъ синтезѣ, который вносится въ интуицiи нашимъ трансцендентальнымъ самосознанiемъ. Отсюда слѣдуетъ, что доказательства принциповъ изученiя объектовъ опыта должно опираться на разсматриванiе условiй возможности объектовъ опыта. Условiя возможности о б ъ е к т о в ъ о п ы т а составляютъ и условiя возможности о п ы т а в ъ с м ы с л ѣ э м п и р и ч е с к а г о з н а н i я. Слѣдовательно, для доказательства основоположенiй надо разсматривать, н[illegible]

ко необходима реализація каждаго изъ уже перечисленныхъ основоположеній для объектированія нашихъ интуицій.

Такъ Кантъ и поступаетъ, но, разумѣется, не вездѣ одинаково удачно. Провѣрять его мы не станемъ.

Вѣдь для насъ, важнѣй всего вопросъ о возможности метафизики, а онъ не зависитъ отъ доказанности принциповъ естествознанія. Вѣдь, и такъ ясно, что или совсѣмъ нельзя оправдать этихъ принциповъ или же ихъ трансцендентальное оправданіе дастъ оправданіе ихъ значенія только для опыта, для явленій, а не для вещей въ себѣ: вѣдь, они могутъ быть достовѣрны только въ случаѣ доказательства ихъ согласія съ объектирующими формами сознанія. А объектирующія формы, разумѣется, дѣйствуютъ только на представленія - явленія, а не на вещи въ себѣ. А потому и принципы , оправданные чрезъ указаніе ихъ согласія съ объектирующими формами, будутъ имѣть достовѣрное значеніе только въ примѣненіи къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ. И это видно, если даже допустить, что мы совсѣмъ не съумѣли и никогда не сможемъ оправдать ихъ. Поэтому о доказательствахъ мы скажемъ въсамыхъ бѣглыхъ чертахъ, чтобы только ознакомиться съ ихъ общимъ методомъ, который называется трансцендентальнымъ и состоитъ въ примѣненіи только что указаннаго соображенія. А, разумѣется, при трудности и новизнѣ дѣла неизбѣжны крупныя ошибки.

Аксіома интуиціи оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что сознаніе отдѣльныхъ частей пространства и времени возможно чрезъ подведеніе подъ понятіе количества.

Отъ этого каждое явленіе сознается, какъ величина, составленная изъ о д н о р о д н ы х ъ ч а с т е й, т.е. какъ величина э к с т е н с и в н а я.

П р е д в а р е н і е в о с п р і я т і я оправдывается тѣмъ, что явленія должны сознаваться, какъ реальность во времени. Таковой реальностью можетъ быть только ощущеніе и оно каждое мгновеніе способно быть или нулемъ реальности, или какой угодно величиной, напоминающей только э т о мгновеніе. Слѣдовательно, въ этой реальности есть разница величины, но не такая, какъ въ экстенсивныхъ величинахъ, а такая, которая называется разницей въ степеняхъ, въ напряженности или и н т е н с и в н о с т и.

Для примѣра обратимъ особое вниманіе лишь на доказательства "аналогій опыта". Для нихъ Кантъ сперва устанавливаетъ еще особый принципъ доказательства. Именно: в с я к і й о б ъ е к т ъ п о л у ч а е т ъ о п р е д ѣ л е н н о е м ѣ с т о в о в р е м е н и и в с т у п а е т ъ в ъ о б ъ е к т и в н ы я о т н о ш е н і я с ъ д р у г и м и о б ъ е к т а м и т о л ь к о п о с р е д с т в о м ъ а п р і о р н ы х ъ п о н я т і й. Безъ нихъ мы сознавали бы свои интуиціи такъ, что въ нихъ не было бы никакой о б ъ е к т и в н о й связи съ временемъ, ибо время только п р е д с т а в л я е т с я намъ существующимъ, такъ что безъ апріорныхъ понятій оно не объектировалось бы, и временныя отношенія оставались бы субъективными.

Таковъ принципъ этихъ доказательствъ, принятыхъ Кантомъ въ виду того, что въ дедукціи категорій, именно въ ученіи о

трансцендентальной апперцепціи, считается доказаннымъ, что объектированіе интуицій для насъ неизбѣжно; въ трансцендентальной эстетикѣ же доказано, что время *форма* всего, что мы сознаемъ, и внутренняго и внѣшняго опыта, такъ что интуиціи не могли бы быть объектированы безъ объектированія времени. Его объектированіе есть условіе ихъ объектированія. Устанавливая свой принципъ, Кантъ, очевидно, подразумѣваетъ это соображеніе: иначе его принципъ останется на воздухѣ.

Аналогии опыта.

Въ частности - а| *принципъ субстанціальности* оправдывается такъ. Все - во времени, т.е. смѣняется. Сознать же смѣну или перемѣну, какъ объективную, а не произвольно представленную, нельзя, не противопоставляя ея тому, что объективно неизмѣняемо. Слѣдовательно, для сознанія объективныхъ перемѣнъ, а потому и времени, нужно, чтобы во всемъ опытѣ являлось нѣчто объективно-неизмѣняемое, которое пребываетъ, когда остальное смѣняется. в| *Принципъ причинности* доказывается тѣмъ, что сознаніе объективнаго порядка событій во времени обусловливается понятіями причины и дѣйствія. Сознать, что предшествующее |А| не субъективно представляется, какъ бывшее раньше послѣдовавшаго |В|, а что оно *объективно* было раньше его, это значитъ мыслить послѣдующее |В| какъ то, что не могло бы быть безъ предшествовавшаго| безъ А|.

Отсюда у Канта получается любопытный выводъ: оттого эмпиризму и удавалось выводить понятіе причины изъ опыта, изъ наблюденія послѣдовательности, что сама *объективная* послѣдовательность создается посредствомъ понятія причины.

Оттого то понятіе причины и можно отвлечь отъ объективной послѣдовательности. *Post hoc* сознается посредствомъ *propter hoc*; и разъ первое сознано, изъ него можно отвлечь второе.

Конечно, этимъ Кантъ не хочетъ сказать, что, коль скоро я сознаю А, какъ бывшее раньше В, то А и есть причина В. А можетъ быть всего только раньше В, но не быть ему причиной, а быть только одновременно съ ней. Мысль Канта такова: если я сознаю, что среда была раньше четверга, то это значитъ, что я всю совокупность событій, называемыхъ всѣ вмѣстѣ четвергомъ, мыслю, какъ дѣйствіе всей совокупности событій, называемыхъ средой. А какое изъ событій четверга служитъ дѣйствіемъ какого именно событія среды, это надо узнать при помощи опыта.

Кантъ вообще утверждаетъ |и по ходу его разсужденій - вполнѣ справедливо|, что, при объектированіи, представленія подводятся подъ такія понятія, въ которыхъ мыслится синтезъ лишь въ самомъ общемъ видѣ, лишь такой синтезъ, который будетъ неизбѣженъ для всѣхъ объектовъ опыта, всегда и вездѣ. Поэтому, чисто апріорное значеніе имѣютъ лишь самые общіе законы, каковъ законъ причинности, а отдѣльные законы, представляющіе собой частные случаи существованія причинной связи, могутъ быть узнаны и оправданы лишь посредствомъ опыта.

Кстати Кантъ не показываетъ, но могъ бы показать, что эмпиризмъ, послѣдовательно развиваемый, долженъ былъ перейти въ самый отчаянный скептицизмъ. Если отвлечь послѣдовательно все, что изъ самого себя вносится въ опытъ разсудкомъ,

то останутся только интуиціи |т.е. чисто единичныя п р е д- с т а в л е н і я|; и мы не будемъ знать даже и того, что было или бываетъ раньше, что позже, а не только не будемъ знать что служитъ причиной и всегда ли это служитъ причиной или только иногда кажется|случайно| таковой, а потомъ перестаетъ казаться ею.

с| П р и н ц и п ъ в з а и м о д ѣ й с т в і я доказывается тѣмъ путемъ, что нельзя сознать того, что о б ъ - е к т и в н о является какъ одновременное, если немыслить этого, какъ взаимодѣйствующаго. Вещи, которыя мы должны сознать, какъ единовременно существующія, должны являться намъ, какъ такъ или иначе дѣйствующія одна на другую и наоборотъ: только тогда ихъ одновременность явится намъ, какъ о б ъ- е к т и в н а я, а не только какъ п р е д с т а в л я е- м а я нами.

П о с т у л а т ы э м п и р и ч е с к а г о м ы ш л е- н і я" оставимъ въ сторонѣ; ихъ и не стоитъ доказывать трансцендентальнымъ путемъ, т.е. исходя изъ условій возможности опыта. Они ясны, какъ слѣдствія всего сказаннаго, если его сопоставить съ понятіями возможности, необходимости и существованія. Да и нельзя сказать,чтобы Кантъ доказывалъ ихъ именно трансцендентальнымъ методомъ. Мы уже видимъ теперь ясно, въ чемъ сущность трансцендентальнаго изученія и трансцендентальнаго метода. Трансцендентальное изученіе и трансцендентальный методъ состоятъ в ъ р а з с м о т р ѣ н і и у с л о в і й д о с т о в ѣ р н о с т и н а ш и х ъ м ы с л е й |в ъ ш и р о к о м ъ с м ы с л ѣ и п о н я т і й и и н т у и-

цій посредствомъ разсмотрѣнія их ъ роли при созиданіи объектовъ. А это то и отходитъ у Канта на задній планъ при разсужденіяхъ о постулатахъ эмпирическаго мышленія.

Итакъ, оказывается, что категоріи въ опытѣ неизбѣжно реализуются. Всѣ объекты сознаются нами, какъ объекты только посредствомъ невольнаго подведенія интуицій подъ одну изъ перечисленныхъ категорій. А основоположенія, соотвѣтствующія этимъ категоріямъ, вполнѣ совпадаютъ съ принципами естествознанія; слѣд., принципы естествознанія въ опытѣ неизбѣжно реализуются, а поэтому возможно и самое естествознаніе. Такимъ образомъ , второй вопросъ, какъ возможно достовѣрное естествознаніе - или что то же - какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ естествознаніи, рѣшенъ: это возможно потому, что принципы естествознанія соотвѣтствуютъ категоріямъ и, какъ таковыя, въ опытѣ неизбѣжно реализуются. Другими словами, апріорныя синтетическія сужденія въ естествознаніи потому возможны, что они составляютъ тѣ самые общіе законы природы, которые самъ же разсудокъ предписываетъ ей; а природа этимъ законамъ пото-

му подчиняется, что эти законы суть условія возможности существованія самой природы, какъ совокупности являющихся намъ объектовъ.

Прежде, чѣмъ переходить къ третьему вопросу - возможна ли метафизика?- слѣдуетъ сдѣлать по поводу сказаннаго еще нѣкоторыя замѣчанія.

I| Мы все время имѣли дѣло съ вопросомъ: что необходимо для того, чтобы наше представленіе получило объективный характеръ? И изъ рѣшенія этого дѣлали заключенія о возможности естествознанія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Кантъ поступаетъ не такъ, какъ мы. Именно, онъ спрашиваетъ, какія условія необходимы для того, чтобы мое сужденіе получило объективный характеръ? т.е. съ перваго взгляда кажется, будто бы нашъ вопросъ и тотъ, съ которымъ имѣлъ дѣло Кантъ,- какъ будто различны. Но эта разница лишь кажущаяся: рѣшая вопросъ объ условіяхъ объективнаго характера сужденій, Кантъ не можетъ уйти и не уходитъ отъ вопроса о томъ, какія условія необходимы для того, чтобы мои представленія, т.е. интуиціи, которыя составляютъ содержаніе сужденій, пріобрѣли объективный характеръ. Да и самъ Кантъ прямо говоритъ, что условія возможности объективнаго характера сужденій| условія того, чтобы они служили познаніемъ опыта| образуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и условія возможности опыта. А въ Пролегоменахъ онъ даже говоритъ, что рѣшеніе его вопроса | объ условіяхъ познавательнаго значенія сужденій| приводитъ также и къ рѣшенію вопроса, какъ возможна природа| какъ сово-

купность являющихся объектовъ, а не какъ вещь въ себѣ|. Слѣдовательно, онъ не уходитъ и не можетъ уйти отъ нашего вопроса: нашъ вопросъ составляетъ в а ж н ѣ й ш і й, о с н о в н о й факторъ того вопроса, который рѣшаетъ самъ Кантъ. Поэтому мы въ правѣ были, для ясности изложенія выдѣлить вопросъ объ объектированіи представленій, какъ главенствующій.*)

2| Послѣ разсмотрѣнія Трансцендентальной эстетики и Трансцендентальной аналитики мы видимъ теперь еще яснѣе, чѣмъ прежде, что такое апріорность? Ясно, что у Канта|хотя онъ и употребляетъ часто слова "раньше", "первоначальный" и т.д., но въ переносимомъ значеніи, т.е. въ смыслѣ "независящій" и обусловливающій"| не разбирается вопросъ о томъ, к о г д а у насъ возникаетъ апріорное знаніе. Для него психологическій вопросъ о п р о и с х о ж д е н і и апріорныхъ сужденій - не имѣетъ значенія; а этого не могло бы быть, если бы подъ апріорностью Кантъ подразумѣвалъ п р и р о ж д е н н о с т ь Тогда онъ никоимъ образомъ не могъ бы ограничиться однимъ вопросомъ о з н а ч е н і и или р о л и апріорныхъ сужденій при объектированіи, и э т и м ъ путемъ оправдывать апріорныя сужденія. А въ Критикѣ Чистаго Разума онъ имѣетъ дѣло только съ этимъ вопросомъ. Что же такое апріорное знаніе по мнѣнію самого Канта? Мы опредѣлили сначала апрі-

*) Такъ же поступаетъ и Виндельбандъ; этимъ онъ отличается отъ большинства другихъ комментаторовъ Канта и поэтому-то его изложеніе Кантовской философіи и отличается большею ясностью.

орность , какъ общезначимость и необходимость, и это стояло въ связи съ оправданіемъ, независимымъ отъ опыта |см: выше стр.10 и слѣд.| Теперь же мы можемъ прибавить къ этому понятію еще новый признакъ: а п р і о р н о с т ь ю у Канта о к а з ы в а е т с я то, ч т о п р и н а д л е ж и т ъ к ъ н е и з б ѣ ж н ы м ъ |р а с у д о ч н ы м ъ и л и ж е ч у в с т в е н н ы м ъ— все равно| ф о р м а м ъ н а ш е г о с о з н а н і я. Мы говоримъ —р а з с у д о ч н ы м ъ и л и ч у в с т в е н н ы м ъ формамъ сознанія. Дѣйствительно, пространство и время апріорны, а они суть неизбѣжныя для насъ формы чувствительности: только то и сознается нами, что представляется въ пространствѣ и времени. Далѣе , категоріи суть разсудочныя формы нашего сознанія, ибо по основному закону нашего сознанія |его можно назвать закономъ объектированія| все, что мы сознаемъ, подводится трансцендентальной апперценціей подъ категоріи, укладывается въ нихъ какъ бы въ свои общія формы; но эти формы м ы с л и, р а з с у д о ч н ы я ф о р м ы| а не формы чувствительности|.

3| У насъ весь опытъ н а с к в о з ъ оказался субъективнымъ: ощущенія субъективны, пространство и время тоже, т.е. связь явленій между собою тоже|ибо они суть наши мысли|. Такимъ образомъ, если все это вычесть изъ опыта, то отъ него останется нуль, что, конечно, не мѣшаетъ существовать какъ бы сзади опыта вещамъ въ себѣ, которыя возбуждаютъ, аффици-

руютъ, какъ выражается Кантъ) нашу чувствительность и вызываютъ въ ней ощущенія. Такую точку зрѣнія со временъ Канта принято называть т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м ъ и д е а л и з м о м ъ. И въ первомъ изданіи "Критики (1781г.) Кантъ провелъ ее въ самомъ строгомъ видѣ; и прямо высказалъ, что по вычитаніи изъ опыта всего субъективнаго отъ него ничего не останется. Во второмъ же много добавленій, въ которыхъ внѣшнія явленія , к а к ъ б у д т о б ы, смѣшиваются, до нѣкоторой степени отожествляются съ вещами въ себѣ. При тщательномъ разборѣ видно, что и во второмъ изданіи Кантъ держится тѣхъ же взглядовъ, какъ и въ первомъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: по выходѣ перваго изданія нѣкоторые смѣшивали Кантовскій идеализмъ съ Берклеевскимъ. Желая отмѣтить посильнѣе разницу своихъ взглядовъ съ Берклеевскими, Кантъ во второмъ изданіи черезъ чуръ сильно подчеркивалъ и выражался при этомъ недостаточно осмотрительно. Поэтому, хотя второе изданіе отличается и многими улучшеніями въ изложеніи (для этого отчасти оно и предпринято), но есть тамъ новыя мѣста, запутывающія читателя. Изучать "Критику" надо по обоимъ изданіямъ.

III в о п р о с ъ К р и т и к и: в о з м о ж н а л и м е т а ф и з и к а (К о н е ц ъ а н а л и т и к и и д і а л е к т и к а ч и с т а г о р а з у м а.

Перейдемъ къ послѣднему вопросу: возможна ли метафизика? собственно говоря, этотъ вопросъ, если понимать подъ метафизикой науку о вещахъ въ себѣ, - уже предрѣшенъ всѣмъ

предидущимъ изслѣдованіемъ. Категоріи суть продукты нашего сознанія, обязательны для явленій и неизбѣжно реализуются въ опытѣ; и это потому, что самъ опытъ то былъ бы невозможенъ безъ категорій; онъ обусловленъ ими. Но вещи въ себѣ остаются за предѣлами опыта, существуютъ сами по себѣ; ихъ существованіе не обусловлено категоріями. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія распространять на нихъ власть категорій. Значитъ, употребленіе категорій для нашего знанія вполнѣ достовѣрно въ примѣненіи къ опыту и недостовѣрно въ примѣненіи къ вещамъ въ себѣ, т.е. употребленіе категорій (причинности, количества и т.д.) должно быть и можетъ быть имманентнымъ, но не трансцендентнымъ.

Иначе, все это можно объяснить, какъ это дѣлаетъ самъ Кантъ, слѣдующимъ образомъ: категоріи суть тѣ формы, въ которыя неизбѣжно укладываются при посредствѣ временныхъ схемъ наши чувственныя воспріятія. Если взять категоріи сами по себѣ, независимо отъ ихъ чувственнаго содержанія и отъ временныхъ схемъ, то это будутъ пустыя, безсодержательныя формы мысли, еще непригодныя для знанія; лишь наполненныя какимъ либо содержаніемъ, вложеннымъ во временныя схемы, эти формы мысли дадутъ знаніе. А содержаніе для нихъ у насъ, людей, можетъ быть дано только при посредствѣ чувствительности; поэтому оно всегда субъективно и имѣетъ значеніе только явленія, а не вещи въ себѣ (ибо время, дающее схемы для примѣненія категорій, субъективно).

Вещи же въ себѣ нашему воспріятію не подлежатъ; поэтому интуицій вещей въ себѣ въ насъ нѣтъ и быть не можетъ. А такъ какъ содержаніе категорій составляютъ интуиціи, то вещи въ себѣ, какъ лежащія за предѣлами интуиціи, не входятъ въ это содержаніе, и власть категорій на вещи въ себѣ не распространяется. Этимъ путемъ Кантъ и доказываетъ неприложимость категорій для вещей въ себѣ.

Формулируетъ онъ это такъ: категоріи имѣютъ и м м а н е н т н о е |эмпирическое| употребленіе а трансцендентнаго не имѣютъ. Поэтому, если подъ метафизикой подразумѣвать науку о сверхчувственнымъ мірѣ, т.е. о вещахъ въ себѣ, то вопросъ о возможности метафизики долженъ быть рѣшенъ отрицательно: категоріи не имѣютъ приложенія къ вещамъ въ себѣ, потому и наука о вещахъ въ себѣ невозможна. Но если подъ метафизикой подразумѣвать науку объ условіяхъ достовѣрнаго познанія, то такая наука возможна|ибо эти условія лежатъ не внѣ предѣловъ опыта, а въ немъ самомъ| и даже необходима, ибо безъ ея руководства разумъ можетъ заблудиться и истощиться въ безплодныхъ попыткахъ перейти за предѣлы знанія | познавать вещи въ себѣ|, если онъ не узнаетъ предварительно предѣловъ возможнаго знанія. Кантъ и понимаетъ метафизику часто также въ послѣднемъ смыслѣ. Вотъ почему онъ, отрицая возможность метафизики|науки о сверхчувственномъ| , пишетъ "Пролегомены ко всякой б у д у щ е й метафизикѣ, которая можетъ появиться, какъ н а у к а"*) |въ смыслѣ науки объ условіяхъ достовѣрнаго познанія| .На эту двойственность въ пониманіи Кантомъ метафизики надо обратить вни-

маніе. Безъ этого непонятно Кантовское отрицаніе метафизики и существованіе "Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ" какъ будто обращаетъ это отрицаніе въ парадоксъ.

Итакъ, категоріи къ вещамъ въ себѣ неприложимы и метафизика невозможна. Этотъ выводъ даетъ Канту поводъ упомянуть о дѣленіи видовъ бытія на два класса: 1) н о у м е н ы **) и 2) ф е н о м е н ы. Ноумены есть умопостигаемое бытіе, т.е. познаваемое мышленіемъ (и притомъ прежде вѣрили, что мышленіе познаетъ бытіе въ его истинномъ видѣ, какъ вещь въ себѣ), феномены же - бытіе к а ж у щ е е с я нашимъ чувствамъ. А въ связи съ этимъ со времени Платона ноумены понимались, какъ истинное бытіе, феномены - какъ слабое п о д о б і е б ы т і я. Теперь, послѣ изслѣдованія Канта, это дѣленіе мы должны признать лишеннымъ основанія, какъ скоро мы признали, вмѣстѣ съ Кантомъ, что категоріи, а съ ними и познаніе, добытое м ы ш л е н і е м ъ, не распространяются на вещи въ себѣ: к а к ъ ч у в с т в и т е л ь н о с т ь ю, т а к ъ и м ы ш л е н і е м ъ и л и у м о м ъ м ы м о ж е м ъ п о с т и г а т ь л и ш ь я в л е н і я, а н е б ы т і е (вещи) в ъ с е б ѣ.

---

*) Теперь довольно твердо установилось въ большой публикѣ употребленіе слова метафизика только въ смыслѣ науки о сверхчувственномъ. Поэтому м ы всюду подъ метафизикой будемъ подразумѣвать только науку о сверхчувственномъ, а не объ условіяхъ достовѣрнаго познанія. Послѣдняя же пусть у насъ называется теоріей познанія или гносеологіей.

**) Слово "ноуменъ" часто сокращаютъ въ "нуменъ". Но такое сокра-

Вотъ этимъ замѣчаніемъ почти огрничивается Кантъ по поводу феноменовъ и ноуменовъ. А мы отъ себя прибавимъ еще одно: Кантъ ввелъ въ употребленіе новое значеніе терминовъ "феномены и ноумены". Вѣдь,онъ дѣлилъ бытіе на явленія и вещи въ себѣ. А подъ ноуменомъ прежде подразумѣвалось бытіе въ себѣ въ его истинномъ видѣ, подъ феноменомъ же понималось то же бытіе въ себѣ, но только эти феномены считались по разнымъ причинамъ слабыми изображеніями. Напримѣръ, у Платона ноумены-именно бытіе въ себѣ, міръ идей, существующихъ внѣ насъ, хотя и въ согласіи съ требованіями нашего разума; феномены же суть существующія сами по себѣ слабыя изображенія этихъ идей; а потому и познаніе, добытое черезъ наблюденіе нашими чувствами этихъ феноменовъ, оказывается крайне несовершеннымъ; оно не есть истинное знаніе, а только его слабое подобіе. Такимъ образомъ , разница между ноуменами и феноменами у Платона лишь количественная.Это дѣленіе бытія прошло черезъ всю философію и удержалось до Канта. Такъ, у Лейбница міръ чувственный - слабое и неотчетливое изображеніе истиннаго бытія, т.е. того, что есть въ монадахъ, и чувственное знаніе всегда неясно или неотчетливо, а знаніе черезъ мышленіе постигаетъ то же бытіе въ себѣ, какъ и чувственное, но ясно и отчетливо. Разница между вещью въ себѣ и явленіемъ опять таки есть разница количественная. А Кантовское дѣленіе бытія было совершен-

---

щеніе непозволительно въ греческой грамматикѣ.

но инымъ: у него вещь въ себѣ существуетъ в н ѣ нашего сознанія, и мы о ней не имѣемъ н и к а к о г о знанія |ни яснаго, ни отчетливаго, ни темнаго, ни смутнаго=неотчетливаго| ; явленія же существуютъ на дѣлѣ внутри насъ, и могутъ быть познаны нами съ полной ясностью и отчетливостью. Конечно, можно условиться понимать подъ ноуменомъ - вещь въ себѣ, подъ феноменомъ - явленіе, но тогда съ этими названіями нужно будетъ связать новое содержаніе. |Ноуменъ тогда окажется в н ѣ нашего сознанія, феноменъ = явленіе, т.е. будетъ существовать лишь въ нашемъ сознаніи|. Э т о н о в о е з н а ч е н і е и д а н о э т и м ъ т е р м и н а м ъ и м е н н о К а н т о м ъ.

До Канта оно не существовало, а лишь подготовлялось въ новой философіи у Лейбница и особенно у Беркли. Но у нихъ не было, да и не могло быть, выставлено это новое значеніе, ибо оно есть результатъ субъективности пространства и времени, обращающей весь міръ |даже и внутренній| ,въ представленіе, въ явленіе. А мысль о субъективности времени была совсѣмъ нова|она начала проявляться только въ XVIIIв. -впервые у Лейбница, который понималъ время, какъ с м у т н о е в о с п р і я т і е послѣдовательности.|

Итакъ, знанія о вещахъ въ себѣ нѣтъ. Но если дѣло стоитъ такъ, нельзя ли изъ понятія вещи въ себѣ все же сдѣлать какое либо употребленіе, пригодное для науки, или же его прямо о т б р о с и т ь н а в с е г д а ? Понятіе вещи въ себѣ таково, что мы не въ правѣ ни утверждать существованіе вещей въ себѣ, ни отрицать его. Поэтому мы не въ правѣ

отбросить понятіе вещи въ себѣ, ибо тогда мы невольно перешли бы за предѣлы опыта, догматически признавъ, что единственная реальность - міръ явленій. Понятіе вещи въ себѣ есть понятіе пограничное или предѣльное, т.е. оно имѣетъ такое значеніе для нашего знанія: оно указываетъ предѣлы для знанія, напоминаетъ, чтобы мы ни въ какомъ видѣ не переходили за предѣлы опыта, ничего не утверждали и ничего не отрицали относительно того, что лежитъ за предѣлами опыта. Иного примѣненія понятія вещи въ себѣ не можетъ быть.

Для уясненія всего сказаннаго Кантъ разбираетъ еще и такой вопросъ: Примѣненіе категорій къ вещамъ въ себѣ совершенно непозволительно. Но не могутъ ли быть такія условія, что категоріи будутъ примѣнимы и къ вещамъ въ себѣ? Если и могутъ, отвѣчаетъ онъ, то не для человѣческаго ума| умъ человѣческій воспринимаетъ субъективныя представленія, а не вещи въ себѣ|, а для иного разсудка, такого, который могъ бы воспринимать въ своихъ интуиціяхъ прямо вещи въ въ себѣ. А когда это возможно? Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если разсудокъ снабжалъ бы субъективные продукты реальностью, если онъ, представляя | въ интуиціяхъ| вещи въ себѣ, тѣмъ самымъ создавалъ бы ихъ. Этотъ умъ Кантъ называетъ или интуитивнымъ разсудкомъ или интеллектуальной интуиціей; эти названія объясняются тѣмъ, что въ этомъ разсудкѣ дѣятельность мыслительная совпала бы съ интуитивной и наоборотъ. Въ такомъ разсудкѣ категоріи имѣли бы примѣне-

ніе и къ вещамъ въ себѣ. Такой разсудокъ можно приписать Богу. Но явное дѣло, такой разсудокъ не можетъ существовать въ предѣлахъ опыта и лежитъ внѣ этихъ предѣловъ. Поэтому мы не въ правѣ ни утверждать, ни отрицать существованіе такого разсудка. Вычеркнуть же это проблематическое понятіе нельзя, потому что сдѣлавъ это, мы тѣмъ самымъ тоже перейдемъ за предѣлы опыта. Поэтому мы изъ понятія такого разсудка должны сдѣлать тоже пограничное понятіе.-

Трансцендентальная діалектика. Объясненіе существованія метафизики.

Метафизика такимъ образомъ невозможна. Но тѣмъ не менѣе метафизика существуетъ, какъ фактъ, хотя и не какъ фактъ гносеологически правомѣрный. А существованіе этого факта показываетъ, что нашъ разумъ склоняется невольнымъ образомъ къ построенію метафизики. Поэтому передъ Кантомъ возникаютъ двѣ задачи: I| онъ долженъ объяснить существованіе метафизики, какъ факта среди другихъ наукъ; 2| детально доказать, что метафизика невозможна. Этому и посвящена Трансцендентальная діалектика. Діалектикой она названа потому, что въ ней идетъ рѣчь о кажущемся знаніи |метафизикѣ|, которое отличается въ то же время соблазнительнымъ для нашего разума правдоподобіемъ. А правдоподобныя, но невѣрныя разсужденія часто| со времени Аристотеля| называютъ діалектикой; трансцендентальной - потому, что къ этому знанію разумъ неизбѣжно склоняется вслѣдствіе трансцендентальныхъ условій. Существованіе метафизики обу-

словливается тѣмъ, что у насъ есть разумъ, т.е. способность силлогизировать. Ему то Кантъ и приписываетъ неискоренимую потребность строить метафизику. Оттого и діалектику онъ назвалъ "діалектикой ч и с т а г о р а з у м а". Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что метафизика есть попытка узнать то, что можетъ быть построено только посредствомъ умозаключеній; а способность къ нимъ Кантъ называетъ разумомъ.

Отсюда, |изъ такого употребленія слова - разумъ| съ большой вѣроятностью можно подозрѣвать, не назначалъ ли Кантъ всю "Критику чистаго разума" для доказательства одной главной мысли - невозможности метафизики, такъ что рѣшеніе вопроса о возможности естествознанія было для него только средствомъ для главной цѣли : иначе зачѣмъ онъ назвалъ Критику Критикой р а з у м а, а не какъ нибудь иначе, хотя бы Критикой разсудка, о которомъ говорится въ ней гораздо больше, чѣмъ о разумѣ, или еще лучше - Критикой п о з н а н і я вообще? Конечно, противъ приписыванія Канту подобной главной цѣли стоятъ нѣкоторые ученые, но споры ученыхъ неизбѣжны: безъ этого зачастую нельзя обнаружить своей учености. Вѣдь отъ ученыхъ требуется |или вѣрнѣе, они другъ отъ друга требуютъ|, чтобы они писали хотя бы и безтолково и туманно |такъ что не разъясняли бы и не распространяли бы старыхъ знаній, а еще болѣе запутывали бы ихъ и дѣлали мало доступными|, но за то что нибудь н о в е н ь н ь к о е; а безъ споровъ то развѣ скоро придумаешь новенькое?|

Объясненіе же существованія метафизики Кантъ производитъ

путемъ слѣдующихъ | и надо сознаться, очень неубѣдительныхъ| соображеній: въ опытѣ все условно; одинъ фактъ зависитъ отъ другого, какъ своего условія, этотъ отъ третьего и т. д. до безконечности. И нашъ разсудокъ при изученіи опыта вынужденъ къ каждому факту подыскивать рядъ условій, идущихъ въ безконечность. И чѣмъ больше условій пройдетъ онъ при своемъ изученіи, тѣмъ полнѣе рѣшитъ онъ свою задачу изученія опыта. Такимъ образомъ выходитъ, что чѣмъ п о л н ѣ е онъ изучаетъ опытъ, тѣмъ больше онъ п р и б л и ж а е т с я къ знанію б е з у с л о в н а г о бытія, отъ котораго уже зависитъ все условное въ опытѣ, такъ что оно могло бы объяснить весь опытъ|внутренний, или внѣшній, или оба вмѣстѣ|. Такимъ то образомъ, въ сознаніи складывается понятіе о безусловномъ бытіи. Въ опытѣ оно не можетъ быть реализовано|дано|, ипотому означаетъ только недостижимую для разсудка задачу, къ рѣшенію которой онъ долженъ безконечно приближаться, но никогда не достигнуть до ея рѣшенія. Такія понятія о безусловномъ бытіи, которое не можетъ быть предметомъ опыта, и должно обозначать только неразрѣшимую для разсудка задачу |безпрерывно стремиться къ исчерпывающей полнотѣ знанія| Кантъ называетъ и д е я м и: и такъ какъ онѣ неизбѣжно возникаютъ въ силу условій нашего знанія, то онѣ называются т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м и и д е я м и. А такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, |котораго провѣрять не будемъ| возникаютъ подъ вліяніемъ способности умозаключеній|т.е. разума|, то онъ называетъ ихъ понятіями р а з у м а. Понятія разсудка реализуются въ опытѣ, а для понятій разума это невозможно по самому

ихъ содержанію; и ихъ нельзя считатьза понятія, соотвѣтствующія какимъ либо объектамъ знанія, а только за выраженіе неразрѣшимой задачи знанія |стремиться къ полнотѣ| . Но кто не умудренъ критикой, тому невольно покажется , что идеямъ должны соотвѣтствовать познаваемые нами объекты|ибо сами то идеи возникаютъ , по Канту, вполнѣ невольно, когда мы всматриваемся въ познавательную дѣятельность разсудка|, т.е. должно казаться, что мы можемъ и должны дойти до окончательнаго рѣшенія задачи разсудка - дать полное объясненіе опыту. А такъ какъ такихъ объектовъ нѣтъ въ опытѣ, то они считаются лежащими внѣ опыта . И вотъ возникаетъ, значитъ, видимость возможности существованія науки о сверхчувственномъ. Эта видимость составляетъ неизбѣжную иллюзію разума; и потому можетъ быть названа трансцендентальной гипотезой. Идея о безусловномъ бытіи возникаетъ чрезъ силлогизмъ; а такъ какъ силлогизмы бываютъ трехъ родовъ - категорическіе, условные и раздѣлительные, - то и трансцендентальная идея возникаетъ въ трехъ видоизмѣненіяхъ: идея души |безусловное бытіе, сполна объясняющее весь внутренній опытъ|, идея міроваго цѣлаго |безусловное бытіе, объясняющее весь внѣшній опытъ|, идея Бога |безусловное бытіе, объясняющее всякій опытъ, опытъ сполна|.

Въ этомъ сопоставленіи трансцендентальныхъ идей съ силлогизмами сказалась предвзятая мысль, что "Критика" должна соотвѣтствовать во всѣхъ частяхъ логикѣ. Разумѣется, при

этомъ дѣло не обходится безъ насилій надъ мыслею, какъ и въ таблицѣ категорій.

Таково объясненіе метафизики. А теперь надо показать, что науки 1| о душѣ, 2| о міровомъ цѣломъ и 3| о Богѣ оказываются кажущимися, что въ ихъ выводахъ всегда бываетъ логическій промахъ.

По мнѣнію Канта трансцендентальныхъ идей три. Представленіе о безусловномъ субстратѣ всѣхъ явленій внутренняго чувства есть идея о душѣ. Представленіе о безусловной связи всѣхъ внѣшнихъ явленій есть идея о мірѣ. Наконецъ, представленіе о безусловномъ существѣ, обосновывающемъ всѣ явленія вообще, есть идея о Божествѣ. Если же эти идеи разсматриваются, какъ объекты познанія, то чрезъ это возникаютъ три метафизическія спеціальныя науки, которыя обыкновенно примыкаютъ къ онтологіи - раціональная психологія, раціональная космологія и раціональная теологія.

Критика раціональной психологіи. Паралогизмы чистаго разума.

Раціональная психологія силится доказать, что наше Я есть а| субстанція, в| простая, с| поэтому безсмертная, д| сознающая саму себя, неизмѣняемость, единство и характеръ своей природы, поэтому имѣющее личное бытіе. Всѣ доказательства опираются на то, что мы сознаемъ свое Я, какъ неизмѣняемое |субстанціальное |, единое |простое и

т.д.| существованіе. Но что такое Я ? Это п о н я т і е,
мысль, которая должна сопровождать всѣ мои сужденія, чтобы
они были моими |см. выше о трие. апперц.|. Безъ "мыслю я"
невозможно ни одно сужденіе. Оно |т.е. мысль объ Я | соста-
вляетъ необходимое у с л о в і е всякаго сужденія. Въ этомъ
смыслѣ оно можетъ быть названо с у б ъ е к т о м ъ |подлежа-
щимъ| всѣхъ нашихъ сужденій и оно въ этомъ смыслѣ не можетъ
быть сказуемымъ никакого другого субъекта. Но субъектъ этотъ
л о г и ч е с к і й |вѣрнѣе было бы, если бы Кантъ сказалъ
- гносеологическій|, а не реальный. Раціональная же психоло-
гія считаетъ его р е а л ь н ы м ъ, т.е. смѣшиваетъ поня-
тія вслѣдствіе одинаковости названій. Субстанція есть то, что
служитъ всегда |подразумѣвается, реальнымъ , а не просто мы-
слимымъ или гносеологическимъ| субъектомъ и никогда сказуе-
мымъ. Слѣдовательно, раціональная психологія дѣлаетъ ошибку
quaternio terminorum; смѣшиваетъ то, что неизбѣжно м ы-
с л и т с я |мысль объ единомъ тожественномъ Я при всякомъ
актѣ сознанія|съ тѣмъ, что с у щ е с т в у е т ъ с а м о
п о с е б ѣ при этихъ актахъ. Оттого всѣ выводы раціональ-
ной психологіи суть п а р а л о г и з м ы |т.е. неправиль-
ные силлогизмы|. И разборъ ея носитъ заглавіе: п а р а л о-
г и з м ы ч и с т а г о р а з у м а. Кантъ шагъ за шагомъ
слѣдитъ за каждымъ положеніемъ, и сокрушаетъ ихъ. Разборъ
снабженъ дополнительными примѣчаніями. Изъ нихъ остановимся
на двухъ. I| Раціональная психологія претендовала быть даже
самымъ достовѣрнымъ знаніемъ. Она утверждала, что знаніе вну-
тренняго міра достовѣрнѣй, чѣмъ знаніе внѣшняго. Кантъ отмѣ-

чаетъ, что знанія внѣшняго міра въ смыслѣ вещей въ себѣ совсѣмъ нѣтъ. А въ смыслѣ знанія внѣшнихъ явленій оно настолько же недостовѣрно, какъ и знаніе внутренняго міра: вѣдь внутренній міръ вслѣдствіе необходимости объектированія невозможенъ безъ внѣшняго, и знаніе внутренняго невозможно безъ знанія внѣшняго. 2| Доказательство простоты души нужно было для спасенія безсмертія. Но оно не достигаетъ цѣли: простое хотя и не можетъ погибнуть путемъ разложенія на части; но за то можетъ исчезнуть путемъ ослабленія своей реальности до нуля, какъ исчезаютъ, ослабѣвая до нуля, всѣ интенсивныя величины. Общій итогъ. Субстанціальность и безсмертіе души не доказаны| да и не доказуемы, ибо касаются вещей въ себѣ|: но опроверженіе доказательствъ еще не означаетъ опроверженія доказываемыхъ положеній. Матеріализмъ , отрицая душу и безсмертія, тоже касается вещей въ себѣ. Слѣдовательно тоже недоказуемъ. Но почему Кантъ не подвергъ его специальной критикѣ, какъ раціональную психологію? Отчасти потому, что въ его время матеріализмъ и безъ того не считали доказуемымъ| вѣдь вѣрили еще многіе въ раціональную психологію|. А вѣрнѣе потому, что критикой матеріализма служитъ вся Критика Чистаго Разума, особенно же "Трансцендентальная эстетика". Вѣдь, доказано, что пространство субъективно; а матеріализмъ невозможенъ безъ допущенія объективности пространства. Но одинаково догматиченъ и дуализмъ духа и тѣла. Вполнѣ возможно, говоритъ Кантъ, что одно и то же бытіе обнаруживается для внѣшняго чувства въ видѣ явленій матеріальныхъ, а для внутренняго - въ видѣ явленій ду-

шевныхъ. А съ дуализмомъ удаляется изъ области знанія и возбужденный имъ вопросъ о взаимодѣйствіи духа и тѣла. Правда, вмѣсто него возникаетъ другой: какъ возможно соединеніе чувствительности съ разсудкомъ. Но здѣсь граница знанія: мы должны признать этотъ первичный факторъ, какъ фактъ. Обусловливая собой в с е наше знаніе, онъ не можетъ быть объясненъ нашимъ знаніемъ.

Результатъ критики раціональной психологіи таковъ: отъ з н а н і я безсмертія мы должны отказаться; но за то ничто не мѣшаетъ вѣровать въ него.

В. К р и т и к а р а ц і о н а л ь н о й к о с м о л о г і и. А н т и н о м і и ч и с т а г о р а з у м а.

Здѣсь критика ведется своеобразнымъ путемъ. Кантъ утверждаетъ, а| что относительно міра можно с ъ о д и н а к о в ы м ъ у с п ѣ х о м ъ д о к а з а т ь четыре противоположныхъ положенія. Каждая пара изъ нихъ |тезисъ и антитезъ, т.е. положеніе противорѣчущаго содержанія| называется имъ антиноміей |при переводѣ съ греческаго это будетъ означать противозаконія или беззаконія|. Отъ этого соотвѣтствующій отдѣлъ Діалектики называется "Антиноміями чистаго разума". Двѣ изъ нихъ онъ называетъ математическими, ибо онѣ касаются количественной стороны міра| именно , I-ая величины его въ пространствѣ и времени, 2-ая - дѣлимости его матеріала|, другія же двѣ| касающіяся состава міра| динамическими. - Оправдываетъ онъ свою мысль тѣмъ, что приводитъ, неопровержимыя по его мнѣнію, доказательства тезиса и антитезиса каждой

антиномiи. Но доказательства оставимъ въ сторонѣ. Гораздо поучительнѣе объясненiе ихъ возможности и выводы изъ него. А для знакомства съ нимъ отмѣтимъ только содержанiе антиномiй. Ихъ всегда называютъ въ послѣ-Кантовской литературѣ космологическими |т.е. относящимися къ ученiю о мiрѣ|. Заглавiя, которыя даны будутъ сейчасъ для каждой изъ нихъ, не Кантовскiя.

Т е з и с ы. — А н т и т е з и с ы.

I. антиномiя |величина мiра въ пространствѣ и времени|.

Мiръ имѣетъ начало во времени и ограниченъ пространствомъ.

Мiръ не имѣетъ начала во времени и безграниченъ въ прос[транствѣ]

2-ая антиномiя | мiрового матерiала|.

Всѣ вещи въ мiрѣ состоятъ изъ простыхъ|т.е. далѣе неразложимыхъ, недѣлимыхъ частей, изъ простыхъ|.субстанцiй.

Все сложно и дѣлимо до безконечности, и нѣтъ въ мiрѣ ничего простого|недѣлимаго далѣе

3-iя антиномiя | свободы въ мiрѣ|.

Для объясненiя всѣхъ явленiй въ мiрѣ необходимо допустить, что кромѣ причинности законовъ природы дѣйствуетъ еще причинность свободы.

Въ мiрѣ нѣтъ свободы, но все происходитъ только по законамъ природы.

4-ая антиномiя |необходимаго существа|.

Мiръ своими фактами доказываетъ, что есть безусловно необходимое существо, составляющее или часть мiра или его причину.

Нѣтъ нигдѣ безусловно необходимаго существа, ни въ мiрѣ |какъ его часть|, ни внѣ мiра |какъ его причина|

Объясненіе существованія и рѣшеніе антиномій слѣдующее: въ двухъ первыхъ ихъ предметъ разсматривается, какъ данный и з в н ѣ в ъ г о т о в о м ъ в и д ѣ, т.е. какъ вещь въ себѣ; а о вещахъ въ себѣ невозможно знаніе, а слѣдовательно, и рѣшеніе какого бы то ни было спора:, отсюда возможность доказывать и тезисъ и антитезисъ. Именно, въ первой антиноміи идетъ рѣчь о м і р о в о м ъ ц ѣ л о м ъ. Но міровое ц ѣ л о е не дано извнѣ, да и не можетъ быть дано въ опытѣ. Мы сами строимъ міръ, какъ явленіе, переходя вслѣдствіе безконечности п р е д с т а в л я е м а г о пространства и времени отъ одной части къ другой. Но этимъ путемъ не составится міровое ц ѣ л о е; и міръ, построяемый въ явленіи|а не какъ извнѣ данная вещь въ себѣ,| не будетъ ни конечнымъ |ибо построеніе непрерывно продолжается|, ни безконечнымъ|ибо построеніе еще не прошло всей безконечности|. Такимъ образомъ тезисъ и антитезисъ первой антиноміи одинаково ложны. То же самое и со второй. Вслѣдствіе того, что міровыя вещи неизбѣжно протяженны|ибо такова форма внѣшняго чувства|, онѣ безконечно дѣлимы, и состоятъ изъ простыхъ частей, на которыя мы сами успѣли ихъ раздѣлить. Но мы можемъ дальше дѣлить и эти части. Слѣдовательно, про міръ, какъ явленіе, нельзя сказать ни того, что онъ с о с т о и т ъ изъ простыхъ частей, ни того, что ихъ въ немъ н ѣ т ъ. Вторая антиномія беретъ міровой матеріалъ, какъ извнѣ данный, какъ вещь въ себѣ. Слѣдовательно въ ней и тезисъ и антитезисъ одинаково должны быть отвергнуты, какъ и въ первой. Кстати, въ этихъ двухъ антиноміяхъ Кантъ видитъ косвенное доказательство трансцендентальной

ной эстетики: какъ только, думаетъ онъ, мы будемъ разсматривать пространство и время, какъ извнѣ данныя, такъ тотчасъ же мы, вопреки закону исключеннаго третьяго, запутываемся въ антиноміи. И н а ч е о б ъ я с н я ю т с я и р ѣ ш а ю т с я д и н а м и ч е с к і я а н т и н о м і и. Въ нихъ т е з и с ы в ѣ р н ы д л я м і р а я в л е н і й; а а н т и т е з и с ы, хотя и недостовѣрны, но допустимы д л я м і р а в е щ е й в ъ с е б ѣ. Именно, необходимое существо можно допустить |но еще не доказать|, какъ бытіе Бога. А свободу можно допустить слѣдующимъ образомъ: каждый мой поступокъ обусловленъ другимъ, какъ причиной, этотъ - третьимъ и т.д. Въ этомъ ряду каждый членъ неизбѣженъ. Но в е с ь р я д ъ этихъ поступковъ м о ж н о разсматривать как обнаруженіе вещи въ себѣ, и весь рядъ считать с в о б о д н о возникшимъ. Если мы условимся называть рядъ этотъ э м п и р и ч е с к и м ъ х а р а к т е р о м ъ, а то, что въ немъ обнаруживается со стороны вещей въ себѣ, - у м о п о с т и г а е м ы м ъ х а р а к т е р о м ъ, то мы можемъ сказать: свободы нѣтъ въ эмпирическомъ характерѣ, но она есть въ умопостигаемомъ характерѣ; и это потому, что умопостигаемый характеръ внѣ времени, такъ что его акты не должны зависѣть отъ предшествующихъ; но въ эмпирическомъ характерѣ всякій моментъ лежитъ во времени и зависитъ отъ предшествовавшихъ.

С. К р и т и к а р а ц і о н а л ь н о й т е о л о г і и.

И д е а л ъ ч и с т а г о р а з у м а.

Раціональная теологія старалась чисто научнымъ путемъ доказать

существованіе всереальнѣйшаго существа - Бога. Знаніе такого существа, которое служитъ высшимъ единствомъ и источникомъ в с я к о й реальности, конечно, является въ глазахъ разума идеаломъ знанія. А отсюда Кантовское заглавіе, соотвѣтствующаго отдѣла діалектики. Доказательства существованія Бога въ раціональной теологіи слѣдующія: а| онтологическое, космологическое, с| физико-телеологическое. Каждое изъ нихъ Кантъ и подвергаетъ тщательной критикѣ.

а| О н т о л о г и ч е с к і й а р г у м е н т ъ заключаетъ отъ понятія о Богѣ, какъ существѣ всереальнѣйшемъ, |ens realissimum|, что Оно существуетъ, ибо въ числѣ совершенствъ всереальнѣйшаго |совершеннѣйшаго| существа надо мыслить и бытіе, такъ что было бы противорѣчіемъ считать его не существующимъ. Ошибка аргумента въ томъ, что бытіе разсматривается, какъ логическій признакъ. Но это невѣрно. Будь бытіе признакомъ, то понятіе вещи измѣнялось бы по своему содержанію въ зависимости отъ того, существуетъ ли эта вещь или нѣтъ. Но п о н я т і е трехугольника, или ста рублей п о с в о е м у с о д е р ж а н і ю остается тѣмъ же самымъ; идетъ ли рѣчь о вещи воображаемой или дѣйствительно существующей. П о н я т і е Юлія Цезаря останется тѣмъ же если обнаружится , что исторія римской имперіи есть нечто иное, какъ миѳъ. Слѣдовательно, бытіе не есть логическій признакъ, котораго нельзя было бы отрицать у какой-либо вещи, хотя и Бога, иначе, какъ цѣной противорѣчія съ понятіемъ этой вещи. Онтологическій аргументъ былъ бы вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы бытіе было логическимъ признакомъ, ко-

торый изменялъ бы содержаніе понятія. Но это невозможно.

в| Космологическій аргументъ развивается такъ: въ міръ всякій фактъ случаенъ, могъ бы и не быть, а существуетъ на дълъ оттого, что обусловленъ другимъ, а этотъ другой опять случаенъ и существуетъ черезъ третій и т.д. Слъдовательно, весь міръ требуетъ какъ своей причины безусловнаго существа, т.е. такого, которое по самому понятію своему не могло бы не быть, а было бы необходимымъ. А это и есть Богъ. - Здъсь на ряду съ другими ошибками |которыя Кантъ называетъ "діалектическими притязаніями" разума|напр., съ притязаніемъ отъ опыта при помощи принципа причинности, имъющаго достовърное значеніе только для опыта - заключать о томъ, что лежитъ за предълами опыта| двъ важнъйшихъ ошибки: I| догматически предположено, что рядъ условій не можетъ идти въ безконечность, а объ этомъ то между тъмъ и должна быть ръчь. 2| Если это и уступить, то какъ же убъдиться, что этотъ рядъ будетъ обусловленъ именно Богомъ? Для этого убъжденія надо упираться на то соображеніе, что только Богъ, какъ всереальнъйшее существо, обладаетъ необходимымъ битіемъ, т.е. не можетъ не быть; а прочія существа, не будутъ необходимыми. А это значитъ прибъгать втихомолку къ помощи уже забракованнаго онтологическаго аргумента.

с| Физико-телеологическій аргументъ выводитъ битіе Бога, опираясь на цълесообразность и красоту міра. Такой доводъ Кантъ находитъ наиболъе вліятельнымъ относительно сердца, т.е. распологающимъ къ въръ, но для знанія,

для науки столь же неприроднымъ, какъ и другіе. Его ошибка такова: 1| изъ факта цѣлесообразности если и можно что вывести, то не Творца, а всего только З о д ч а г о, строителя міра, создавшаго не мате...алъ міра, а только его порядокъ. 2| остается неизвѣстнымъ, каковъ этотъ строитель. Говорятъ, что по аналогіи съ художественнымъ произведеніемъ |которое своимъ строемъ указываетъ на р а з у м н а г о автора| надо считать зодчаго міра разумнымъ. Но въ какой степени? Сказать о ч е н ь разумнымъ - это значитъ пустословить. Надо во сколько разъ порядокъ міра выше совершенства человѣческаго произведенія и вычислить, во сколько разъ міровой З о д ч і й разумнѣй человѣка. А это невозможно. 3| Д о п у щ е н о догматически въ этомъ аргументѣ, а не доказано, что порядокъ міра не можетъ быть результатомъ естественныхъ законовъ природы. Такое убѣжденіе можетъ быть обосновано только на томъ, что вообще въ мірѣ все с л у ч а й н о, и требуетъ для своего объясненія существованія обусловливающаго его н е о б х о д и м а г о существа. А это значитъ втихомолку связывать этотъ аргументъ съ космологическимъ. Итакъ, этотъ аргументъ, будучи наиболѣе вліятельнымъ для сердца, съ точки зрѣнія знанія имѣетъ всѣ недостатки космологическаго| а чрезъ него и онтологическаго|, да еще свои спеціальные.-

Общій итогъ: онтологическій аргументъ ошибоченъ; другіе же втихомолку сводятся на него, да къ его ошибкамъ прибавляютъ еще свои особыя, имъ присущія. Итакъ, нельзя доказать существованія Бога. Но опроверженіе доказательства еще не есть опроверженіе доказываемаго положенія. Отрицать существованіе Бога мы

тоже не въ правѣ, ибо это отрицаніе касалось бы вещей въ себѣ. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ вѣровать въ Бога, если найдутся для этого достаточные мотивы. А въ своей этикѣ Кантъ приводитъ такую мысль: мы не можемъ не вѣрить въ нравственный законъ, и вѣримъ въ него. А вѣра въ него была бы абсурдомъ, если не допускать существованія свободы, безсмертія и Бога. Поэтому, коль скоро мы вѣримъ въ нравственный законъ, то мы должны признавать существованіе свободы|умопостигаемаго характера|, безсмертія и Бога. Это, конечно, не знаніе, но вѣра. А такъ какъ со стороны критически оцѣненнаго знанія не можетъ быть препятствія для этой вѣры, то такая вѣра столь же прочна, какъ и вѣра въ нравственный законъ. А послѣдняя столь же прочна, какъ знаніе.- Такимъ образомъ то, что оказывается недостаточнымъ для знанія, все таки составляетъ твердое убѣжденіе въ силу того обстоятельства, что 1| эти убѣжденія составляютъ требованія |или какъ выражается Кантъ, постулаты|, подразумѣвающіяся въ нравственномъ долгѣ, какъ условія его смысла, 2| и въ силу того, что со стороны знанія нѣтъ никакихъ препятствій для допущенія этихъ убѣжденій. Это отношеніе между знаніемъ и основанными на нравственномъ законѣ убѣжденіями Кантъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ называетъ разумъ, поскольку онъ дѣйствуетъ въ познаніи, теоретическимъ; разумъ же, поскольку онъ сказывается въ нашей|нравственной|дѣятельности,-практическимъ; а требованія, подразумѣвающіяся въ вѣрѣ въ нравственный законъ, - постулатами прак-

тическаго разума. Практическій разумъ вынуждаетъ насъ къ признанію реальности этихъ постулатовъ; а теоретическій, хотя и находитъ ихъ недоказуемыми, тѣмъ не менѣе не можетъ ничего возразить противъ нихъ по существу. Такимъ образомъ, мы въ нихъ вѣримъ, можемъ и должны вѣрить; слѣдовательно, практическій разумъ имѣетъ примат |первенство| передъ теоретическимъ.- Но могутъ спросить, не могутъ ли забракованныя Критикой идеи|души, мірового цѣлаго, Бога| имѣть какое нибудь полезное значеніе для познанія. Могутъ, отвѣчаета Кантъ, но не какъ понятія, завѣдомо реальныя, входящія въ составъ нашего знанія и устанавливающія его содержаніе, т.е. не какъ принципы конститутивные, по его выраженію, а какъ понятія направляющія познавательную дѣятельность,- иначе, какъ принципы регулятивные. Именно, а| идея души напоминаетъ и требуетъ, чтобы мы I| не упускали изъ виду отличія душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ и 2| прослѣживали какъ можно далѣе связь душевныхъ явленій между собою. Это потому, что если бы душа была познана, то это знаніе объяснило бы намъ и всѣ отличія душевныхъ явленій и всю ихъ связь между собою. в| Идея мірового цѣлаго напоминаетъ и требуетъ, чтобы мы изучали міръ все дальше и дальше и приводили въ связь знанія объ его частяхъ: вѣдь знаніе мірового цѣлаго дало бы полную и связную картину міра. с| Идея Бога напоминаетъ и требуетъ, чтобы мы приводили къ систематическому единству всю совокупность нашихъ знаній: вѣдь знаніе Бога |единства всѣхъ реальностей| дало бы намъ именно такое систематически объединенное знаніе. -

СХЕМА СОДЕРЖАНІЯ "КРИТИКИ ЧИСТАГО РАЗУМА."

Введеніе. I. Трансцендентальное ученіе объ элементахъ. *познания* — II. Трансцендентальное ученіе о методѣ.

- I. Трансцендентальная эстетика.
- 2. Трансцендентальная логика.
  - А. Трансцендентальная аналитика.
    - а. Аналитика понятій.
      - α. О путеводной нити къ открытію категорій.
      - β. Дедукція категорій.
    - в. Аналитика основоположеній.
      - α. Схематизмъ чистаго разума.
      - β. Система основоположеній.
  - В. Трансцендентальная діалектика.

